

ДЖЕЙМС КЭРОЛ

18+

№1 В СПИСКАХ
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
AMAZON KINDLE И iBOOK

СЛОМАННЫЕ КУКЛЫ

Есть вещи страшнее смерти

Annotation

Джеймс Кэрол родился в Шотландии в 1969 году, вырос и по сей день живет в Хертфордшире, Великобритания, с женой и двумя детьми.

Джефферсон Уинтер – не обычный следователь. Будучи сыном одного из самых известных серийных убийц Америки, он всю жизнь пытается вытравить из себя отцовские черты и становится независимым консультантом, помогающим полиции раскрывать сложные дела.

Очередное задание приводит Уинтера в промозглый Лондон, где на свободе находится маньяк, похищающий молодых женщин и делающий им лоботомию. Нужно найти психа, прежде чем еще одна девушка станет его жертвой. Ведь Уинтер как никто другой знает, что не всё, что сломано, можно починить...

- [Джеймс Кэрол](#)

-
- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

- [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Джеймс Кэрол

Сломанные куклы

*Посвящается Кэрен, Найаму и Финну.
Я вас люблю*

«BROKEN DOLLS»

by James Carol

Печатается с разрешения литературных агентств Darley
Anderson Literary, TV Film Agency и The Van Lear Agency LLC.

Пролог

Когда я видел отца живым в последний раз, он был привязан к тюремной каталке и лежал с раскинутыми руками, как будто его готовили к распытию. Все возможные в данных обстоятельствах апелляции мы подали и получили на них отказы. На отсрочку исполнения наказания надеяться не приходилось. В каждой руке у него уже торчало по катетеру с капельницей. Для наступления смерти достаточно было инъекции в одну руку, но было решено подстраховаться. На мониторе фиксировались последние биения его сердца. Даже в этой ситуации пульс у него был стабильным и спокойным – 75 ударов в минуту.

Увидеть смерть отца пришли около двадцати человек: родители жертв, сотрудники тюрьмы и еще мужчина в новом строгом костюме, представляющий губернатора штата Калифорния. Все старались устроиться поудобнее, чтобы ничто не мешало хорошо рассмотреть основное действо. Я же почти не замечал окружающей меня суеты.

Отец бросил на меня пристальный взгляд, пронзивший меня насквозь даже через толстое оргстекло. В эту секунду для меня во всем мире существовали только он и я. Я не сводил с него глаз, силясь понять, о чем он думает. За свою жизнь я перевидал немало психопатов и уже знал, что отец не сожалеет о содеянном. Он не был способен испытывать угрызений совести за свои преступления.

За двенадцать лет отец убил пятнадцать молодых женщин. Он похищал их и вывозил в бескрайние орегонские леса, где выпускал на свободу и охотился на них с мощной винтовкой. Никакой жалости к своим жертвам он не испытывал, для него они были просто игрушками.

Я не отводил глаз под его пристальным взглядом. У него были яркие зеленые глаза с золотым ободком вокруг зрачка – точно такие же, как у меня. У нас с ним было много общих генетических черт, и смотреть на отца было все равно что смотреть в темный длинный тоннель моего будущего. Мы оба были худые и высокие – метр восемьдесят, оба пили очень много кофе, и, благодаря какому-то редкому гену, у нас обоих были седые, как снег, волосы. Я поседел, когда мне было чуть за двадцать, отец и того раньше.

Есть три причины, по которым он так долго оставался на свободе и продолжал убивать. Во-первых, он был умен и всегда на шаг впереди тех, кто охотился на него. Во-вторых, абсолютно неприметное лицо – такие, как

он, легко смешиваются с толпой. И, в-третьих, его спасала краска для волос. Ведь если у вас яркие, необычные волосы, уже неважно, какое у вас лицо.

На долю секунды на лице отца промелькнула злая ухмылка уличного хулигана. Он произнес три слова, которые я прочел по губам, и у меня внутри все похолодело. Эти три слова попали в мой внутренний тайник, который я очень хорошо прятал даже от самого себя. Видимо, он увидел, как изменилось выражение моего лица, потому что пульнул в меня еще одной убийственной улыбкой и закрыл глаза в последний раз.

Начальник тюрьмы спросил отца, хочет ли он что-то сказать напоследок, но отец никак не отреагировал. Он повторил вопрос, подождал ответа почти целую минуту и, не получив его, дал знак приводить приговор в исполнение.

Сначала по катетеру пустили пентобарбитал, быстродействующий анестетик. Через несколько секунд отец уже был без сознания. Затем последовал панкуроний бромид, парализовавший мускулатуру его дыхательных органов. И в завершение, чтобы остановить сердце, в вены ввели хлористый калий. Через шесть минут и двадцать три секунды была зафиксирована смерть.

Позади меня, не сдерживаясь, рыдала мать одной из жертв. Муж пытался ее успокоить. Судя по остекленевшему взгляду, лекарств она выпила немало. В состоянии медикаментозного летаргического сна была не одна она. Достаточно было посмотреть вокруг, чтобы это понять. Отец оставил за собой длинный, глубокий след из боли, и сила этой боли еще очень долго будет напоминать о себе. Отец одной из жертв пробормотал что-то про «слишком легко отделался», выразив ощущение большинства людей, пришедших смотреть на казнь. И я не мог с ними не согласиться: я видел фотографии с мест преступлений и читал протоколы результатов вскрытия. Каждая из этих пятнадцати девушек умерла медленной, мучительной смертью, которая очень контрастировала со смертью моего отца.

Я вышел из здания вместе со всеми и двинулся к парковке. Какое-то время я просто сидел в арендованной машине, вставив ключ в зажигание, и пытался разогнать туман в голове. Я все никак не мог отделаться от тех трех слов, которые произнес отец. Я знал, что это неправда, что он просто провоцирует меня, но при этом я не мог избавиться от ощущения, что зерно правды там все-таки есть. А если так, то кто же я теперь? Вся наша жизнь – это замок, построенный на зыбучих песках и линиях разлома. В последние минуты жизни отцу удалось вызвать в моей жизни землетрясение

мощностью девять баллов и разрушить все, что я считал правильным и истинным.

Я повернул ключ, завел машину и поехал в сторону аэропорта. Мой рейс в Вашингтон был в 6.30 следующего утра, но я так никуда и не улетел. Я проехал мимо съезда к аэропорту и отправился дальше по шоссе до самой Вирджинии. Перспектива сидеть и ждать вылета в невыносимой статичности аэропорта меня совершенно не привлекала. Торопиться было некуда: в Куантико меня ждали только на следующей неделе. Но мне не терпелось сбежать к чертям из Калифорнии – чем дальше, тем лучше.

Минуты превращаются в часы, часы – в дни, а дни – в годы. Об этом я думал, наблюдая, как стрелка спидометра ползет вверх. Это было правдой, но лишь частичной. А самая настоящая правда состояла в том, что я пытался убежать от этих трех слов. Но, куда бы я ни ехал, спрятаться от них я все равно не мог.

И даже сейчас, через полтора года, эти три слова преследуют меня, всплывая в голове тогда, когда я жду этого меньше всего. Через какое-то время я даже озвучил для себя эти прочтенные по губам отца слова, представил, как именно он их произносит, по-калифорнийски растягивая слоги, – так же, нараспев, он говорил, заманивая своих жертв. Я и сейчас слышу эти слова так, как если бы он сидел рядом со мной: *«Мы с тобой одинаковые»*.

Женщину на больничной кровати легко можно было принять за труп. О том, что она еще жива, говорили лишь тихий, настойчивый писк кардиомонитора и едва заметные движения грудной клетки в такт дыханию под одеялом. На обмякшем лице не отражалось никаких эмоций. Это не было состоянием глубокой релаксации: у этой женщины все лицевые мышцы словно были кем-то выключены из розетки – обычно так люди могут выглядеть только после смерти. Я легко мог представить себе такое лицо в морге или у трупа в заброшенной лесополосе, но, к моему сожалению, оно принадлежало живому человеку.

Инспектор уголовной полиции Марк Хэтчер взглянул на спящую женщину и не смог сдержать тихого «Господи!». Он смотрел на нее, как загипнотизированный, время от времени качая головой, вздыхая и красноречиво жестикулируя. Я познакомился с Хэтчером в Куантико на учебном курсе по составлению поисковых портретов преступников. Я вел этот курс для иностранных полицейских, и Хэтчер был в их числе. Он отличался от остальных, потому что на всех без исключения лекциях сидел на первом ряду и у него всегда был наготове вопрос. Он нравился мне тогда, нравился и сейчас. Он был одним из лучших инспекторов Скотланд-Ярда. Человек, на протяжении тридцати лет смотревший в ницшеанскую бездну и не превратившийся за это время в бесчувственного робота, однозначно достоин моей симпатии.

Но эти годы, конечно, не прошли для него бесследно. Они высосали из него всю его живость и радость. Он был весь седой, у него потемнела кожа, да и сам он весь тоже как-то помрачнел. Он приобрел особый цинизм, присущий полицейским, много лет посвятившим службе. В по-собачьему грустных глазах Хэтчера я прочитал всю его печальную историю. Его глаза видели столько, сколько никому не пожелаешь увидеть.

– Патрисия Мэйнард – его четвертая жертва, так? – задал я риторический вопрос, чтобы вернуть Хэтчера к реальности больничной палаты.

– Да, – Хэтчер глубоко и устало вздохнул, покачал головой, а затем повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. – Уже год и четыре месяца я пытаюсь поймать этого ублюдка, и знаешь, мы ведь вообще не продвинулись. Как будто мы играем в «Змеи и лестницы»^[1], и кто-то своровал все чертовы лестницы и в каждой клетке нарисовал змеиную

голову. – Он опять вздохнул и покачал головой. – Я думал, Уинтер, что уже видел все, что только можно, но это что-то новое.

Конечно, он не мог перевидать всего. Конца и края ужасам, которые придумывают маньяки, не намечалось, но даже я был готов признать, что нынешний случай – необычен, а уж я-то видел все. Оказалось, что смерть – не худшее из того, что может случиться с человеком, и Патрисия Мэйнард была живым тому свидетельством.

Я смотрел, как она лежала в малюсенькой одноместной палате, опутанная проводами, с катетером и капельницей в тыльной стороне запястья, и мне опять пришла в голову мысль о том, что уж лучше бы она была мертва. И я даже знал, как это устроить: отсоединить капельницу и шприцем нагнать воздух в катетер.

Сначала произойдет закупорка сосудов в правой половине сердца, затем – в легких. Легочные сосуды сожмутся, провоцируя повышение давления в правой половине сердца до тех пор, пока эмболия не перекинется и на его левую половину. Отсюда, по кровеносной системе, воздух разнесется по всему организму. Попад в коронарную артерию, он вызовет сердечный приступ. А добравшись до мозга – инсульт.

Четкое, простое решение. Если никто не будет сильно копать и искать реальные причины, риск получить срок – минимальный. Да никто и не будет разбираться. Весь мой опыт был подтверждением тому, что люди видят только то, что хотят. Патрисия Мэйнард провела в плену три с половиной месяца, и за это время она прошла сквозь ад. Если бы она умерла сейчас, мы бы все с радостью подумали, что ее организм в конце концов просто сдался. На этом все. Дело закрыто.

– Анализ ДНК что-то дал? – спросил я.

– Это тот же человек, который «работал» с остальными тремя женщинами, но он не совпадает ни с кем из нашей базы данных.

– И никакой новой информации о нем не появилось?

– Нет, ничего нового, – покачал головой Хэтчер.

– То есть все, что мы имеем, – четыре жертвы, которые не могут говорить, и ноль информации о личности маньяка.

– Да, это все, что есть, – вздохнул Хэтчер. – И нужно найти его, пока он не схватит следующую жертву.

– Не получится. После того, как он выпустил первую жертву, прошло два месяца, прежде чем он похитил следующую. Патрисию Мэйнард он похитил всего через трое суток после того, как избавился от третьей жертвы. Обычно у психопатов после периода активности бывает период затишья, некоторого охлаждения, когда они упиваются собственными

фантазиями, которые еще настолько сильны, что способны удерживать маньяка в норе. У этого парня фантазии явно больше не работают. Они больше не могут хоть как-то заменить реальный опыт, на который он уже подсел. И у него сейчас фаза обострения. Патрисию Мэйнард нашли позавчера. Предполагаю, что следующую жертву он похитит сегодня вечером.

– Плохие новости – это как раз то, что мне сейчас нужно, – Хэтчер опять вздохнул и провел рукой по усталому лицу. – Ну, а хорошие новости есть, Уинтер? Я жду от тебя хороших новостей, я тебя вообще-то за ними сюда позвал.

– Хорошая новость состоит в том, что чем больше ходов он совершает, тем больше вероятности, что он сделает ошибку. Чем больше ошибок он сделает, тем легче будет его поймать.

– Отличная теория. Только вот сейчас где-то ходит женщина, жизнь которой скоро превратится в самый страшный кошмар, а я ничего не могу сделать, чтобы этому помешать. А это моя работа – защищать людей.

Сказать тут было нечего. Я бывал на месте Хэтчера много раз и прекрасно знал, что он сейчас чувствует – беспомощность и потребность что-то сделать, хотя сделать ничего не можешь. Меня больше всего мучила злость на самого себя за неспособность сложить пазл, злость на мир, в котором такие пазлы вообще могли существовать.

Какое-то время мы многозначительно молчали и смотрели на спящую Патрисию. Кардиомонитор отмерял пульс, одеяло поднималось и опускалось, настенные часы показывали бегущие секунды.

Патрисии было двадцать восемь лет, у нее были карие глаза и темные волосы. Но в данный момент цвет глаз определить было невозможно, поскольку они заплыли и опухли. Сказать что-то определенное про волосы тоже было трудно, потому что маньяк побрил ее налысо. Кожа вокруг глаз была вся в синяках, а кожа головы под ярким больничным освещением была похожа на гладкий и блестящий розовый купол. Волосы еще не начали отрастать, что означало, что сбрили их совсем недавно, перед тем, как выпустить на свободу. Очень маловероятно, что она была первой, над кем так поиздевался этот маньяк. Его явно заводили унижение, боль и мучение.

За свою жизнь я говорил с десятками убийц, пытаюсь понять, что же ими двигало. Это моя работа – пытаться разобраться в том, почему одно человеческое существо испытывает удовольствие от нанесения увечий другому. Но я никак не мог объяснить себе, зачем Патрисии Мэйнард сделали лоботомию.

Продолговатый мозг, который управляет сердечно-легочными функциями, затронут не был. То есть до конца жизни ее сердце будет биться, и она будет дышать. Патрисии не исполнилось даже тридцати, она легко может прожить еще сорок или пятьдесят лет. И эти полвека она проведет в темноте, в полной зависимости от других, не имея возможности самостоятельно питаться, ходить в туалет, сформулировать мысль или связное предложение. Мне было невыносимо думать об этом.

– И на черепе нет ни одного шрама? – задал я еще один риторический вопрос, на этот раз, чтобы самого себя вернуть к реальности больничной палаты.

– Нет, потому что к мозгу он пробрался через глазницы, – ответил Хэтчер, не сводя глаз с Патрисии. – Ты увидел все, что хотел, Уинтер?

– Да, более чем достаточно, – сказал я, тоже не в силах отвести взгляд от женщины. – Давай поедem в Сент-Олбанс. Мне надо поговорить с Грэмом Джонсоном.

– А это обязательно? Мои люди уже допросили его.

Я наконец оторвался от Патрисии Мэйнард и посмотрел на Хэтчера:

– Я уверен, что твои люди поработали на совесть. Но Патрисию нашел Джонсон, а это означает, что от нашего психа его отделяют всего два шага. А раз уж наши жертвы не очень разговорчивы, Джонсон – моя единственная на сегодняшний день возможность приблизиться к нему. Так что да, я хочу с ним поговорить.

– Ну ладно. Сейчас позвоню и постараюсь найти кого-нибудь, кто тебя отвезет туда.

– И сколько времени займет поиск? Лучше отвези меня сам.

– Никак не смогу, меня ждут в отделении.

– Ты начальник и можешь делать все, что угодно, – усмехнулся я. – Поехали, Хэтчер, будет весело.

– Весело! Знаешь, Уинтер, у тебя какое-то извращенное понимание веселья. Весело – это потусить с двадцатитрехлетней блондинкой. Или на яхте у какого-нибудь миллиардера. А то, чем мы занимаемся, это ни разу не весело.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Хэтчер? Ты погряз в бумажной работе. Ты когда в последний раз делал то, что должен делать полицейский? – усмехнулся я. – Не говоря уже о том, когда ты в последний раз общался с двадцатитрехлетней блондинкой?

Хэтчер в который раз глубоко и устало вздохнул:

– Мне надо вернуться на работу.

– А я только что перелетел через Атлантику, чтобы спасти твою

задницу. И, кстати, в последний раз я спал тридцать шесть часов назад.

– А это уже психологическое давление.

– И что дальше?

Хэтчер вздохнул.

– Ладно, я отвезу.

Хэтчер вел машину быстро и аккуратно, спидометр колебался вокруг 140 и редко опускался ниже 125 километров в час. Мы ехали по городскому шоссе М1 на север, в пригород Лондона. Справа и слева к дороге примыкали мрачные серые здания, а в декабрьском тусклом дневном освещении они казались еще более депрессивными.

До Рождества оставалось меньше недели, но даже украшенные праздничной иллюминацией окна домов не могли добавить красок этому дню. Световой день подходил к концу, наступали сумерки, серо-синее небо закрывали темные грозовые тучи. Судя по новостям, ожидался снегопад, и люди уже делали ставки, будет ли в этом году снежное Рождество. Я могу понять, что кому-то нравится делать ставки, но как кому-то может нравиться снег? Он же холодный, мокрый и депрессивный. Я всегда в душе буду калифорнийцем. Мне так же сильно необходимо солнце, как наркоману доза.

– Я очень тебе благодарен, что ты согласился взять это дело, – сказал Хэтчер. – Я знаю, что ты очень занят.

– Рад быть здесь, – ответил я.

А про себя отметил, что это неправда. Ведь сейчас я мог быть в Сингапуре, или в Сиднее, или в Майами – где-нибудь, где солнечно и жарко. А вместо этого в этот промозглый декабрьский день в Лондоне я изо всех сил стараюсь не простудиться и не обморозиться, а тут еще скоро ожидаются снегопады.

Винить, кроме себя, было некого. Когда ты сам себе начальник, ты сам решаешь, где тебе быть и что делать. Я согласился приехать в Лондон, так как случай был неординарным. Все неординарное вызывает мой интерес, а интерес – это единственное, что перевешивает на чаше весов даже солнце.

После ухода из ФБР я стал ловить серийных убийц в самых разных частях света. Каждый день я получаю новую просьбу о помощи, а иногда даже две или три. И выбор дается очень тяжело, ведь отказ может означать смертный приговор какому-то человеку, а чаще даже не одному, ведь маньяки по своей воле не останавливаются, кто-то должен их остановить. По этой причине во время работы в ФБР бессонница была обычным делом для меня. Сейчас я уже сплю лучше, но это все благодаря убойной смеси снотворного, виски и усталости из-за смены часовых поясов.

К сожалению, человеческих монстров в мире меньше не становилось.

Они были всегда, с тех пор как Каин убил Авеля, и со временем они множились, как сорняки.ловишь одного – на его месте тут же появляется десяток других. Где-то я слышал, что только на территории США орудует около сотни серийных убийц. И это только убийцы. А если взять в расчет поджигателей, насильников и остальных извергов, единственная цель жизни которых состояла в причинении боли и страданий другим людям?

В годы работы в ФБР я выглядел, как типичный агент этого ведомства: хороший костюм, начищенные до зеркального блеска ботинки, коротко стриженные и аккуратно зачесанные назад волосы. Мне приходилось красить волосы в черный цвет, чтобы ничем не выделяться. Поставь меня в ряд из тысячи таких же агентов, и я слился бы с их толпой.

Сейчас с внешним видом все гораздо проще. Накрахмаленные белые рубашки и тесные костюмы ушли в прошлое, и на смену им пришли джинсы, футболки с изображениями мертвых рокеров и толстовки с капюшоном. Вместо начищенной обуви – удобные стертые ботинки для рабочего класса. С краской для волос я тоже попрощался. Может, я теперь выгляжу не так презентабельно, как раньше, но зато работать мне стало гораздо удобнее. В костюме спецагента ходишь, как в смиренной рубашке.

– Какое у тебя первое впечатление? – Хэтчер посмотрел на меня, держа руль одной рукой на скорости 160 километров в час.

– Этот тип остановится только в двух случаях: или мы его ловим, или он умирает – естественной или насильственной смертью. Ему слишком нравится то, что он делает, сам он не остановится.

– Уинтер, ну хватит, я тебе не новичок-первогодок. Твое описание подходит к девяноста девяти процентам серийных убийц.

Я засмеялся. Хэтчер был абсолютно прав.

– Ну ладно, тогда слушай. Когда дойдет дело до его захвата, легко он не сдастся. Скорее всего, он спровоцирует полицейских на применение оружия и собственное убийство.

– Как ты пришел к такому выводу?

– В тюрьме он не выдержит.

– Почему?

– Он помешан на контроле. Он контролирует каждую деталь в жизни своих жертв: что на них надето, что они едят – все. Он не перенесет, если этот контроль у него заберут. Опция подставиться под пулю полицейского очень ему подходит, потому что в этом случае он сам сможет выбрать время и место своей смерти. То есть получается, в его картине мира он сам будет контролировать ситуацию.

– Будем надеяться, что ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь.

Пока Хэтчер вел машину, я снова и снова прокручивал в голове подробности похищения Патрисии Мэйнард. Как и обычно, информации было гораздо меньше, чем мне требовалось. Так всегда – сколько бы информации ни было, ее всегда не хватает.

Как значилось в полицейских отчетах, Мартин Мэйнард заявил о пропаже своей жены двадцать третьего августа и сразу же стал главным подозреваемым. Большую часть убийств совершают знакомые жертвы – супруг, родственник, друг. На том этапе дело еще не было квалифицировано как убийство, но полицейские предпочли перестраховаться.

У Мартина Мэйнарда неоднократно были романы на стороне, и они с женой посещали психотерапевта в отчаянной попытке спасти брак, которому давным-давно стоило бы подписать смертный приговор. Если прибавить к этому немаленькую страховку в случае смерти жены, то вырисовывался убедительный мотив. Убийство выглядело вполне логичным.

Мартина Мэйнарда допрашивали двое суток, после чего отпустили. В последующие месяцы полицейские держали его под наблюдением, но, опять же, делалось это больше для собственной подстраховки. После того как была восстановлена цепочка последних действий Патрисии Мэйнард, полицейские установили, что ее следы теряются вечером двадцать второго августа.

Алиби Мартина было железным – он был с собственной секретаршей, с которой, как он убеждал Патрисию, уже перестал встречаться. Вечером в день ее исчезновения он должен был находиться в командировке в Кардиффе, но на деле остался в Лондоне в компании той самой секретарши. Его слова подтверждались данными отеля и заявлениями свидетелей.

За следующие три с половиной месяца ситуация не изменилась ни на йоту. Не было ни писем с требованием выкупа, ни телефонных звонков, ни тела. Патрисия Мэйнард просто исчезла с лица земли. Все уже стали склоняться к версии, что она мертва, но вдруг два дня назад она появилась в парке в Сент-Олбансе – небольшом городе с кафедральным собором, в тридцати минутах езды к северу от Лондона. Дезориентированная и не способная говорить, она не могла ответить даже на самые простые вопросы. Грэм Джонсон гулял с собакой и обнаружил ее, одиноко блуждавшую в парке. Он вызвал полицию, и они быстро узнали в местной

неизвестной Патрисию Мэйнард. Ее перевели в лондонскую больницу Сент-Бартс, и дело взял Хэтчер.

В течение трех с половиной месяцев плена Патрисия неоднократно подвергалась пыткам. Все ее тело было покрыто шрамами и синяками – и старыми, и свежими. Маньяк явно любил играть с ножами. Судя по результатам токсикологических анализов, он заставлял Патрисию принимать препараты, которые поддерживали ее в состоянии бодрствования и сильно повышали чувствительность, чтобы он мог в полной мере насладиться ее страданиями. Он по одному отрезал ей все пальцы, кроме безымянного на левой руке, обрубки тщательно прижег. По какой-то странной причине он старался не травмировать ее лицо, и – что еще более странно – на лице были заметны несмытые следы макияжа. И наконец, если отставить в сторону травмы, Патрисия была в удовлетворительном состоянии. Ее вес соответствовал росту и телосложению, следов обезвоживания не было.

У съезда на Сент-Олбанс Хэтчер включил поворотник. Через пять минут мы уже ехали по району Сент-Мишель, где маленькие домики с хлипкими террасками соседствовали с большими особняками, вероятно, стоившими целое состояние. На нашем пути было аж четыре лежащих полицейских – слишком много, учитывая количество домов, не говоря уже о количестве людей, которые в этих домах проживали. Все в этом районе было заточено под интересы туристов.

Я замерз сразу, как только вылез из машины. Моя голова будто бы попала внутрь ледника. На мне была самая толстая из имеющихся у меня курток с внутренней подкладкой из овчины – для тепла – и водонепроницаемым верхом, который должен был защитить меня от сильнейших ветров и влажности. При этом ощущение было такое, что вместо куртки на мне были шорты с майкой. Я зажег сигарету, и Хэтчер тут же бросил на меня неодобрительный взгляд.

– Мы на улице, я ничего не нарушаю, – заметил я.

– Курение тебя погубит.

– Как и много чего еще. Может, меня завтра автобус сожмет.

– Или у тебя найдут рак легких, и ты умрешь медленной и мучительной смертью.

– Или нет, – усмехнулся я. – Мой прадед курил по две пачки в день и прожил сто три года. Будем надеяться, я в него.

Дом Грэма Джонсона стоял напротив паба «Шесть колоколов». Как и у всех домов по этой линии, парадная дверь выходила прямо на тротуар. Кто-то из подчиненных Хэтчера предупредил Джонсона, так что он нас ждал.

Когда мы подходили к дому, занавеска в окне гостиной зашевелилась, а входная дверь открылась еще до того, как Хэтчер успел нажать на кнопку звонка. Джонсон стоял в проходе, а вокруг его ног безостановочно кружился и тявкал джек-рассел-терьер. Джонсон был среднего роста, среднего телосложения, и его голова почти задевала низкий дверной проем.

По данным полиции, Джонсону было семьдесят пять. Каждый прожитый им год наложил заметный отпечаток на его тревожное, испещренное глубокими морщинами лицо. Оставшиеся волосы были седыми, как у меня. Под слезящимися голубыми глазами были большие мешки. Для своего возраста он был в хорошей форме, его движения не были скованными, несмотря на минус за окном. Скорее всего, это был результат регулярных физических упражнений, а не приема витаминов и БАДов для здоровья суставов. Джонсон не производил впечатление человека, который станет принимать витамины.

– Заходите! – сказал он и отошел в сторону, чтобы мы могли пройти в гостиную. Собака неистовствовала, тявкала, кружилась и пыталась поймать собственный хвост. Старик скомандовал ей: «Барнаби, тихо!», – и пес тут же замолчал, забрался на стул с виноватым выражением на морде. Я затушил выкуренную наполовину сигарету о тротуар и проследовал внутрь за Хэтчером. Пес не спускал с нас взгляда. Джонсон подвел нас к дивану, и мы сели. Небольшой камин согревал комнату и наполнял ее уютным оранжевым светом.

– Могу я вам что-нибудь предложить? – спросил он. – Чай? Кофе?

– Кофе было бы здорово, – сказал я. – Черный, с двумя кусочками сахара, спасибо.

Хэтчер отказался, и старик исчез в кухне. Я откинулся на спинку дивана и осмотрелся. Первое ощущение было такое, как будто мы в музее. Я заметил у Джонсона на руке обручальное кольцо, когда он открывал дверь, и также заметил, что гостиную оформляла женщина. Но присутствия жены я не заметил.

Каждая свободная поверхность в комнате была чем-то украшена, и все было покрыто слоем пыли – выцветшие подушки с цветочным рисунком на стульях и диванах, выцветшие занавески с цветочным рисунком на окнах. Свадебная фотография в старинной рамке занимала почетное место на каминной полке, повсюду были семейные фотографии с множеством детей и внуков. Давность фото можно было оценить по прическам и одежде, самые свежие были сделаны около четырех лет назад. Наверное, тогда его жена и умерла.

Джонсон вернулся с двумя дымящимися чашками кофе, подал одну из

них мне и расположился в кресле у камина. Мой кофе был крепким, один сплошной кофеин. Именно так я и люблю.

– Расскажите нам, пожалуйста, как вы обнаружили Патрисию Мэйнард, – попросил Хэтчер.

– Вот, значит, как ее зовут, – заметил он. – Знаете, со мной, начиная с понедельника, с десятков полицейских общалось, и никто мне даже не сказал, как ее зовут. А с другой стороны, я и не спрашивал, так что, получается, это и моя вина. Как-то неправильно это – не узнать имя.

– Мистер Джонсон, – попытался остановить его Хэтчер.

Старик Джонсон вздрогнул от такого неожиданного возвращения в здесь и сейчас.

– Да, простите, – пробормотал он.

Хэтчер отмахнулся от извинений.

– Расскажите нам, как все случилось.

– Я вывел Барнаби на прогулку перед сном. Было около десяти вечера. Мы выходим с ним каждый вечер в одно и то же время. Мне приходится два-три раза в день гулять с ним в парке, а иначе он весь дом разнесет.

– Вы имеете в виду парк Веруламиум, да?

– Да, парк Веруламиум. Вы наверняка прошли мимо входа в парк, когда шли ко мне. В общем, я подошел к концу озера и в этот момент заметил женщину. Я обратил на нее внимание, потому что она практически уже зашла в воду, – он замолчал и отпил немного кофе. – Послушайте, не хотелось бы показаться невежливым, но я все это уже рассказывал полицейским. Я, конечно, расскажу вам еще раз, но, мне кажется, я просто трачу ваше время.

– Вы не тратите наше время, – сказал я, посмотрев на пса. – Я хочу кое-что попробовать, если вы не возражаете. Как думаете, Барнаби захочет выйти на прогулку?

Барнаби наострил уши сразу же, как услышал слово «прогулка». Он спрыгнул со стула и начал лаять и крутиться, выделявая цирковые пируэты. Джонсон засмеялся и сказал:

– Думаю, можно принять это за «да».

До парка мы дошли за пять минут. Этого времени было достаточно, чтобы выкурить целую сигарету. Барнаби все не мог успокоиться – всю дорогу он подскакивал и рвался вперед, натягивая поводок так, что рисковал быть задушенным собственным ошейником. Весь его вид говорил о том, что происходит нечто захватывающее. На улице темнело на глазах, фонари в сгущавшихся сумерках отсвечивали тусклым, нездоровым зеленовато-желтым оттенком. Воздух наполнился какой-то удушающей сыростью, и было件нятно, что не за горами снегопад. Я как можно глубже завернулся в куртку, чтобы защититься от холода, но это было бесполезно. От пронизывающей сырости и холода английской зимы не поможет никакая одежда, даже если она предназначена для Северного полюса.

– Вы каждый раз гуляете по одному и тому же маршруту? – спросил я Джонсона.

Он покачал головой:

– Нет, у нас есть несколько маршрутов. Обычно это зависит от погоды и имеющегося времени, ну и всего такого. Парк-то большой.

Парк и правда был большой. Справа на многие гектары простирались луга с размеченными пустыми футбольными полями. Слева, на холме, словно на насесте, восседал собор. А прямо перед нами располагалось маленькое озеро, которое было отделено от большого озера горбатым мостом. В воде, не обращая никакого внимания на холод, стайками плавали утки и лебеди.

В парке было темно и безлюдно. Более подходящего места, чтобы избавиться от Патрисии Мэйнард, было не найти.

– В тот вечер, когда вы увидели Патрисию Мэйнард, по какому маршруту вы шли?

Джонсон указал на ту сторону озера, где стоял собор:

– Мы шли вокруг озера против часовой стрелки.

– И где вы увидели Патрисию Мэйнард?

Джонсон указал на дальний конец озера.

– Хорошо, пойдемте туда.

Через пять минут мы дошли до места. Я усадил Джонсона на свободную скамейку и сел рядом с ним. Барнаби по-прежнему тянул за свой конец поводка, тявкал и царапал бетон, отчаянно пытаясь высвободиться и поймать утку. Я посмотрел на Хэтчера, и он понял, что от

него требуется. Чтобы мой план сработал, нужно было минимизировать количество внешних раздражителей. Хэтчер забрал у Джонсона поводок и повел Барнаби гулять вне зоны слышимости.

Когнитивное следственное интервью отличается от традиционного: нужно сделать так, чтобы участник важных событий смог вернуться в нужный момент и эмоционально пережить его еще раз. Вновь испытать присущие моменту ощущения и, возможно, вспомнить что-то, что он забыл. Важно не брать тему наскоком, лучше походить вокруг да около, посмотреть на событие с разных ракурсов. Воспоминания, которые рождаются в ходе такой беседы, оказываются более ценными и важными, чем при обычном интервью. Вообще-то, можно было и не приводить Джонсона в парк, но раз уж мы были совсем рядом, я подумал, что это не повредит.

– Закройте глаза, мистер Джонсон. Я задам вам несколько вопросов. Когда будете отвечать, постарайтесь говорить первое, что приходит в голову, не думайте долго над ответами, не оценивайте их. Вам может казаться, что вы говорите глупости, но мне очень важно, чтобы вы не пропускали ответы через вашу внутреннюю цензуру.

Джонсон недоверчиво посмотрел на меня.

– Не беспокойтесь, я не впервые это делаю, – обнадежил его я.

Бросив на меня еще один недоверчивый взгляд, он закрыл глаза.

– Перенеситесь мыслями в вечер понедельника. Вот вы с Барнаби идете гулять, как обычно. Сколько сейчас времени?

– Около десяти. Я всегда вывожу его около десяти.

– Раньше или позже десяти?

Его лицо сосредоточенно напряглось, а затем расслабилось.

– После десяти. Я посмотрел передачу по телевизору, и как раз начинались новости.

– Какая сейчас погода?

– Идет дождь.

– Опишите, какой дождь. Сильный? Или небольшой?

– Дождь такой... моросящий. Знаете, бывает дождь вроде бы не сильный, но возвращаешься промокший насквозь.

– Много ли людей в парке?

– В такую-то погоду и время суток? – Джонсон покачал головой. – Нет, только я и Барнаби. И Патрисия, конечно.

Я проигнорировал его упоминание о Патрисии, потому что о ней пока говорить было рано.

– В каком вы состоянии?

– Если честно, я раздражен. Ездил в автосервис в тот день и мне выставили счет на шестьсот фунтов. А теперь еще гулять с собакой под дождем. В общем, бывали у меня дни и получше.

– Чувствуете ли вы какие-нибудь запахи?

– Чувствую запах сырой грязи. Еще от моей одежды пахнет дымом.

– Что вы видите?

– Трещины на дорожке. Я иду, опустив голову, чтобы дождь не попадал мне на лицо.

– Вы идете быстро или медленно?

– Быстро. Хочу поскорее вернуться домой.

– А Барнаби что делает?

Джонсон улыбнулся.

– Как обычно, пытается мне руку оторвать. Если бы не поводок, он бы через секунду был в озере.

– Как в поле вашего зрения попадает Патрисия?

– Что-то привлекло мое внимание... я заметил какое-то движение в конце озера, на тропинке, ведущей вниз от «Бойцового петуха».

Джонсон почти незаметно указал направление головой, и я посмотрел туда, куда он показывал. Даже сейчас, в сумерках, узкая тропинка выглядела небезопасно.

– Как она движется?

– Неуверенно... Она шатается, как пьяная. Я сначала так и подумал, что она перебрала лишнего в «Петухе», но так и продолжал на нее смотреть. Знаете, как это бывает, когда «скорая помощь» стоит у дороги, ты смотришь туда, не в силах отвести взгляд. И вот я смотрю, как она выходит из-за деревьев, и мне кажется очень странным, что она одна. Мужчины нигде не видно, подруг тоже. На улице темно, время позднее. Одинокой женщине здесь в это время делать нечего. Я приглядываюсь, потому что уже начинаю беспокоиться за нее, и тут замечаю, что она направляется прямо к озеру. Я подбегаю и успеваю схватить ее за руку и оттащить от воды. Если бы она в это время года зашла в воду, то все точно закончилось бы переохлаждением.

Продолжение истории я читал в полицейских протоколах. Джонсон пробовал говорить с ней, но она не реагировала. Он привел ее в бар «Бойцовый петух» и попросил владельца вызвать полицию. Грэм Джонсон – первый человек, встреченный мною за много-много лет, у кого не было мобильного телефона. Памятник давно ушедшему прошлому.

– Мистер Джонсон, давайте вернемся к моменту, когда вы впервые заметили присутствие Патрисии. Не говорите ничего, просто представьте

себе картинку. Представьте ее себе как можно четче, во всех возможных деталях. Что вы видите? Что слышите? Есть ли запахи? Какие чувства вас посещают?

Я дал Джонсону некоторое время, а потом попросил его открыть глаза. У него было странное выражение лица.

– В чем дело? – спросил я.

– Вы подумаете, что у меня паранойя, – сказал он.

– Паранойя, бред, мне неважно. Я хочу услышать то, что вам привиделось, – я ободряюще улыбнулся и дождался ответной улыбки. – Так что произошло? Вас похитили инопланетяне и увезли на космическом корабле?

Улыбался Джонсон недолго. Его лицо посерьезнело и, казалось, он был слегка напуган. Он указал направо, на деревья и кусты в тени. Говорил он очень уверенно. Не было никаких сомнений в том, что он был уверен в каждом своем слове:

– Кто-то за нами наблюдал вон оттуда.

tesla: ты тут?
ladyjade: ага
tesla: занята?
ladyjade: полный завал :-)
tesla: вечер в силе?
ladyjade: ага
tesla: оч хочу тебя увидеть
ladyjade: и я
tesla: ок, у меня тут тоже полный ппц, ушел разгрести
ladyjade: ок, до 8, чмоки
tesla: чмоки

Рэйчел Моррис закрыла окно мессенджера, и с ее лица тут же исчезла улыбка, и она нахмурилась. К чему ей эти игры? Ей тридцать лет, с чего вдруг она ведет себя, как томный тинейджер? Бред какой-то! Она посмотрела по сторонам через стеклянную перегородку, почти уверенная, что весь офис видел, как она с кем-то переписывалась и улыбалась, но все сидели, опустив головы. Она слышала шум и гам колл-центра за стеклом, звонки телефонов, обрывки десятков разговоров.

Рэйчел вернулась к чтению отчета на мониторе компьютера и пыталась вникнуть в смысл слов. Это было бесполезно: голова была занята исключительно сегодняшним вечером. Она сказала Джейми, что после работы пойдет с подругами в бар отметить день рождения коллеги. Ему было все равно. С тем же успехом она могла бы сказать ему, что эмигрирует в Австралию – эта новость вызвала бы у него такую же нулевую реакцию. Так было не всегда. Поначалу они разговаривали ночи напролет, делились друг с другом секретами и мечтами. Но то время давно минуло, рутинные шесть с половиной лет брака убили все.

Под столом у нее была сумка, в которой лежали дорогие духи, ее самое красивое нижнее белье и любимое маленькое красное платье. Платье подчеркивало все достоинства ее фигуры, прятало недостатки и было сексуальным, но не пошлым. Это было принципиально важно, потому что, как ей казалось, Tesla не любит пошлость. Что-то было в нем такое старомодное. Он был джентльменом во всех смыслах этого слова. Он привлекал ее прежде всего своим чутким отношением. Она нуждалась в человеке, который мог бы выслушать ее, всерьез воспринять то, что она говорила или думала, ценил бы ее такой, какая она есть.

Рэйчел смотрела на нагромождение слов на экране и говорила себе, что еще есть время сорваться с крючка. Но потом она подумала про всю ту боль, которую ей причинил Джейми, и поняла, что пойдет до конца. С мужчиной под ником Tesla они общались уже пару месяцев, и чем больше она узнавала его, тем больше он ей нравился. Они ни разу не встречались, она даже не знала его настоящего имени, но зато чувствовала, что он понимает ее так, как никто и никогда. Он зацепил ее. По-настоящему зацепил. Джейми никогда ее не понимал так, даже тогда, когда у них было все хорошо.

Она посмотрела на часы на экране – было только полчетвертого. До встречи оставалось еще целых четыре с половиной часа. Она знала, что они будут тянуться невыносимо долго, как последний учебный день перед каникулами.

Стоя с Хэтчером в конце озера, я смотрел, как Барнаби тянет домой Грэма Джонсона. Снегопад, которого все ждали, наконец начался – крупные белые хлопья зависали в свете фонарей, как в замедленной съемке. То ли еще будет! Метеорологи прогнозировали метель, новостные репортеры обещали полный хаос, и я чувствовал, что так оно и будет. Джонсон прошел уже половину озера. Он явно хотел добраться домой поскорее, до того как снегопад наберет обороты. Я очень его понимал – кто захочет торчать здесь при такой погоде. Я достал свою побитую металлическую зажигалку «zipro», выбил из пачки сигарету и закурил, не обращая внимания на исходившие от Хэтчера волны неодобрения.

– Маньяк был здесь, когда Джонсон нашел Патрисию, – сказал я.

– Это Джонсон так сказал? – отозвался Хэтчер.

– Не дословно.

– А что он сказал?

– Что он сказал, неважно. Важно, что он почувствовал. А почувствовал он то, что кто-то за ними наблюдал в тот вечер. Вон оттуда, если быть точным, – и я кивнул в сторону близлежащих зарослей.

– Вряд ли в суде нам поможет то, что он что-то почувствовал, Уинтер.

– Вот здесь и кроется основная проблема нынешних полицейских: большую часть времени ты мыслишь, как адвокат, а не как детектив.

Я подошел к зарослям и стал всматриваться в темноту. Ветвистые деревья, качаясь, отбрасывали мрачные тени, зловеще свистел пронизывающий ветер. Не дожидаясь, пока Хэтчер начнет читать мне лекцию о правилах поведения на месте преступления, я пролез через кусты и нырнул в лес. Ветки хлестали меня по лицу и одежде, ботинки и края джинсов миглом запачкались грязью. Хэтчер недовольно следовал за мной, ругался, жаловался и просил объяснить, какого черта мне здесь понадобилось.

Я перестал его слушать и какое-то время просто стоял среди деревьев, не обращая внимания на то, что колющий снег летел мне прямо в лицо. У меня не было никаких сомнений в том, что преступник был здесь две ночи назад. В конце концов, в моих жилах течет кровь охотника.

Когда я был маленьким, отец брал меня в походы, и мы вместе шли в холмистые орегонские леса, куда он впоследствии привозил своих жертв. Он научил меня стрелять, отслеживать, разделять убитых животных.

Еще он говорил, что сильные выживают, а слабые вымирают – таков закон жизни. Я слышал это философское изречение бесчисленное количество раз, но после ареста отца это довольно циничное высказывание стало гораздо более близким и понятным.

Опустившись на корточки, я стал искать самую удобную для наблюдения точку. С моего места отлично просматривались озеро и дорожка, ведущая к бару «Бойцовый петух». Справа виднелся собор, а вдалеке еще можно было разглядеть расплывчатые фигуры Джонсона и Барнаби. Отрывистые реплики Хэтчера слились с фоновым шумом, и я ушел в себя и мысленно перенесся в тот вечер. Картина вырисовывалась очень ясная – я мог описать все так, как если бы видел происходившее своими глазами.

Вот Барнаби рвется вперед на своем поводке и тянет за собой вдоль озера Грэма Джонсона. На улице дождь, и Грэм идет, опустив голову, лишь иногда поднимая взгляд, чтобы сориентироваться. Он замечает какое-то движение на дорожке слева от себя и напряженно замирает. Увидев, что это Патрисия Мэйнард и с ней никого нет, он немного успокаивается – можно ли всерьез опасаться одинокой женщины?

Некоторое беспокойство у него все же остается. Часть нашего мозга, которая спасала жизнь еще нашим первобытным предкам, до сих пор предостерегает нас от опасности. И, несмотря на то, что мы уже много веков не слушаем свой внутренний голос, он до сих пор достаточно силен и влияет на наше восприятие без участия нашего осознания. Грэм смотрит на Патрисию, затем переводит взгляд на то место, где сейчас прячусь я. Он не видит меня, но ощущает мое присутствие. Пусть даже я сливаюсь с окружающей тенью. Патрисия, будто пьяная, качаясь, спускается к озеру, и Грэм хватается за руку, чтобы она не исчезла под поверхностью темной ледяной воды. И этот импульсивный порыв делает его героем дня.

Я выбрался из кустов, поправил джинсы и сделал затяжку. Снег шел все сильнее, хлопья становились больше и тяжелее. Холодный арктический ветер пронизывал меня насквозь. Я поднял капюшон и еще глубже завернулся в куртку, но это не особенно помогло. Хэтчер уже понял, что придирааться ко мне бесполезно. Он бросил это занятие и разговаривал по телефону с кем-то из своих экспертов-криминалистов.

– Есть вопрос, – сказал я. – Предположим, ты преступник. Зачем тебе рисковать и приходить сюда, в парк? Почему не выпустить жертву где-

нибудь и не скрыться?

Хэтчер закончил разговор и убрал телефон.

– А разве мы тебе такие деньги платим не за то, чтобы ты сам находил ответы на такого рода вопросы?

– Зачем бросать жертву в общественном месте? – продолжал я, проигнорировав его вопрос. – Точно так же он поступил и с остальными жертвами, всех троих он выпустил в парках. Зачем так рисковать? Почему не избавиться от них в каком-нибудь заброшенном месте?

Я сделал еще одну затяжку и стал представлять себе, как преступник прятался в кустах тем дождливым вечером. Прятался, смотрел и ждал. Чего же он ждал? И вдруг меня осенило. Я улыбнулся и сказал:

– Он хочет, чтобы жертву нашли.

– Допустим, ты прав, и это ответ на второй вопрос, – сказал Хэтчер. – А что с первым? Почему ему обязательно быть здесь самому?

– Потому что он должен убедиться, что жертву обнаружили.

– Ну ладно, допустим. Тогда следующий вопрос: почему ему это так важно?

Хэтчер смотрел на меня так, как будто ожидал, что на меня сейчас же снизойдет озарение и я найду ключ к разгадке всего дела. Но, к сожалению, порадовать его мне было нечем. Пока нечем.

Было почти четыре. Всего сорок восемь часов назад я был в Америке, в штате Мэн, и в кевларовом бронежилете наблюдал за тем, как бойцы спецподразделения ФБР приземляются на заснеженный сарай, в котором прятался убийца маленьких детей. В результате операции он погиб от снайперского выстрела. Одним детоубийцей в мире стало меньше, и это всегда будет считаться достойным результатом.

Но эта история для меня была уже в прошлом. Злодей был мертв, значит, пришло время двигаться дальше. Для меня имеет значение только то дело, над которым я работаю в данный момент. Все остальное – в прошлом, а на него у меня времени нет. Почивая на лаврах, жизнь никому не спасешь, а переживание из-за поражений и подавно ни к чему не приводит. Я выбрался из Мэна еще до того этапа, когда все начинают поздравлять и похлопывать тебя по спине, сел в первый самолет до Лондона и больше об этих событиях не думал. Через почти пять тысяч километров и пять часовых поясов в мире не так уж и многое изменилось. Все так же шел снег, а я охотился на очередного монстра.

– Пойдем в «Петуха», выпьем чего-нибудь, – сказал я.

На этот счет у Хэтчера возражений не было, да я их и не ожидал. Еще с Куантико я помнил, что он любил ходить по барам. Мы поднялись по той же самой тропе, по которой Патрисия Мэйнард сошла вниз в понедельник вечером. На полпути мы пересекли небольшую речку, и шум воды заглушил все остальные звуки.

Тропа вела к узенькой аллее Абби-Милл, по которой в свое время ездили лошади и телеги. Я заранее изучил карту и знал, что эта аллея – единственная дорога, по которой можно попасть в эту часть города. Слева от меня был одноименный проезд Абби-Милл, заканчивающийся тупиком. Я осмотрелся и попытался представить ход мыслей преступника. Место было очень тихое, это был большой плюс, но был и минус – мало парковочных мест.

На противоположной стороне аллеи располагался «Бойцовый петух». Здание было старое-престарое, с необычной геометрией и черными тюдоровскими балками – мечта любого голливудского художника-декоратора. Внутри мы прошли мимо стены с вставленными в рамки вырезками из газетных статей. Из них следовало, что мы находились в самом старом пабе Британии. Пройдя сквозь лабиринт залов, мы добрались до барной стойки.

За ближайшим к камину столиком сидела пожилая пара, других посетителей в баре не было. На стойке стояла маленькая искусственная елка с серебряными ветками, криво надетой сверху звездой и парой жалких игрушек. За стойкой на веревке висело несколько рождественских открыток. Такое праздничное убранство заведения скорее наводило тоску, чем поднимало настроение, – как оставленная до марта новогодняя елка.

Мужчина за барной стойкой был худой, лысый и всегда готовый расплыться в широкой улыбке. Он по-хозяйски опирался на стойку, и было очевидно, что он владелец заведения. Одежда на нем была дизайнерская, часы – «ролекс субмаринер». Хэтчер заказал себе пива «Лондон-Прайд», а я взял виски. Как только напитки принесли, я одним глотком осушил половину своего стакана, с тем расчетом, что алкоголь растопит часть снега, которым, казалось, покрылись мои кости. Поставив стакан на стойку, я спросил:

– Вы ведь Джо Слэттери, владелец бара?

– Для кого как. Если вы пришли денег просить или вас моя бывшая

жена послала, то я понятия не имею, кто такой Джо Слэттери.

Он говорил с ирландским акцентом и смеялся очень заразительно.

– Вы вызвали полицию в понедельник вечером.

Слэттери посмотрел мне в глаза и посерьезнел.

– Вы журналисты? Если да, то я вежливо попрошу вас допить и уходить. Я уже по уши сыт журналистами.

Хэтчер решил вмешаться и засветил свое удостоверение:

– Я детектив Марк Хэтчер, а это мой коллега Джефферсон Уинтер.

– Что ж вы сразу не сказали? – его улыбка вернулась на место так внезапно, будто никуда и не исчезала. – Мы вас могли и бесплатно обслужить.

В этом я сильно сомневался. Улыбка Слэттери была широка, но до карманов она не распространялась. Он не допускал лишних трат и жестко контролировал все расходы, поэтому и мог позволить себе «ролекс».

– Судя по тому, что вы уже говорили, ничего необычного вы в тот вечер не заметили.

– Да, – согласился Слэттери, – все было так, как обычно бывает по понедельникам, пока не вошел Грэм с девушкой. Потом все сразу стало с ног на голову: полиция, медики, журналисты – настоящий цирк, скажу я вам. А что этот тип сделал с бедной девушкой, это ж надо! – Слэттери качал головой и бормотал «Господи Иисусе». – Говорят, он сделал ей лоботомию. В голове не укладывается.

– Я хочу у вас про парковку спросить, – сказал я.

Слэттери не мог поверить своим ушам:

– Этот ублюдок режет людям мозги, а вы хотите знать про парковку?

– Такой вот у меня каприз, да.

Слэттери смотрел на меня, силясь понять, насколько я серьезен. Я смотрел в его глаза до тех пор, пока он не убедился, что я был настроен совершенно серьезно.

– С парковкой здесь ад, – сказал наконец Слэттери. – Особенно летом. Все места заполняют туристы. Когда мест на парковке не остается, они оставляют машины вдоль аллеи. Просто ад какой-то.

– И поэтому вы на парковке поставили камеру наблюдения.

– Есть и другие причины, но это основная, да. Как вам известно, камеру в воскресенье ночью сломали. Сначала я думал, что это какие-то местные дети, но сейчас-то я понимаю, кто это сделал.

По версии полиции, камеру сломал маньяк. Предположительно, он пришел сюда в ночь с воскресенья на понедельник и сломал камеру, чтобы в понедельник, отпуская Патрисию Мэйнард, остаться незамеченным. Я

поблагодарил Слэттери за уделенное время, залпом выпил оставшийся виски, поторопил Хэтчера и узкими коридорами с низкими потолками мы вернулись на холод.

– Я согласен с полицией, что камеру сломал маньяк, – сказал я. – Но он здесь не парковался в понедельник, в этом я уверен. Это было бы слишком просто, слишком очевидно, а он действует филигранно. Парковка – явно не его вариант.

– Где же, ты думаешь, он припарковался? – спросил Хэтчер.

Я стоял и смотрел на аллею Абби-Милл. Уже совсем стемнело, и в свете фонарей она казалась оранжевой. Снег усилился, ледяной ветер закручивал его спиралью, а дорога и тротуар уже были белыми.

– Сюда в понедельник вечером он не приезжал, это однозначно, – сказал я. – Слишком рискованно ехать по единственной имеющейся дороге.

– Ну, тогда как он сюда девушку доставил, телепортировал что ли?

Я проигнорировал и вопрос, и сарказм, развернулся и пошел по тупику Абби-Милл. Я остановился в конце узкого проулка и попробовал представить, как здесь шел маньяк, провожая Патрисию Мэйнард, как он придерживал ее одной рукой за плечо и направлял ее шаги. Такой вариант казался правдоподобным, более близким к истине, чем гипотеза, что он привез ее сюда и припарковался у «Бойцового петуха».

Прямо передо мной была узкая тропинка, и я пошел к ней. Хэтчер плелся позади, жалуясь на снег и холод, и призывал вернуться к машине, потому что ему совершенно не хотелось задерживаться в Сент-Олбансе. Я мысленно отключил громкость его голоса и пошел дальше.

Тропинка привела нас к небольшой площади Пондуикс-Клоуз. Слева от меня была школа – начальная, судя по раскраске игровых построек. Площадь переходила в улицу Гроув-роуд, через улицу от которой находилось шоссе А5183, одна из главных транспортных артерий города. Оно было настолько близко, что был слышен его гул. Я стоял посередине Гроув-роуд, снег падал мне на голову и плечи, колот лицо и застревал в ресницах, но я ничего не замечал. Я кивнул сам себе, повернулся к Хэтчеру и сказал: «Вот здесь он оставил машину».

Рэйчел волновалась почти так же сильно, как когда собиралась на первое в своей жизни свидание. Однако к ее воодушевлению примешивалась и некоторая тревога. Она была уже далеко не подростком, и ей пришлось пережить много разочарований. Она уже знала, что реальность чаще всего не соответствует ожиданиям и что надежда умирает последней. Она знала, как это больно, когда сердце рвет на мелкие кусочки.

Красное платье, обтягивающее фигуру в нужных местах, и аромат любимых духов добавляли ей уверенности. Она вышла из метро в холодные объятия вечера. Снегопад утих, снежинки медленно плыли в воздухе, танцуя и переворачиваясь, выполняя все прихоти ветра. В детстве Рэйчел очень любила снег и до сих пор не разлюбила. Снег превращал окружающий мир в волшебное и романтическое место. Пусть завтра под ногами будет слякоть, но сейчас все было идеально. Она плотнее закуталась в пальто и ускорила шаг. Сумка ударяла ее в бок в такт шагам.

Бар, в котором они договорились встретиться, был без вывески. Это было просторное помещение с барными стульями на высоких ножках у стойки. Посередине зала стояли деревянные стулья и столы, по краям – удобные кожаные диванчики и кофейные столики. Рэйчел просканировала взглядом присутствующих. Много времени это не заняло: в зале, легко вместившем бы пару сотен человек, было всего около двадцати – в разных частях зала, в основном, компаниями по три-четыре человека. Несколько посетителей в одиночестве допивали свои напитки. Рэйчел быстро оглядела каждого. Она искала мужчину в возрасте около тридцати пяти лет с короткими темно-русыми волосами. Tesla сказал, что будет в длинном черном шерстяном пальто. Единственный человек, кого с натяжкой можно было бы принять за него, сидел за барной стойкой. У него было такое пальто, но он был, как минимум, на двадцать лет старше.

Рэйчел заказала лимонад. Она планировала пить только безалкогольные напитки первую половину вечера, а затем чередовать лимонад и красное вино. Она хотела произвести хорошее впечатление, а для этого нужна была ясная голова. Если сегодня все пройдет хорошо, возможно, Tesla захочет увидаться еще раз. Ей очень хотелось верить, что их знакомство станет началом чего-то нового, началом новой жизни.

Она сделала глоток лимонада и посмотрела на часы. До времени встречи оставалось десять минут. Рэйчел нашла стол, откуда хорошо

просматривалась входная дверь, и села на кожаный диван. Столик был в глубине зала, уютный и скрытый от глаз.

Настало восемь, и потекли минуты ожидания. К половине девятого она уже была вне себя. Она подошла к бару и заказала бокал красного вина. Девять. Один бокал превратился в два. Рэйчел посмотрела на пожилого мужчину в пальто. Может, это он? Может, Tesla соврал про свой возраст? Но мужчина не обращал на Рэйчел никакого внимания, он ровным счетом не замечал ее присутствия, полностью поглощенный содержимым стакана, стоящим перед ним на барной стойке.

Она снова посмотрела на часы, проверила мобильный телефон. Может, Tesla задержался на работе, или не смог добраться из-за снега, или попал в аварию и лежит сейчас в реанимации, подключенный к аппаратам искусственного жизнеобеспечения.

В пятнадцать минут десятого все возможные объяснения были исчерпаны, и Рэйчел всерьез разозлилась на нелепость ситуации, в которой оказалась. Впервые за столько времени выбраться на свидание и так напороться! Она еще раз взяла телефон и проверила, нет ли новых сообщений. Ни смс, ни пропущенных звонков. Она уже их и не ждала. Что ж, она думала, что Tesla отличается от других мужчин, но оказалось, что он точно такой же – малодушный трус, не посчитавший нужным даже связаться с ней и предупредить о том, что не придет.

Рэйчел подумала заказать еще бокал вина или даже целую бутылку, но поняла, что это ничего не изменит, только усугубит и без того плохое положение дел. Завтра она проснется с похмельем, вот и вся разница. Ее жизнь менее жалкой не станет, а Джейми так и останется самой серьезной ошибкой, которую она совершила в жизни.

Она допила бокал вина, надела пальто, взяла сумку и вышла на улицу. Там по-прежнему все было белым-бело, но мир уже потерял тот волшебный, романтический оттенок. Теперь он казался безнадежным и пустым. Снегопад закончился, остался только колючий ветер в лицо.

Холод пронизывал до костей, два бокала вина ощущались как четыре. Голова отяжелела, а ноги ослабели. Она чувствовала себя полной дурой. Да она и была дурой, поверившей, что с ней может случиться что-то хорошее. Больше всего на свете ей захотелось как можно скорее стереть из памяти весь сегодняшний вечер.

Она посмотрела по сторонам в последней надежде увидеть Tesla, но везде было пусто. Она повернула направо и быстро зашагала к метро. Ей захотелось оказаться дома, свернуться калачиком в теплой и уютной постели. Кто-то окрикнул ее сзади – достаточно громко, чтобы она

услышала голос за звуком собственных шагов. Рэйчел обернулась и в тридцати метрах от себя увидела мужчину. Руки у него были на бедрах, как будто он долго бежал и теперь пытался отдышаться.

Она сразу же заметила пальто – черное, до колен. В темноте сложно было разобрать цвет волос, но Рэйчел показалось, что они были темно-русые. Она надеялась на это. Мужчина пошел к ней навстречу, и скоро Рэйчел заметила, что он улыбается. Еще через пять метров она увидела, что улыбка у него очень красивая: обаятельная, легкая, дружелюбная – о такой улыбке можно только мечтать. Когда он подошел, она просто не могла поверить своей удаче. Он был настолько красив, что запросто мог работать актером. На большом экране он выглядел бы сногсшибательно.

– Прости меня, пожалуйста, за опоздание, – сказал он. – На работе ад, вдобавок я умудрился потерять телефон. У меня не было возможности связаться с тобой и предупредить, что опаздываю. Я так рад, что застал тебя!

Его манера говорить была очень культурной, отточенной, голос был глубокий и сексуальный. На нем были кожаные перчатки, черный шерстяной шарф, дорогая обувь. И у него были карие глаза.

– Ничего страшного, – сказала Рэйчел.

– Как это «ничего страшного»? Ты уже наверняка подумала, что я тебя подставил.

– Да, были такие мысли, – улыбнулась Рэйчел.

– Я должен загладить свою вину. Ты была в ресторане «Плющ»?

– Там разве не надо бронировать столик чуть ли не за полгода вперед?

– У меня там работает знакомый, и думаю, в такую погоду кто-то мог отказаться от брони. У меня машина за углом припаркована, позволь угостить тебя ужином. Это самое малое, что я могу сделать в этой ситуации.

– Хорошо. Но сначала я должна тебя кое о чем спросить.

– Конечно, все, что угодно.

– Как тебя зовут? Как твое настоящее имя?

Он вновь улыбнулся своей чарующей и теплой улыбкой:

– Адам.

– Адам, я Рэйчел, очень приятно наконец с тобой познакомиться.

Рэйчел протянула руку. Его рукопожатие было крепким и вместе с тем бережным. От его прикосновения Рэйчел ощутила внутри себя целый фейерверк.

Они подошли к его «порше», который стоял в ближайшем переулке. Адам нахмурился, увидев под дворником на лобовом стекле штаф за

неправильную парковку. Он взял его и положил в карман пальто. «Может быть, в следующей жизни», – задумчиво сказал он, покачав головой.

Адам открыл дверь, и Рэйчел скользнула на пассажирское сиденье. Самой себе она казалась в этот момент элегантной и изысканной, как Одри Хепберн в одном из черно-белых фильмов. Адам мягко закрыл дверь, и она оказалась в окружении запаха кожи и едва различимого аромата мужского лосьона после бритья. Рэйчел про себя улыбнулась: Адам был красивым и с чувством юмора. Они друг друга достойны. Джейми никогда не открывал перед ней дверей.

Адам сел на водительское сиденье и захлопнул свою дверь. Рэйчел почти не увидела движений его рук – только заметила что-то неразличимое краем глаза. Она почувствовала какой-то укол в бедре и тупо посмотрела сначала на свою ногу, а затем на Адама. В этот момент она увидела шприц, увидела, как выражение его лица меняется с чарующего на хищное. Она схватилась за ручку двери, но та была заблокирована. Тогда она попыталась разблокировать дверь кнопкой, но кнопка была предусмотрительно удалена. По ее рукам и ногам разлилась невероятная тяжесть – словно целая тонна вжала ее в сиденье. Мозг разрывался от ужаса, но крик словно застрял у нее в горле.

– Ну, здравствуй, номер пять, – прошептал Адам.

Бар в отеле «Космополитан» был вычищен до блеска и совершенно безлик. Везде было полированное дерево, блестящие хромированные поверхности и гладкая, блестящая кожа. Благодаря искусно расположенным светильникам бар заполняли тени необычных форм и мерцание листьев искусственных растений. Фоновой музыкой служили электронные версии традиционных рождественских песен. Кое-где виднелись неуместные праздничные украшения. В углу пряталось пианино. По вторникам здесь был вечер джаза.

За столами сидели немногочисленные посетители – две пары и несколько человек поодиночке, явно командированные, которым предстояло задержаться здесь на день-два. Отовсюду доносился смех, люди много общались и много пили. Блондинка за барной стойкой была симпатичная, веселая и улыбчивая. Ей было чуть за двадцать, говорила она с восточноевропейским акцентом. Я заказал виски и сел за ближайший свободный столик. Поиграв немного со стаканом и постучав по стенкам кубиками льда, я сделал глоток. Алкоголь обжег горло.

Одна из сидящих в одиночестве девушек отличалась от всех остальных, потому что она то и дело бросала на меня взгляды. Когда я пришел, она уже была в баре и тихо сидела за столом, откуда лучше всего просматривался весь бар. Я пил виски и наблюдал за ней краем глаза, ожидая от нее первого хода. Она выждала еще пять минут, а потом встала и подошла.

Ростом она была на несколько сантиметров ниже меня, где-то метр семьдесят два без каблуков. Двигалась с уверенной, мягкой грацией танцовщицы. Выглядела она абсолютно потрясающе – у нее были длинные светлые волосы, забранные сзади в хвост, и самые голубые глаза, которые я когда-либо видел. И у нее было тело, за которое не жаль отдать жизнь. Было ли оно подарком генетики или результатом регулярных тяжелых тренировок, я не знал и знать не хотел. Значение имел только конечный результат, а он был впечатляющим.

Она поставила на стол свой стакан, отодвинула стул напротив меня, села и устроилась поудобнее. Немного наклонив голову влево, она принялась меня оценивать. Она никоим образом не пыталась скрыть суть своей деятельности. Начав с макушки, она осмотрела меня до того уровня, который позволял ей стол. Глаза ее двигались слева направо, как будто она

читала книгу.

– О чем думаете? – спросила она.

– Думаю, вы не бизнесвумен.

– И?

– Задаюсь вопросом, зачем вам понадобилось идти работать в полицию.

Она улыбнулась:

– Мой отец был полицейским, и его отец, и отец его отца. Я должна была родиться мальчиком.

– Насколько я понимаю, вашему отцу удалось справиться с этим разочарованием, – сказал я.

– Он очень гордится мной, – сказала она и посмотрела на меня. – А вы не такой, каким я вас себе представляла.

– В каком плане?

– В досье сказано, что вам тридцать три.

– На меня есть досье?

Кивок.

– Да, есть.

– Это правда, мне тридцать три.

– Выглядите старше. Наверное, из-за волос. На фото из досье у вас не седые волосы.

– Это все из-за стресса и волнений, – сказал я.

– И вам бы не мешало постричься и побриться.

– И костюм надеть, видимо, тоже не мешало бы. Костюм и темные очки. Агент ФБР бывшим не бывает, так ведь?

– Что-то вроде этого, да.

– Вас Хэтчер прислал сюда присматривать за мной?

Она немного поколебалась и отвела взгляд влево, что традиционно трактуется как обращение к той части мозга, в которой формируются лживые и полуправдивые заявления.

– Не совсем так, – сказала она.

– Так зачем же вы здесь?

Ее голубые глаза опять смотрели прямо в мои.

– Из любопытства. Я много слышала о вас, – она сухо усмехнулась. – Джефферсон Уинтер, знаменитый американский следователь.

– Как вы узнали, что я буду здесь?

– Хэтчер рассказал мне парочку военных историй про Куантико. Из них я поняла, что бар при отеле – лучшее место для начала поиска.

– Хорошая идея.

– Вы разве не спросите, как меня зовут?

– Я и так знаю.

Она подняла бровь.

– Вы сержант полиции Софи Темплтон, – сказал я.

На ее лице отобразилось удивление, но она быстро справилась с мимикой и вернула себе хладнокровный и уверенный вид человека, контролирующего ситуацию. Выражение ее лица изменилось настолько быстро, что можно было засомневаться, а не почудилось ли оно. Темплтон явно была не из тех, кого можно было быстро сбить с толку. Хэтчер упоминал ее имя пару раз, так что все было просто, как дважды два.

Я кивнул в сторону ее полупустого стакана:

– Заказать вам еще один?

Темплтон покачала головой.

– Спасибо, но нет. Завтра много дел.

– А если руку вам выкрутить?

– Можете попробовать, но предупреждаю: противник всегда оказывался подо мной на всех уроках по самообороне.

Ее слова вызвали целый ряд интересных картинок в голове.

– Я выражался образно, – сказал я.

– А я вообще пошутила.

Я улыбнулся, и она тоже улыбнулась. У нее была замечательная улыбка, настоящая, когда улыбаются не только губы, но и глаза.

– Вы же только что пришли, – сказал я.

– Сегодня будний день. Мне уже давно пора бы быть дома. Завтра очень много дел, – она закатила глаза. – Собственно, ничего нового. Каждый день много дел. Особенно сейчас.

– Мы его поймаем.

– Вы так уверены?

– Да, я абсолютно уверен. Вообще не сомневаюсь.

– Вы и правда такой профи, как говорит про вас Хэтчер?

Я взял стакан и сделал глоток.

– Вы ведь поэтому здесь, да? Как выбирали кандидатуру – все собрались в офисе и тянули жребий?

Темплтон отпила из своего стакана и еле заметно облизала губы. Судя по цвету и запаху, пила она «Джек Дэниэлс» с колой.

– Я здесь не для того, чтобы посмотреть на вас, Уинтер.

Я поднял бровь и ничего не сказал.

– Ну ладно, да, я здесь, чтобы на вас посмотреть. Но это мое собственное решение, мое любопытство. Я не собираюсь никому

отчитываться о сегодняшнем вечере, – она замолчала и пристально посмотрела на меня своими голубыми глазами. – Кстати, хороший отвлекающий маневр. Вы избежали ответа на вопрос, заставив меня оправдываться.

Я пожал плечами и улыбнулся. Она меня раскусила.

– Ну так вернемся к моему вопросу, – сказала она.

– Я не могу на него ответить.

– Не можете или не хотите?

– Не могу. Это вопрос с подвохом. Я ведь не знаю, что обо мне думает Хэтчер.

– Он говорит, что вы лучший специалист из всех существующих.

– В этом случае, да, он прав. Я лучший.

– Скромности вам не занимать, – засмеялась Темплтон.

– А скромность тут ни при чем. Вы же видели статистику по моим делам. Она говорит сама за себя.

– Откуда вы знаете, что я смотрела статистику по вашим делам?

Я опять поднял бровь и ничего не сказал. На этот раз была очередь Темплтон пожимать плечами и улыбаться. Она протянула руку через стол, и я ее пожал. У нее была мягкая и теплая кожа, пожатие было уверенным, но женственным. Это было хорошо. Это означало, что она не ощущала потребности конкурировать со мной.

Она улыбнулась своей невероятной улыбкой и сказала:

– Приятно познакомиться, Уинтер. Мне будет очень интересно поработать с вами.

Темплтон исчезла в холле, а я остался думать, что это, черт возьми, было. Ощущение было такое, как будто мне только что устроили экзамен или собеседование, только я не понимал, с какой целью и почему. Какое-то время я просто сидел, покачивая стакан с виски и думая о Софи Темплтон. Я отбросил мысль о том, что между нами что-то может быть, в тот момент, когда она подошла к моему столику и все присутствующие в зале мужчины – и женатые, и одинокие – проводили ее взглядом.

Дело было не в том, что я не хотел, чтобы между нами что-то было, я просто реально смотрел на вещи. Резюме было такое: женщины типа Темплтон не могли быть с такими мужчинами, как я. Если провести аналогию со студенческой жизнью, Темплтон – это капитан девичьей команды черлидеров, а я – отличник с лучшими оценками на всем курсе. Девушек из команды поддержки всегда тянет к спортсменам. Они не могут общаться с парнями, которые считают не на пальцах и читают, не шевеля губами. Это закон природы, железный закон, расставляющий всех в мире по своим местам.

Когда музыка начала меня утомлять, я допил виски и пошел наверх. Мой люкс ничего особенного из себя не представлял. По шкале от единицы до уровня Лас-Вегаса я бы поставил ему четверку. Интерьер был такой же примитивный, как и бар: стены – белые, полотенца и постельное белье – белые, диван и кресла – бежевые. На полу было бежевое ковровое покрытие и белые коврики, на стенах – черно-белые фотографии в рамках. Такое ощущение, как будто стояла цель обесцветить комнату.

Последние полтора года после смертной казни отца моим домом были бесчисленные люксы, такие же безликие, как и этот. Когда я веду переговоры о своем участии в расследовании, я всегда настаиваю на том, чтобы мне предоставили люкс, а не просто номер в отеле. И это условие не обсуждается. Работая в ФБР, я по горло насытился номерами в дешевых мотелях. Люкс становился моим прибежищем, местом, куда я мог сбежать пусть даже на несколько часов. И мне уж точно не хотелось спать в кровати, на которой во сне можно все пружины пересчитать, или иметь неработающий душ, или тонкие стены, через которые слышно, как дышат соседи.

Все, что мне требовалось для проживания, было у меня в чемодане. Он был до сих пор не распакован, потому что смысла в этом не было. Я

проведу в Лондоне несколько дней, максимум неделю, а потом перееду в другой отель, ловить следующего монстра. У меня по-прежнему оставался дом в Вирджинии. В нем было две спальни и гостиная такого размера, в которой вполне гармонично смотрелся мой кабинетный рояль «Стейнвей». Раз в неделю приходил человек и проверял, все ли на месте, не было ли взлома, и раз в месяц специальная фирма приводила в порядок двор вокруг дома. Не знаю, почему я не продаю этот дом. Наверное, каждому хочется иметь какое-то место, которое можно назвать домом, пусть даже чисто символически.

Второе мое условие – в люксе должна стоять бутылка односолодового виски. Я приемлю смешанные сорта для ежедневного употребления, но когда распутываешь дело, лучше односолодового ничего быть не может. Двенадцатилетний виски – это минимальное требование, пятнадцатилетний – уже лучше, а все, что старше пятнадцати лет, – это подарок. Хэтчер подогнал восемнадцатилетний «Гленливет», который удовлетворял всем возможным требованиям. Я подключил к лэптопу переносные колонки, нашел моцартовскую симфонию «Юпитер» и нажал на кнопку воспроизведения. Затем я налил себе виски и сделал глоток, наслаждаясь его копченым и торфяным вкусом.

Я слушал музыку с закрытыми глазами и чувствовал, как она обволакивает меня. Моцарт уносил меня в другой мир, за много световых лет от этого. В том мире вместо мучений и криков царят красота и жизнь, надежда, а не отчаяние. На моем лэптопе были собраны все записи лучших исполнений произведений Моцарта, которые я смог отыскать. Все, что написал этот великий человек, у меня было. Моя цель – собрать лучшие исполнения всех его произведений. Это задача на всю жизнь.

Первая часть симфонии закончилась, и я открыл глаза. Какое-то время я просто сидел и по глотку отпивал виски. Я не знал, сколько прошло часов с тех пор, когда я в последний раз спал. Но даже при том, что я уже не мог фокусировать взгляд, я еще не смог бы заснуть. Началась вторая часть симфонии, и я стал проверять почту. Ничего важного не было: обновление информации по мэнскому делу, запрос из полицейского отделения Сан-Франциско и некоторое количество спама.

Я вышел на балкон, чтобы выкурить последнюю на сегодня сигарету. Я слушал насыщенные звуки второй части симфонии, мягкие и успокаивающие. Лондон был покрыт снежным одеялом, как будто его покрасили все очищающей белой краской. Все звуки города были более приглушенными, чем обычно, а улицы более пустые. Высоко в небе, где-то в стратосфере, одиноко летел пассажирский самолет. Замершее колесо

обозрения «Лондонский глаз» сверкало бело-голубой подсветкой. Я докурил сигарету, щелчком отправил окурок вниз, в темноту, и проследил взглядом за тем, как маленький оранжевый огонек переворачивался в воздухе, все уменьшаясь, и наконец совсем исчез. Я вернулся в комнату, принял снотворное и запил его «Гленливетом». Последняя моя мысль перед провалом в сон была о жертве номер пять. Мы ничего о ней пока не знали, но единственное, что я знал наверняка, – это то, что в эту самую секунду она одинока, как никогда. Она была совершенно одна в фильме ужасов, в который вдруг превратилась ее жизнь.

Я обещал Хэтчеру, что пришлю поисковый портрет преступника к девяти утра, но было очевидно, что не получится. Обычно после сна у меня появлялось более четкое видение ситуации, но в этот раз этого не произошло. Дело было гораздо более запутанное и непонятное, чем обычно. У меня уже появилось несколько идей, но не настолько ценных, чтобы я мог ими делиться с полицией. То описание, которое я составлю, сильно повлияет на ход расследования, и, если я ошибусь, пострадает беззащитная женщина. Плохое описание как ничто другое способно уничтожить расследование.

Этот случай был не похож ни на один предыдущий. Обычно в деле есть один-два трупа, с которыми можно работать. Их отсутствие беспокоило меня больше всего. Чтобы сделать лоботомию, нужно иметь навыки и время. Насколько легче просто убить жертву! Я не понимал логику преступника, его действия не вязались у меня с тем, что я про него знал. Он был аккуратен и чистоплотен, перед каждым своим действием тщательно его обдумывал, зачем же ему понадобилось брать на себя весь этот труд с лоботомией? Его явно заводят пытки, он, можно сказать, питается болью и криками жертв. После лоботомии праздник, очевидно, заканчивается – жертва больше не чувствует боли и не кричит. Зачем ее делать? Что у него за мотив?

Другой загадкой было довольно противоречивое обращение с жертвами. С одной стороны, он их жестоко пытал. С другой – заботился. Возможно, он поддерживал их в хорошей форме, чтобы они могли дольше выносить пытки. Это было вероятным, но почему-то мне не нравилась эта версия.

Я быстро принял душ, вытерся и оделся. Вчерашние джинсы еще можно было надеть, но футболка и толстовка уже нуждались в стирке. На моей сегодняшней футболке красовалась «Нирвана», поверх которой я надел черную толстовку. Проведя рукой по волосам, я придал им более аккуратный вид.

Я не знал, почему мои предки выбрали себе фамилию Уинтер, то есть «зимний». То ли потому, что в нашем роду у всех преждевременно седели волосы из-за генетического отклонения, то ли их выбор – простая случайность. Мне не хотелось называть это случайностью, я не верю в совпадения, удачу, судьбу. Но зато я верю, что в бесконечной Вселенной

возможно абсолютно все: например, то, что юноша с зимней фамилией в двадцать с небольшим может иметь абсолютно седые волосы. Но, если брать теоретически возможные случайности, мой случай не такой уж и впечатляющий. Гораздо больше поражают истории, когда парень и девушка, влюбленные друг в друга в школе, расстаются, разделенные обстоятельствами и океанами, и проживают каждый свою жизнь. И потом они, не имея никакой связи друг с другом в течение пятидесяти лет, вдруг совершенно случайно встречаются в отпуске в каком-нибудь богом забытом уголке мира. И их история продолжается с того же самого места, на котором она закончилась полвека назад.

Я заказал в номер полноценный английский завтрак – кто знает, когда мне доведется поесть в следующий раз. Первой чашкой кофе я запил еду, а вторую взял с собой на балкон. Наблюдая, как просыпается город, я зажег сигарету и глубоко затянулся. Небо было ярко-голубое – такое же, как и в Вирджинии зимой. Облаков почти не было, а значит, сегодня будет еще холоднее, чем вчера. Термометр уже показывал несколько градусов ниже нуля. Утренний коктейль из кофеина и никотина дал мне заряд энергии, и, вернувшись с балкона в комнату, я уже был готов к выходу.

Хэтчер прислал мне фотографии жертв до похищения и после. Я начал с Патрисии Мэйнард, раз я уже видел ее и, получается, знал лучше других. Фотография «до» ничем не отличалась от остальных в том смысле, что на этих фотографиях жертвы всегда изображены в счастливые моменты жизни. Фотографии были предоставлены родственниками, и совершенно естественно, что им хотелось запомнить своих близких радостными и довольными, как будто такими они всегда и были. Патрисия была обычным человеком, а значит, у нее бывали и хорошие дни, и плохие. Временами она была счастлива, временами – грустна или раздражена. Иногда с ней было хорошо, а иногда она всех доставала. Другими словами, ей был доступен весь спектр эмоций и настроений, который испытывают люди в течение жизни.

В момент съемки ей явно было хорошо. Она была в ресторане и беззаботно улыбалась в камеру. Ничто не предвещало, что ей придется оказаться в том кошмаре, который стал концом ее полноценной жизни.

Фотография была обрезана, так что сложно было сказать, по какому поводу она оказалась в ресторане. Может, это был ее или чей-то день рождения. Но событие однозначно было праздничным. Раз это фото было сделано, значит, участникам хотелось запомнить этот день.

У нее были темные волосы и карие глаза, она была привлекательна. Ее типаж был не такой яркий, как у Темплтон, она вряд ли смогла бы

спровоцировать пробку на дороге, но точно заставила бы мужчину посмотреть на нее дважды. Она была в хорошей форме, без лишнего веса, выглядела цветущей и здоровой. На ней была блузка с двумя расстегнутыми верхними пуговицами, приоткрывавшими ложбинку между грудей и маленький кусочек кружевного белья. Она была очень счастливой, уверенной, привлекательной женщиной, у которой впереди была вся жизнь.

Фото «после» было сделано в полиции, и в нем уже не было ничего радужного. Патрисия выглядела сурово и грустно. От прежней уверенной, привлекательной женщины не осталось и следа. Глаза были закрыты. Красные и опухшие, они выглядели так, как будто она простояла пятнадцать раундов на боксерском ринге. Обмякшее лицо напоминало мне лица людей, перенесших инсульт.

Я просмотрел фотографии «до» и «после» других трех жертв – счастливые семейные снимки и холодные, жестокие изображения, сделанные полицией. Сара Флайт, Маргарет Смит, Кэролайн Брент. Я взял четыре фотографии «после» и расположил их в два ряда: Сара Флайт и Маргарет Смит попали в верхний ряд, а Кэролайн Брент и Патрисия Мэйнард – в нижний. И вдруг у меня волосы встали дыбом от внезапно накатившего предчувствия озарения. Если смотреть на эти фото так, как я их разложил, все они напоминали одного и того же человека.

Я создал новый файл, взял фотографии «до» и расположил их так же, как и фотографии «после». В глаза сразу бросилось сходство между ними. Я не заметил его раньше, потому что у двух жертв были крашенные волосы. Я набрал Хэтчера, и он ответил на втором гудке.

– Я уже отправил машину, – сказал он. – Она будет у тебя через несколько минут.

– Отлично. Машина мне нужна, но я поеду не в отделение. Не сейчас, по крайней мере.

– А что с поисковым портретом?

– Мне еще нужно время.

– Какого черта, Уинтер! Ты говорил, что он будет готов к утру.

– Послушай, у меня нет портрета преступника, но зато есть описание следующей жертвы. Готов записывать?

На том конце послышался шелест бумаги, и Хэтчер сказал:

– Да, давай.

– Это женщина в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет, – я говорил медленно, чтобы Хэтчер успевал записывать. – Замужем, но отношения с мужем плохие. Муж ей изменяет, и, возможно, уже не в первый раз.

– Сомневаюсь в этом, Уинтер. У Сары Флайт был крепкий брак. У других были проблемы, да, но Флайты чисты.

– Ты так уверен?

– Мы их проверили. Они были счастливы, как Ромео и Джульетта.

– Не самый лучший пример для подражания, – сказал я.

– Мои люди профессионалы. Если бы там что-то было не так, они бы раскопали.

– Ты готов деньгами поручиться за свои слова?

– Ты серьезно?

– Двадцать фунтов. Хотя нет, это неинтересная сумма. Давай пятьдесят.

– Это, вообще-то, нарушает этические нормы, – сказал Хэтчер.

– Во-первых, ты не сказал «нет». Во-вторых, так говорят только неудачники.

– Ладно, буду рад получить твои деньги.

– Хорошо, продолжим, – сказал я. – Жертва будет брюнеткой с карими глазами, привлекательная. Поскольку женщины часто красят волосы, видимый цвет может быть разным, как это было в случаях Кэролайн Брент и Маргарет Смит. Мы в данном случае подразумеваем женщину, у которой свой цвет волос – темный. Она карьеристка с высшим образованием. Достойная цель для нашего маньяка.

– Зачем ему нужны эти сложности? – спросил Хэтчер. – Если он хочет помучить женщину, почему не похитить проститутку или наркоманку?

– Потому что ему не все равно, кого мучить. Эти жертвы символизируют кого-то, очень значимого для него. Бывшую жену, как мне кажется. Она-то и есть его цель, это ее он на самом деле хочет ранить, но пока не отваживается. Он ее боится до ужаса. И это его очень злит, и эту свою злость он вымещает на жертвах.

– То есть он тренируется на других женщинах, готовясь к атаке на свою бывшую.

– Как-то так, – согласился я. – Нужно, чтобы твои люди просмотрели

все заявления о пропавших женщинах за последние три дня, абсолютно все. Особенно меня будут интересовать те, кто пропал за последние двадцать четыре часа. Если я правильно оцениваю интенсивность его процесса, то как раз в этот период он и должен был похитить следующую жертву.

- Так ты думаешь, он уже похитил кого-нибудь?
- У меня нет никаких сомнений по этому поводу.
- Географически на каком районе нам сфокусироваться?
- Северный берег Темзы.

Хэтчер громко вдохнул, и его реакция была вполне естественной, потому что я только что «сузил» ареал поиска до сотен квадратных километров и миллионов людей.

– Но есть новости и похуже, – добавил я. – Я не удивлюсь, если он начнет работать и за городом. Этот фокус с вырубанием камеры на парковке в Сент-Олбансе означает, что он будет пытаться пустить нас по ложному следу. И теперь надо исходить из того, что и тут, и там мы можем наткнуться на его уловки. Так что давай начнем поиски в пределах кольца М25. Если ничего не всплывет здесь, расширим зону поиска до окрестных графств.

- Сейчас займемся, – сказал Хэтчер.
- Фотографии мне нужны как можно скорее. Присылай их мне прямо на мобильный.
- Не вопрос. Так когда будет полный поисковый портрет?
- К концу дня что-то уже пришлю.

Закончив разговор, я надел куртку, положил в карман сигареты и зажигалку и спустился вниз. Снаружи меня ожидал немаркированный «БМВ». Увидев, кто водитель, я не смог сдержать улыбку. Пройдя через вращающуюся дверь отеля, я подошел к машине.

- Доброе утро, Темплтон.
- Доброе утро, Уинтер.

Темплтон, одетая в толстую дутую куртку, стояла, прислонившись к машине. На ней были узкие джинсы, сидевшие, как вторая кожа, светлые волосы были собраны в хвост. При свете дня ее голубые глаза были еще более выразительными. Стоя в этой позе у машины, она легко могла бы сойти за рекламную картинку.

- Видимо, тебе снова выпал жребий, – сказал я.
- Веришь или нет, но я сама вызвалась. Мне интересно посмотреть, как ты работаешь.
- Польщен.

– У тебя есть повод. Я вообще-то предпочла бы сама себе зуб мудрости вырвать, чем работать нянькой.

Мы сели в машину, пристегнулись. Вместе с зажиганием включилась какая-то рок-волна со старым добрым «Аэросмитом». Темплтон протянула руку и убавила громкость. Двигатель успел прогреться, пока она ехала из Скотланд-Ярда, и печка уже вовсю боролась с холодом.

– Ты сказала «работать нянькой», а не водителем, – сказал я. – Значит, ты уже говорила с Хэтчером.

Темплтон кивнула.

– Он звонил пять минут назад. Сказал, что ты не подготовил портрет. Он очень недоволен.

– Что еще он сказал?

– Сказал следить за тобой и отчитываться по каждому твоему шагу.

– Ты будешь это делать?

– Зависит от того, что это будут за шаги. Так куда едем?

– Энфилд. Хочу съездить к первой жертве, Саре Флайт.

Мы отъехали от отеля, и я покрутил перед Темплтон пачкой сигарет в немом вопросе.

– Не возражаю, если ты меня угостишь, – сказала она.

Я зажег две сигареты и передал одну Темплтон. Мы стояли в пробке. Движение было почти таким же плотным, как в Нью-Йорке, но не таким ужасным, как в Лос-Анджелесе. Мы ехали молча, Темплтон сконцентрировалась на дороге, а я думал о расследовании. Тишина была комфортной, дружеской, ненапряженной.

Я докурил и выбросил окурок в окно, затем нажал на кнопку и окно с жужжанием закрылось. Через тридцать секунд Темплтон последовала моему примеру. По мере того как мы продвигались на север, здания становились все более маленькими, серыми и мрачными. Зимнее солнце, конечно, улучшало внешний вид строений по сравнению с вчерашним днем, но ненамного. По радио непрерывно шла рок-классика: Хендрикс, «Иглс», «Лед Зеппелин». Отличные мелодии из далекого прошлого.

– А каким он был?

Я слышал этот вопрос уже великое множество раз, поэтому мне не пришлось спрашивать, кого имеет в виду Темплтон. Обычно люди задавали его на более поздней стадии знакомства, но я не удивился тому, что ждать она не стала. У меня создалось впечатление, что Темплтон была не из тех, кто долго ходит вокруг да около.

– Он внушал полное доверие, – сказал я. – Столп общества. Преподавал математику в колледже, пользовался уважением коллег, и

студенты его любили. Он был общителен, умел вдохновить, типичный учитель-эксцентрик. Мозг у него, казалось, никогда не прекращал работать. Пока он был в тюрьме Сан-Квентин, у него много раз пытались измерить IQ, но он только издевался над психиатрами во время теста. Каждый из них мог бы подтвердить, что он с легкостью попал бы в Менсу, а в это общество входят два процента умнейших людей в мире.

– И ты ничего не подозревал?

– Если ты хочешь спросить, подозревал ли я, что мой отец – серийный убийца, то нет, не подозревал.

– Но что-то все-таки было в нем подозрительное, разве нет?

Я вспомнил один пикник у нашего дома, когда мне было восемь или девять лет, за пару лет до того, как ФБР ворвалось в дом, арестовало отца, и мой мир рухнул. Гости стояли вокруг решетки, на которой жарилось мясо, отец был в центре. На нем был фартук, в одной руке он держал пиво, а в другой – щипцы, чтобы переворачивать мясо. Пиво текло рекой весь день, было весело, все смеялись и шутили, всем было хорошо. И мой отец смеялся и шутил. Но что-то было натужное в его смехе. У меня осталось в памяти, что отец смеялся только губами, до глаз его улыбка не доходила.

– Если сейчас оглядываться в прошлое, я бы сказал, что знаки были, – ответил я. – Мне нравится думать, что, если бы я познакомился с ним сейчас, я бы сразу все понял. Но я был ребенком. Когда его арестовали, мне было всего одиннадцать лет. А первую свою жертву он убил еще до моего рождения. Дома он был либо холоден, либо всех контролировал, но он был ничем не хуже отцов моих друзей. Наоборот, он был лучше, чем большинство отцов. И все мои друзья думали, что у меня крутой отец, потому что именно таким он для них и был.

– Мне только кажется или ты на самом деле просто рассказываешь мне официальную версию?

– Так оно и есть.

– Слушай, если ты не хочешь об этом говорить, я понимаю.

– Дело не в этом, я просто на самом деле не знаю, что сказать. Если бы он был одним из преступников, которых я пытаюсь поймать, я бы выдал тебе полное его описание в мельчайших подробностях. Но это мой отец, и я был слишком близок к нему, чтобы объективно его судить.

– Ты себя винишь, да ведь? Думаешь, что мог бы сделать что-то, чтобы спасти тех девушек?

– Сейчас ты говоришь, как психиатры в тюрьме Куантико.

– Ты избегаешь моего вопроса.

– Конечно, избегаю. Мы только познакомились. Давай отложим все эти

тяжелые разговоры на потом.

Выбив из пачки сигарету, я предложил ее Темплтон. Она отказалась, покачивая головой. Луч солнца, очень удачно осветив лицо, дал мне первую возможность рассмотреть ее в профиль с близкого расстояния. Профиль был столь же умопомрачителен, что и вид анфас. У нее было отличное строение кости, милый нос, высокие скандинавские скулы.

Темплтон, должно быть, почувствовала, что я ее рассматриваю, повернулась и взглянула на меня. Ее лицо обладало идеальной симметрией, которую так любит камера. Наверняка в цифровом выражении оно соответствовало бы золотому сечению – идеально приятной глазу пропорции, которая вдохновляла художников и математиков последние две с половиной тысячи лет. Доказательство того, что золотое сечение действительно существует в природе, ехало сейчас на водительском сиденье «БМВ».

Мне было непонятно, почему Темплтон выбрала работу в полиции за нищенскую зарплату, когда могла бы заработать целое состояние на своей внешности. Версии про следование семейной традиции, конечно, можно было верить, но что-то мне говорило, что это тоже была официальная версия. Я открыл окно и зажег сигарету. По радио запели «Роллинг Стоунс», и Темплтон прибавила громкость. Она окунулась в песню, голова ее двигалась в такт ритму, губы слово в слово повторяли слова. Я сделал еще одну затяжку и вернулся к мыслям о расследовании.

Рэйчел резко открыла глаза, но ничего не увидела – вокруг нее была кромешная тьма. Не было ни малейшего просвета от окна или дверной щели. Сердце стучало так, как будто готово было выскочить из груди, дыхание было коротким и прерывистым. Каждая последующая секунда вела к полномасштабной панической атаке. Темнота словно вбирала в себя каждый ее вдох и возвращала, многократно усилив его громкость.

Матрас, на котором она лежала, был такой тонкий, что через него чувствовался холодный и твердый пол. Запах хлорки щипал ноздри и глотку. Наваливались воспоминания: она сидит на переднем сиденье «порше», довольная, как будто в лотерею выиграла. Блеск иглы шприца.

Рэйчел попробовала встать, но на нее тут же накатил волна тошноты. Ее вырвало, но в последнюю секунду она смогла податься вперед, чтобы не запачкать одежду и матрас. Ее вырвало во второй раз – от запаха вчерашнего красного вина и желудочного сока, и рвало до тех пор, пока изнутри не стала выходить одна желчь. Рэйчел вытерла рот тыльной стороной ладони. Голова болела, ладони были влажными, ее трясло, как в лихорадке.

Она упала на матрас и попыталась восстановить дыхание. Паника нарастала, но Рэйчел пыталась избежать приступа. Медленно. Спокойно. Она несколько раз глубоко вздохнула, и кислый запах рвоты ударил ей в нос. Снова накатил дурнота, и ее стошнило бы опять, если бы в желудке оставалось хоть что-то. Она закашлялась и вытерла рот, еще раз глубоко вздохнула и приказала себе собраться. Дыхание стало более размеренным.

Рэйчел стала водить рукой по воздуху до тех пор, пока не нащупала стену, выложенную плиткой. Плитка на ощупь была гладкая, холодная, квадратная, где-то пятнадцать на пятнадцать сантиметров. Такой обычно выкладывают ванные комнаты. Держась за стену, Рэйчел попробовала потихоньку встать. Голова кружилась, но ноги вроде бы держали.

На полу тоже была плитка, но она была крупнее, где-то метр на метр. И тоже – по ощущениям от ее голых стоп – холодная и гладкая. Рэйчел осторожно передвигалась по комнате, пытаясь сориентироваться в помещении. Добравшись до третьей стены, она нащупала дверь, тяжелую и крепкую. Скользя ладонью по окрашенной поверхности, она нашла ручку. Повернула ее. Заперто. Сердце опять бешено застучало, и на этот раз панику победить не удалось. В ушах зазвенело, и она почувствовала, что

падает.

Пустота.

Когда она вновь открыла глаза, вокруг все еще было темно. Она лежала на холодном полу, руки и ноги были деревянными и почти не слушались. На голове в том месте, которым она ударилась о пол, образовалась шишка. Рэйчел поняла, что была без сознания какое-то время, но не могла определить, как долго. Она осторожно поднялась на ноги и, держась за стены, вернулась к матрасу. Других дверей в комнате не было.

Она сползла по стенке и села в углу, прислонившись спиной к стене, крепко обняла колени и положила на них голову. Слезы катились у нее по щекам, но она их почти не замечала. Это было самое худшее, что могло случиться. Она умрет. Она была уверена в этом. Но это было не самое страшное. Больше всего ее ужасало то, что она все еще жива.

Она вспомнила, как резко переменилась улыбка Адама вечером. Сначала она была такой дружелюбной и веселой, как будто обещала: *я стану твоим лучшим другом, я заберу тебя из твоего жалкого существования и перенесу тебя в жизнь твоей мечты, в жизнь, которую ты заслуживаешь.* За долю секунды эта улыбка превратилась в оскал хищника. У Рэйчел опять свело желудок, и она решила, что ее снова вырвет. Ноги и руки стали ватными, по щекам потекли слезы. Она раздумывала, позвонил ли уже Джейми в полицию. За этой мыслью быстро последовала другая, вызвавшая новый поток слез: а он вообще заметил, что ее нет? Хоть кто-то заметил?

Дорожка, ведущая к зданию, походила на минное поле из выбоин, но Темплтон ехала как ни в чем не бывало. Она даже не пыталась маневрировать и ехала прямо по ямам, как будто их тут не было. Подвеска «БМВ» была явно не в восторге от происходящего. Темплтон въехала во двор, обнесенный стеной, и, забуксовав, остановилась так резко, что подняла волну гравия под днищем автомобиля.

Здание частной больницы Данскомб-Хаус было построено много веков назад, оно было старше, чем Америка. С течением времени то тут, то там появлялись новые постройки, отражающие разные архитектурные стили, разные временные периоды, мировоззрение разных архитекторов. Возникало ощущение, что эта постройка – вне времени и вне стилевых рамок. По размеру здание было достаточно большим, чтобы называться особняком, но слишком маленьким для дома-усадьбы.

Мы вышли из машины и плечом к плечу дошли до главного входа. Темплтон нажала на звонок, отступила на один шаг и направила взгляд в глазок камеры наблюдения. Ее выражение лица словно говорило: попробуй не пусти! Прошло несколько секунд, послышался щелчок замка, и Темплтон вплыла внутрь так, как будто это был ее собственный дом, – расправив плечи, с прямой спиной, покачивая бедрами. Сзади ее обтягивающие джинсы смотрелись столь же фантастически, как и спереди.

Напротив стойки администратора стояла трехметровая елка. Это был явный перебор: на ней висели десятки блестящих украшений и игрушек, сотни маленьких белых фонариков, километры мишуры, а сверху красовалась большая серебряная звезда. Темплтон направилась прямо к стойке администратора и показала свое удостоверение.

– Мы пришли к Саре Флайт, – сказала она.

Администратор, казалось, удивилась.

– Какие-то проблемы? – спросил я.

– Нет, никаких, – покачала она головой. – Просто к Саре мало кто приходит.

– Мало кто – это кто?

– Ее мать приходит каждое, без исключения, утро. Она только что ушла.

– Еще кто-нибудь приходит?

Она покачала головой.

– А муж?

Администратор помедлила и посмотрела направо и налево – классическое поведение человека, обладающего секретной информацией.

– Он ни разу сюда не приходил, да ведь? – спросил я.

– Ни разу.

– Где нам найти Сару?

– Она в комнате дневного пребывания, – администратор показала на ряд двойных дверей напротив широкой, старинного вида лестницы.

Просторная комната дневного пребывания с облицованными деревом стенами, паркетом на полу и высокими сводчатыми потолками была похожа на церковь, елка здесь стояла перед большим камином. Она была поменьше, чем та, что при входе, но все равно выглядела очень впечатляюще. Украшена она была так же. Очевидно, кто-то из персонала специально ездил в город за рождественскими украшениями и купил километры мишуры, сотни флажков и серебряных колокольчиков. Было похоже, что обе елки украшал один и тот же человек.

В комнате неприятно пахло пережаренными овощами, подливкой и бытовой химией. Этот запах напоминал мне сразу все казенные учреждения, в которых я когда-либо бывал или о которых читал в «Полете над гнездом кукушки». За пациентами присматривали два санитары – чернокожий мужчина и белая женщина. Эта парочка явно умирала со скуки: они сидели за столом у двери и не знали, как убить время до конца смены.

Стул Сары Флайт стоял перед окном с видом на залив. Она сидела и тупо смотрела в окно. Волосы у нее уже отросли и выглядели хорошо – они были блестящие и аккуратно убраны. Явно кто-то совсем недавно их расчесал. Возможно, причесывание было частью ежедневного ритуала, поддерживаемого матерью Сары. Вряд ли санитары стали бы тратить время на волосы пациентов. Сара была одета в свободную, мешковатую одежду, которую легко снимать и легко надевать. Шестьдесят килограммов веса – слишком тяжелая ноша, а персонал по понятным причинам пытался максимально облегчить себе жизнь. По подбородку Сары из уголка рта текла струйка слюны.

– У тебя есть салфетки? – спросил я у Темплтон.

Она достала из кармана пачку салфеток, и я аккуратно вытер Саре подбородок. Это была мелочь, можно было бы и не замечать вытекающей слюны, но Сара заслуживала уважения, даже если она этого и не осознавала.

Вчера, когда я увидел Патрисию Мэйнард, моей первой мыслью было:

лучше бы она была мертва. И сейчас я думал ровно то же самое. А думать так мне было непросто. Я считаю, что быть живым всегда лучше, чем мертвым, потому что любая жизнь лучше, чем холод и одиночество могилы. Если ты жив и даже если ты прошел через ад, всегда сохраняется шанс на то, что жизнь изменится к лучшему.

Но лучше может стать не каждому. Я это знаю из собственного горького опыта. Мой отец никогда не бил мою мать, но эмоциональные шрамы от жизни с ним были столь глубоки, что в конце концов убили ее. Кто-то в этих случаях начинает пить или принимать наркотики, чтобы обезболить свои воспоминания, а для кого-то жизнь становится настолько невыносимой, что они прибегают к самоубийству. Но большинство людей как-то умудряются выплыть и наладить некое подобие жизни. Жить всегда лучше, чем умереть.

Я смотрел на то, как Сара Флайт сидит и смотрит в пустоту стеклянными глазами, и думал, есть ли исключения из этого правила. Сару никогда не вылечат, и лучше, чем сейчас, ей уже не будет никогда.

Я поставил стул рядом с ней, расстегнул куртку, надел на голову капюшон толстовки и какое-то время просто сидел и смотрел туда же, куда и она. Как мог, я пытался отбиваться от бесконечного потока разных мыслей. Мне хотелось поймать несколько мгновений, во время которых ум остался бы пустым и белым, как пейзаж по ту сторону стекла. Мой самый большой недостаток – принимать все слишком близко к сердцу, пропускать все через себя. Я настолько сильно хочу найти разгадку, что за деревьями не вижу леса, он расплывается в глазах.

Свет зимнего яркого солнца придавал дополнительную резкость всем предметам. Покрытая снегом лужайка была ослепительно яркой, а деревья и кусты напоминали белые минималистичные скульптуры. Весь пейзаж был похож на рождественскую открытку. Одна мысль о том, что Сара никогда не сможет этого увидеть по-настоящему, ввергала меня в депрессию.

На долю секунды мое зрение трансформировалось: все, что было за окном, стало фоном, а само окно превратилось в тусклое зеркало, отражающее меня и Сару. Ракурс, освещение, наши тени на поверхности стекла – весь мир вдруг сузился для меня до нас двоих.

Затем обычное восприятие восстановилось, и я вновь вернулся в комнату. Темплтон стояла позади меня и всем видом демонстрировала нетерпение. Ее отражение в окне смотрело на часы, затем в мобильный телефон, потом через плечо на других пациентов. Пару раз она вздохнула, закусила губу. Весь ее вид говорил о том, что у нее было много дел и что ее

ждали люди.

Я решил дать ей еще минуту, а может, достаточно было и сорока пяти секунд. Она наклонилась настолько близко, что я во всей полноте ощутил аромат ее духов. Он был приятным и хорошо сочетался с моим гиперактивным воображением – в сознании тут же появилось множество интересных и неуместных образов.

– Можно вопрос? Какого черта мы здесь делаем, Уинтер? – она говорила тихим шепотом, ее дыхание щекотало ухо. – Я спрашиваю, потому что мне кажется, что ты сидишь и любишься цветами, вместо того чтобы заниматься поиском преступника.

– Я пытаюсь кое-что понять, – улыбнулся я и подождал, пока она тоже улыбнется.

– Хорошо, – сказала она. – Интересно, что именно.

– Ты выбрала эту работу, чтобы отлавливать жуликов, да? Это для тебя основная цель, и у тебя хорошо это получается.

Темплтон двусмысленно качала головой из стороны в сторону, и, судя по всему, более близкого к согласию жеста сейчас было ожидать нельзя. Я сомневался в том, что она была способна вслух признать справедливость подобного утверждения.

– Ты – классическая трудяга, – добавил я. – Тебя мотивирует твоя работа, у тебя все хорошо получается, и ничего плохого в этом нет. Вообще ничего.

– Не пойму, к чему ты ведешь.

Я кивнул в сторону Сары Флайт. Из уголка ее рта показалась еще одна струйка слюны, и я снова вытер ее салфеткой.

– Я пытаюсь тебе сказать о ней. О ней и о всех тех, кому пришлось столкнуться с психом, у которого искаженное видение мира и множество извращенных фантазий. Когда ты всю свою энергию направляешь на преступника, очень просто позабыть о жертвах. Слишком уж это просто, и я тоже часто попадаю в эту ловушку. Поэтому я и пришел сюда, чтобы напомнить себе, что на самом деле я все это делаю для жертв. Поимка преступника – это просто бонус. Сейчас где-то еще жива женщина, которую похитил наш маньяк, и, если мы плохо сделаем свою работу, она окажется в том же состоянии, что и Сара.

Я протянул руку и дотронулся до руки Сары. Мне будто было необходимо убедиться в том, что она была реальной. Я почти что ожидал, что моя рука пройдет сквозь ее руку, но этого не случилось. Я ожидал, что ее кожа окажется холодной, но она была такой же теплой, как и моя. На единственном пальце, который у нее остался, было место, где когда-то

было обручальное кольцо. Обрубки остальных пальцев преступник прижег, и теперь они уже зажили и зарубцевались. Кто снял кольцо? Ее мать? Кто-то из санитаров, на кого Сара никогда не сможет указать? Было ясно одно: это точно сделал не Грег Флайт. Я встал и направился к двери. Темплтон пошла за мной, и теперь шаги ее звучали тихо и робко – в ее походке больше не было ни следа от той самоуверенности, с которой она сюда вошла.

Личная помощница Грега Флайта провела нас в его просторный угловой офис на верхнем этаже арендуемого рекламным агентством «Физз» трехэтажного здания. Агентство не принадлежало к числу лидеров в своей области, но было и не самым последним. Оно занимало комфортную позицию середнячка, которому перепадали крошки со столов «Саатчи Саатчи» и других крупных фирм.

Офис Флайта был очень большой, оформление было лаконичным. То же самое можно было сказать и про его стол. Мебель из темного дерева имела скругленные углы. Стена «имени Грега Флайта», завешанная сертификатами и дипломами, просто кричала о его низкой самооценке и потребности в самоутверждении. Он, как мог, старался скрыть свою неуверенность, и, учитывая то, что он занимал должность арт-директора, ему это практически удалось.

Личная помощница подвела нас к двум креслам около окна. Сиденья были мягкие, кожаные, а сами кресла развернуты так, что, если раскрыть жалюзи, пришлось бы жмуриться от солнца. Кресло Флайта было массивным и больше походило на трон. Оно стояло спиной к окну, и получалось, что все его собеседники вынуждены были смотреть на солнце. Кресло было почти на восемь сантиметров выше, чем наши кресла. Все эти отчаянные попытки казаться более могущественным бросались в глаза и вызывали лишь жалость.

Темплтон встала у меня за спиной. Сочетание высокого роста и натренированного полицейского взгляда придавало ей внушительный и угрожающий вид. Грег Флайт в своем огромном кресле казался потерянным и нервным. Для нас это было большой победой. Флайт заранее продумал тактику поведения, которая гарантировала ему успех, но ошибся по всем статьям. Он намеревался держать ситуацию под контролем, но ему явно не удавалось это делать, и самое время было доставать белый флаг. Золотое правило любой битвы за власть состоит в том, что нельзя делать шаг до тех пор, пока нет полной уверенности в следующем шаге оппонента. Сунь-Цзы два с половиной тысячелетия назад верно сказал, что нужно знать врагов своих.

Личная помощница выразительно посмотрела на своего босса и тихо закрыла за собой дверь. Брюнетка, чуть за двадцать, наглая и, без сомнения, совершенно бесполезная с профессиональной точки зрения. Недостаток

компетенции ей наверняка приходилось компенсировать физическими упражнениями с боссом. Другой причины нанимать ее на работу я не видел.

Я улыбнулся Грегу Флайту, и он тут же метнул в меня ответную улыбку. Он очень старался выглядеть презентабельно, но его битва была проиграна, хотя он еще об этом не знал. На безымянном пальце у Флайта тоже не было обручального кольца. С тем, что случилось, он справлялся, делая вид, что ничего не произошло. Наверняка, он сделал все возможное, чтобы полностью стереть ее из своей жизни. Если бы мы встретились у него дома, а не в офисе, то там мы не увидели бы ни одного следа их совместной жизни – ни фотографий, ни памятных мелочей – ничего. Возможно, он уже даже продал дом, в котором они жили вместе. Темплтон потребовалось очень сильно постараться, чтобы он согласился уделить нам пять минут. Встречаться он не хотел не потому, что был слишком занят, а потому, что мы представляли собой ту часть его прошлого, от которой он так старался убежать.

– Сколько вы уже с ней спите? – спросил я.

Флайт был сбит с толку и выглядел, как человек, которого застали врасплох. Это ровно тот эффект, которого я и добивался своим вопросом. Он знал, что не ослышался, но не мог быть до конца уверен, правильно ли он меня понял.

– Прошу прощения? – вопросительно проговорил он.

Я пожал плечами.

– Я хочу знать, как давно вы занимаетесь сексом с личной помощницей. Она знает, что ее дни сочтены? – и я сам себе ответил, утвердительно кивнув. – Ну конечно, знает. Непрофессионализм ведь не обязательно означает глупость. Вы спали с ней и до похищения Сары? Кстати, она очень на нее похожа.

Флайт был настолько ошарашен, что уставился на меня с открытым ртом. Я покачал головой:

– Нет, Сару похитили в прошлом году. А с тех пор, я думаю, вы сменили шесть или семь женщин. Думаю, через каждые два месяца вы заводили себе новую. И они все были похожи на Сару, да?

Флайт по-прежнему просто тупо смотрел на меня.

– Но с кем-то вы точно спали в тот период, когда была похищена Сара, – продолжал я говорить сам с собой. – Ну конечно! И наверняка до той измены была другая. У вас такая схема: вы видите женщину, которая вам нравится, и вам необходимо ею обладать. И неважно, что при этом вы кому-то причиняете боль.

Я помолчал немного и продолжил:

– А вы на самом деле любили Сару? По-настоящему? Такой любовью, когда жизнь готов отдать за любимого человека? – я снова покачал головой. – Ну конечно, нет. И никогда никого не любили. А причина проста: вы – самовлюбленный, боящийся ответственности засранец.

Лицо Флайта стало ярко-красным, и он бросился на меня. Для человека, большую часть жизни просиживающего за столом, он двигался очень быстро. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы преодолеть разделявшую нас дистанцию. Он сильно ударил меня в грудь, и меня отбросило назад. А еще через секунду я уже лежал на спине, прижатый к полу. Я старался вырваться, но силы наши были не равны: его было слишком много, а меня – слишком мало. Он сжал пальцы в кулак, лицо перекосилось яростью, губы сжаты, глаза выпучены. Я еще попробовал побороться с ним и мысленно пробежался по всем возможным сценариям развития событий, но при любом варианте мне предстояла боль. Вопрос оставался только один – насколько сильная.

Но удара не последовало. Я почувствовал, что на грудь мне больше ничего не давит, и, открыв глаза, увидел Грега Флайта, свирепо смотревшего на меня с расстояния в десять сантиметров. Он был так близко, что я чувствовал несвежий запах кофе в его дыхании. Его правая щека прижималась к коврику, и Темплтон сидела на нем, зафиксировав его правую руку за спиной.

– Это злоупотребление полицейскими полномочиями, – сказал Флайт сдавленным голосом.

Я сел, скрестив ноги, и посмотрел на него. Все складывалось очень хорошо. Я был над ним, а он был повержен женщиной. Думаю, второй факт удручал его гораздо больше, чем первый. В мире Грега Флайта женщины оставались второсортными существами.

– С формальной точки зрения это не может быть злоупотреблением полицейскими полномочиями, потому что я не полицейский, – сказал я.

Темплтон завела его руку за спиной повыше, и он скорчился от боли:

– Отпустите меня.

Я наклонил голову так, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза.

– Грег, послушай, никто тебя не собирается осуждать. На самом деле мне совершенно все равно, с кем ты спишь. Мне лишь нужно понять, какие у вас были отношения с Сарой на тот момент, когда ее похитили.

– Пустите меня, – повторил он.

– Мы тебя отпустим, когда ты согласишься нам помочь. И на твоём месте я бы очень хорошо подумал перед тем, как ты начнешь отвечать на

мой следующий вопрос. Если тебе на руку еще немножко надавить, плечо у тебя выскочит из сустава. А вправлять его очень болезненно. Адская боль – как будто тебе кто-то битое стекло втирает в сустав.

Я замолчал, чтобы он какое-то время подумал. Флайт с такой злобой смотрел на меня, словно планируя новый, более верный способ расправиться со мной.

– Ладно, Грег, вот тебе вопрос на миллион долларов: ваш брак с Сарой с самого начала был комшмаром, так ведь?

– Вы вообще ничего не знаете про наш брак.

– Это неправильный ответ. Боюсь, машину ты не выиграл.

– У нас все было хорошо.

– Да, то же самое ты сказал и полиции. Но, поскольку они думали только о том, как бы найти твою жену, они не сильно докапывались до ваших отношений, так? – следующую фразу я решил произнести более тихим, мягким, вкрадчивым голосом. – Каждый раз, когда ты занимаешься сексом с помощницей, ты ведь думаешь только о Саре. Ты представляешь себе, как она гниет в той своей больнице, и тебя снедает вина.

Флайт быстро перевел глаза вниз, на безымянный палец без кольца. Темплтон еще немного потянула за руку, и он взвизгнул от боли.

– Грег, еще совсем немного, и плечо у тебя вылетит. Подумай об этом. Знаешь, мы только что ездили навестить Сару. Да, она лежит в недешевой частной больнице, но ты хорошо зарабатываешь и вполне можешь себе это позволить. Наверное, чувство вины немного отпускает, когда ты каждый месяц перечисляешь деньги на ее содержание?

Флайт отвел глаза и уткнулся лицом в ковер. Когда он снова посмотрел на меня, мне стало понятно, что он принял решение, и оно было правильным.

– У нас не ладились отношения какое-то время, – прошептал он.

Внезапно, с глухим щелчком, врубился свет. Галогеновые лампы ослепили Рэйчел до такой степени, что в глазах появилась резь, и какое-то время она не могла открыть глаза. Белая напольная плитка и белые стены отражали свет ламп и только усиливали его яркость. Кромешная тьма сменилась ослепительным светом слишком резко, слишком неожиданно.

Рэйчел приставила ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза, но это почти не помогло. Тогда она снова закрыла их и стала открывать как можно медленнее – миллиметр за миллиметром, давая им время привыкнуть к освещению. Она оказалась права – окон в помещении не было, дверь была только одна. Она была белая, глянцевая, и от ее поверхности все отражалось так же хорошо, как и от выложенного плиткой пола. В нижней части двери была вмонтирована откидная створка для собак. Потолок был покрашен в белый цвет, матрас был белый, одеяла тоже.

Комната походила на холодное, стерильное помещение, напоминавшее ей лабораторию, в которой все поверхности можно было легко мыть. От этой мысли ее бросило в дрожь, несмотря на духоту. Адам снял с нее ее любимое красное платье и надел вместо него бесформенные серые спортивные штаны и такую же серую толстовку. Вместо кружевного белья на ней теперь было хлопковое.

Сознание Рэйчел фиксировало эти факты, но обрабатывать отказывалось. Она отдавала себе в них отчет и не более того. Где-то на задворках сознания был матрас, засыхающая лужа ее рвоты, черное пластиковое ведро в углу. Какое-то время назад она так хотела, чтобы темноты больше не было, но теперь, когда это произошло, ей хотелось вновь ничего не видеть, потому что в комнате было только стоматологическое кресло.

Оно было из матированной стали с бежевой обивкой, большое и тяжелое – в точности такое же, в котором она каждые полгода сидела во время визита к стоматологу. Было только одно-единственное отличие – у этого кресла были ремни. Настоящие ремни-фиксаторы для рук, для ног, для головы. Какое-то время Рэйчел сидела на матрасе и смотрела на кресло. Она и не хотела смотреть на него, но глаз оторвать не могла. От этого зрелища ей становилось плохо.

В трансе она встала и подошла к креслу. На подлокотниках были пятна. Рэйчел знала, что это пятна крови, но не хотела признаться себе в

этом, потому что, если признать эту мысль, за ней хлынет океан других, а к ним она была совсем не готова. И вряд ли когда-нибудь сможет подготовиться.

– Номер пять, подойти к двери.

Голос Адама окружил ее со всех сторон. Он был оглушительно громким и благодаря какому-то звуковому фильтру был похож на голос робота. Рэйчел в ужасе обернулась и посмотрела по сторонам. Под потолком, в каждом углу висели белые колонки. Рядом с каждой колонкой висело по камере, тоже белой. Камеры были зафиксированы таким образом, что в комнате не оставалось непросматриваемых мест.

– Номер пять, подойти к двери, – повторил Адам.

Рэйчел медленно пошла к двери. Она смотрела в пол, чтобы не видеть камеры, шла и смотрела, как одна ее нога становится перед другой. Ноги были как чужие, ее всю трясло. Она знала, что камеры фиксируют каждый ее шаг. Створка для собак открылась, и в комнате оказалось ведро, на три четверти заполненное мыльным раствором, на поверхности плавала щетка. Затем створка с шумом закрылась.

– Номер пять, убрать за собой.

Рэйчел помедлила. Она посмотрела на колонки, на камеры, на собственную рвоту у матраса, затем на стоматологическое кресло. Подняв ведро, она перенесла его к матрасу, опустилась на четвереньки и очистила пол. Из-за запаха хлорки у нее слезились глаза и раздражалась слизистая носа. От химии, которая была намешана в воде, чесались руки. Закончив мыть, она понесла ведро к двери. Когда она была в нескольких шагах от нее, собачья створка открылась.

– Номер пять, передать ведро через створку.

Рэйчел тут же выполнила приказ. Створка закрылась, издав грохот, и свет выключился. Было слышно, как Адам удаляется от двери, затем послышался звук открывшейся и закрывшейся двери. И после этого Рэйчел слышала только свое дыхание. Медленно, как лунатик, вытянув руки вперед, она дошла до дальней стены и шла по ней, пока не добралась до матраса. Опустившись на него, она завернулась в одеяло. Ей хотелось тепла и покоя, но сейчас вокруг были лишь одиночество, грусть и безнадежность. Она закрыла глаза, чтобы сдержать подступающие слезы, и почувствовала, как они обжигают ей веки.

На улице было градусов на пятнадцать холоднее, чем в офисе Флайта. Ощущение от выхода на улицу было сопоставимо с входом в морозильную камеру. Почти весь снег растаял, оставив после себя серую слякоть и обледенелые островки на тротуарах. Я застегнул куртку до самого подбородка, надел капюшон и опять пожалел, что я сейчас не в Калифорнии, не на Гавайях или в Рио... словом, не там, где тепло и солнечно. Я предпочел бы быть в любом другом месте, только не здесь.

– В суд будешь подавать? – спросила Темплтон.

Я уставился на нее:

– С чего вдруг мне в суд подавать?

– Ну, во-первых, Грег Флайт напал на тебя. А во-вторых, он гад. Вот тебе целых две очень веские причины.

– А в-третьих, он сказал мне все, что мне было нужно знать, а только это в итоге и важно. В суде я потрачу кучу времени и сил, которые я планирую направить на более полезные вещи. Например, буду искать маньяка.

– Логично, но если вдруг передумаешь, я с превеликим удовольствием выступлю свидетелем.

Я зажег сигарету, предложил вторую Темплтон, достал мобильник и открыл список последних вызовов.

– Кому звонишь? – Темплтон наконец удалось извлечь огонь из зажигалки, и она прикуривала сигарету, зажав ее между губ.

– А ты всегда такая любопытная?

Она засмеялась.

– Конечно, всегда, я же в полиции работаю, а там по-другому никак. Так кому ты звонишь?

Я проигнорировал ее вопрос и нажал на кнопку вызова. Хэтчер ответил на втором гудке.

– Ты мне должен пятьдесят фунтов, – сказал я.

– Только если будут доказательства, – ответил Хэтчер.

– Темплтон присутствовала при исповеди Грегга Флайта. Она все подтвердит. У Флайта был роман на стороне, когда была похищена Сара. Это подтверждает мою версию о том, что у всех женщин-жертв были мужья, которые им изменяли. Не нашли еще никого, кто подходил бы под мое описание жертв?

- Пока ничего, но еще мало времени прошло.
- Как только появится хоть какая-то зацепка, сразу же пришли мне фотографии, – сказал я.
- Конечно. Кстати, ты оказался прав насчет парковки в Сент-Олбансе. Он на самом деле парковался на Гроув-роуд. Один из жителей его видел.
- У вас есть свидетельские показания?
- Сейчас зачитаю, – сказал Хэтчер. – Это мужчина среднего роста в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Волосы темные, но могут быть и светлыми. Скорее всего, он белый, но может оказаться чернокожим.
- А машина у него какая?
- Хэтчер качал головой. Я понял это по тишине, повисшей после моего вопроса. Он вздохнул и сказал:
 - Было темно, он парковался вдали от фонарей, поэтому описание машины такое же информативное, как и описание преступника. Наш свидетель говорит, что это был обычный четырехдверный седан. Может быть, «форд», или «воксхолл», или «школа». Пятилетний, а может, и десятилетний. По цвету – выбирай любой оттенок серого.
 - Я просто обожаю свидетелей.
 - Не говори...
 - Но есть и плюсы. То, что он парковался на Гроув-роуд, подтверждает мою гипотезу, что он пытается сбить с толку полицию. Мы можем не знать, как он выглядит и что у него за машина, но зато теперь мы лучше понимаем логику его действий. Хэтчер, не забудь, мне как можно скорее нужны фотографии.
- Я сбросил звонок и вернулся к сигарете. Темплтон удивленно смотрела на меня, широко раскрыв свои голубые глаза.
- Что? – спросил я.
- Ты поспорил с Хэтчером, изменял Грег Флайт или нет? Я уверена, что есть закон, запрещающий такого рода споры.
- Возможно. Но сейчас речь не об этом.
- А о чем же?
- О том, что я стал на пятьдесят фунтов богаче, а значит, сегодня напитки за мой счет.
- Темплтон смотрела на меня своим фирменным полицейским взглядом, прищурившись. Разница между ним и предыдущим взором была в том, что сейчас ей с трудом удавалось справляться с мимикой.
- Что-то я не помню, чтобы соглашалась пить с тобой сегодня.
- Это да, – сказал я. – А ты многих полицейских знаешь, которые отказались бы от бесплатного напитка?

Темплтон молчала, будто бы всерьез обдумывая мой вопрос.

– Во сколько?

– В восемь?

– Хорошо. Ну и, чтобы не было недосказанностей, одного напитка точно не хватит, чтобы купить мое молчание.

– Выпьешь столько, сколько захочешь, – сказал я.

Мы подошли к «БМВ», я раздавил сигарету каблуком ботинка и отбросил окурочек в ближайший колодец. Сев в машину, я углубился в свой мобильный.

– А сейчас кому собираешься звонить? – спросила Темплтон.

– Никому. Я рассчитываю, что мой лучший друг Гугл подскажет мне имя лучшего лондонского нейрохирурга.

Лучшим нейрохирургом в Лондоне оказался профессор Алан Блейк, который работал в Институте неврологии ведущего лондонского университета. Величественное здание из красного кирпича располагалось на площади Куин-Сквер в окружении других столь же внушительных сооружений и большого количества бетона. Секретарь Блейка сообщила нам, что он не просто занят, а чудовищно занят. Нам повезло, и у него было пятнадцать свободных минут перед обедом. То, как она произнесла слово «пятнадцать», не оставляло никаких сомнений в том, что, если мы займем больше времени, до следующего утра мы не доживем.

Темплтон пришлось включить мигалку, чтобы мы смогли прорваться сквозь пробки и приехать за пять минут до назначенного времени. По данным Википедии, четыре из двенадцати самых цитируемых неврологов мира работали в этом институте. Профессор Блейк был вторым в списке. Его с минимальным преимуществом опережал профессор Си Йеун из исследовательского университета имени Джона Хопкинса в Мэриленде.

Кабинет профессора Блейка на самом верхнем этаже был достаточно пыльным и старым. Он был полной противоположностью офису Грега Флайта. Здесь не было никакой «стены имени меня» с сертификатами и дипломами – отчасти потому, что известность и репутация профессора говорили сами за себя и ему не нужно было кричать на каждом углу о своих достижениях. Но основная причина была в том, что дипломы с грамотами просто некуда было вешать.

Каждый свободный сантиметр стен кабинета занимали книги. Книжные шкафы простирались от пола до потолка, вмещая в себя тысячи томов. Бумаги покрывали весь рабочий стол, и одна стопка папок лежала на самом его углу, грозя упасть в любую секунду. Профессор Блейк приветствовал нас у самых дверей кабинета. У него был большой живот, широкое, дружелюбное лицо, седые волосы и аккуратная борода. Изящные, аккуратные руки. Он убрал книги и бумаги с двух кресел и жестом пригласил нас сесть.

– Как я понял, вы пытаетесь найти маньяка, который делает жертвам лоботомию, – шотландский акцент Блейка сгладился после многих лет жизни в Англии.

– Да, это так, – кивнул я.
Блейк покачал головой.

- Ужас что творится. Я слежу за этой историей по новостям.
- Что вы могли бы рассказать мне о лоботомии?
- А что вы хотите знать?

Я посмотрел на часы.

- Прочитайте мне тринадцатиминутный экспресс-курс.
- Не обращайтесь на Гленду, она больше лает, чем кусает.

Блейк замолчал и какое-то время собирался с мыслями. Его лицо стало серьезным, и голос переключился в лекционный режим.

– Лоботомия предполагает перерезание нервных соединений, которые ведут к префронтальной коре и от нее. Это часть головного мозга, ответственная за принятие решений и склад характера. Важнейшая роль префронтальной коры состоит в том, что она, помимо прочего, позволяет нам осознавать противоречивость мыслей, различать хорошее и плохое, понимать, что лучше, а что есть идеал, что идентично, а что различно. Она помогает нам прогнозировать последствия наших действий, формировать ожидания. Также префронтальная кора отвечает за социальное поведение, то есть нашу способность подавлять инстинкты, которые в обществе являются неприемлемыми. Лоботомия, по сути, означает разрушение личности. Если угодно, воровство души.

Я вспомнил, как Сара Флайт стеклянным невидящим взглядом смотрела в окно. Слова профессора точно описывали то, что с ней произошло. У нее украли душу.

– По современным меркам лоботомия – это резня, а не хирургия, – продолжал Блейк. – Это примерно тот же уровень, что и использование пиявок. Нужно помнить, что эта технология появилась от безысходности. Перенеситесь к началу прошлого века и представьте себе психбольницы, под завязку заполненные пациентами, которых никто не знает, как лечить. И вот вдруг появляется этот чудесный метод, который, как кажется на первый взгляд, весьма эффективен. Конечно, его принимают с распростертыми объятиями. По разным оценкам, в США было проведено в общей сложности сорок тысяч операций, а здесь, в Англии, около семнадцати тысяч. Большинство из них пришлось на период с начала сороковых до середины пятидесятих годов.

– Так много, – заметил я.

– В этом вся опасность так называемых чудесных средств. Люди теряют способность мыслить здраво, а когда разум вновь начинает возобладать, уже нанесен огромный урон. Русские первыми отказались от этой практики в 1950 году. Они пришли к заключению, что лоботомия превращает психически ненормального человека в идиота, и они оказались

правы. Американцы гораздо позже пришли к тому же выводу. Даже в восьмидесятих годах в Штатах продолжали делать лоботомии.

– А какова процедура проведения лоботомии?

– У ваших жертв черепы были просверлены?

– Нет, – покачал головой я.

– Значит, в вашем случае речь идет о трансорбитальной лоботомии.

Разработал этот способ Уолтер Фримен в середине сороковых годов. Вначале он использовал острый стержень для колки льда и грейпфрут. От грейпфрутов он перешел к трупам, а потом уже к живым пациентам. Он поднимал верхнее веко и надавливал на тонкий хирургический инструмент под названием орбитокласт до тех пор, пока его острие не упиралось в кость глазной впадины. Затем, ударяя молоточком по орбитокласту, он пробивал кость и добирался до мозга, где, вращая инструментом на разной глубине из стороны в сторону, рассекал волокна лобных долей мозга. Затем орбитокласт вводился во второй глаз, и процедура повторялась.

– Насколько я понимаю, для такой операции требуется медицинское образование.

– Необязательно. Фримен, по разным оценкам, провел около трех с половиной тысяч таких процедур, и у него не было никакой предварительной хирургической практики. Он брал всего двадцать пять долларов за операцию, – Блейк покачал головой. – Двадцать пять долларов за то, чтобы разрушить человеческую жизнь. Сейчас невозможно себе это представить, это нереально, но это исторический факт. Как будто Средние века вернулись! Фримен относился к своему детищу подобно миссионеру: он ездил по Америке в фургоне, который называл лоботомобилем, и устраивал турне по психиатрическим заведениям, обучая персонал проводить лоботомию. Фримен, как никто другой, ответственен за распространение этой процедуры.

– А я смогу сделать лоботомию? – спросил я.

– Легко. Как я сказал, это резня, а не операция.

– Я не это имел в виду, – усмехнулся я. – Я бы хотел, чтобы вы научили меня ее делать.

Посередине патологоанатомической лаборатории на столе из нержавеющей стали лежал труп. Он бросился в глаза сразу же, как мы переступили порог. Нельзя было не заметить мертвое тело, оно кричало о себе. Даже сокрытое под зеленым покрывалом, оно приковывало к себе все внимание. Темплтон тоже смотрела на него, не в силах отвести взгляд. На ней был медицинский халат, брюки и резиновые перчатки – все то же самое, что и на мне. Но разница была в том, что она украшала собой этот комплект, она была похожа на главных героев телесериала про врачей, а я был явно лишний. Форма сидела на мне плохо, а перчатки были слишком сухие и очень жали.

Освещали лабораторию встроенные в подвесной потолок люминесцентные лампы, а для точечного освещения во время операций над столом нависали мобильные выдвижные. Везде преобладал белый цвет – стены, напольная плитка, потолок. Это был правильный цвет для такого места – стерильный, свежий, практичный. Длинная доска, подвешенная по всей длине одной из стен, была покрыта множеством записей, сделанных черным маркером. Мощная система кондиционирования работала в полную силу, чтобы сохранять воздух чистым и прохладным.

– Я очень благодарен вам за помощь, – сказал я.

– Не за что, – ответил Блейк. – Скорее, это я должен быть вам благодарен. Если бы не вы, сидеть бы мне сейчас на собрании по бюджету.

Профессор откинул зеленую накидку с лица трупа, и Темплтон порывисто вдохнула и сильно побледнела. Я сделал шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть труп. Я видел множество мертвых тел в разной степени разложения и расчленения, но ничего подобного я еще не видывал. Смотреть было противно, но зрелище было завораживающим.

Над трупом уже явно поработали студенты, и, судя по всему, не однажды. С правой стороны лица и шеи была удалена кожа и остались только мышцы и сухожилия. В отдельных местах виднелся череп. Волосы и брови были сбриты, а кожа, мышечные волокна и кости, благодаря консервантам, приобрели нездоровый грязно-оранжевый цвет. Левая сторона лица была сохранна. Форма носа и подбородка говорила о том, что когда-то труп был мужчиной. Он был больше похож на восковую фигуру, но только воск не издавал такого запаха.

– Ты в порядке? – спросил я Темплтон.

– Буду, буквально через секунду. Просто это не совсем то, чего я ожидала. Я думала, тело будет целым.

– Извините, – сказал Блейк. – Надо было вас предупредить.

Профессор наклонил операционную лампу, направил ее на лицо и отвел назад голову трупа.

– Фримен использовал электрошок, чтобы ввести пациента в бессознательное состояние. Пожилым пациентам хватало одного сеанса, а более молодым и сильным иногда требовалось до шести сеансов электрошока. Эффекта от него хватало всего на несколько минут, но ему больше и не требовалось.

Блейк взял 20-сантиметровый стальной инструмент, один конец которого был плоским, а второй – заостренным.

– К сожалению, у меня здесь нет орбитокласта, но нам и это подойдет.

Профессор поднял левое веко трупа и направил острый конец импровизированного орбитокласта в верхнюю часть глазницы. Затем он ударил по нему резиновым молоточком, раздался характерный треск – и тонкая кость на дне глазницы была пробита. Свои действия профессор сопровождал краткими комментариями. С учителем мне повезло – он был равнодушен и делился разной полезной информацией. Закончив, он повернулся и передал инструмент мне.

– Теперь ваша очередь, – сказал он.

Я взял его в руки. Сталь была еще теплая. Я посмотрел на труп, закрыл глаза и представил, что нахожусь в эпицентре крика и пыток.

Из-за криков мне приходится работать под землей – на цокольном этаже или в подвале. У комнаты кирпичные стены, а за ними – тонны земли. Это идеальная звукоизоляция. Единственная поверхность, через которую звук может проникнуть наружу – потолок. Возможно, в комнате двойной потолок и звукоизолирующие плиты, а может, я живу настолько далеко от других, что шум – не проблема. У женщины, которая привязана к столу, лицо Сары Флайт.

Сама процедура очень важна. То, что я делаю сейчас, я потом буду проигрывать у себя в голове множество раз. И я уже представлял себе все это тысячи раз.

Сначала я должен ее побрить – в последний раз.

Нужно растегнуть ремни на поясе, чтобы она могла сесть. Она не пытается сопротивляться и не жалуется. Она уже знает, что это бесполезно. Уроки с ножом не прошли бесследно – она прекрасно помнит ту боль. Я работаю медленно, получая удовольствие от каждой секунды.

Вот, наконец, ее голова идеально гладкая. Она спокойно лежит, пока я пристегиваю ее к столу, послушная, как труп. Ее дух сломлен.

Ну а теперь переходим к главному.

Я показываю ей орбитокласт и молоток. За то время, пока мы были вместе, она много раз видела эти предметы. Она точно знает, для чего я буду их использовать. Я очень подробно ей обо всем рассказал. Ее зрачки расширяются, когда она видит орбитокласт. Она протестует, но в этом протесте нет никакой силы. За последние месяцы ее сопротивление сломлено. Поэтому-то мы и оказались в этой точке. Когда они перестают бороться, с ними больше не интересно.

Я отодвигаю ее правое веко и просовываю орбитокласт над глазным яблоком, веду его внутрь до момента, когда он достигает кости. Ее тело слабо дергается, но ремни держат голову совершенно неподвижно. Она издает жалкие блеющие звуки. По сравнению с теми криками, которые я слышал, эти – ничто, но все равно это музыка для моих ушей. Ее левый глаз широко раскрыт от страха.

Я беру молоточек и бью по орбитокласту так, чтобы пройти сквозь кость. Я много готовился и знаю, с какой силой нужно ударить. Носовая перегородка помогает выстроить правильный угол. Я иду через лобные доли на глубину около пяти сантиметров. Все как с грейпфрутом. Я наклоняю орбитокласт под углом в сорок пять градусов, и его конец прорезает волокна. Еще один легкий удар молоточком, еще два сантиметра в глубь мозга. На этот раз я вожу орбитокластом из стороны в сторону, двадцать восемь градусов в каждую сторону. В завершение я направляю орбитокласт вверх, чтобы разорвать межполушарные связи.

В какой-то момент во время процедуры моя жертва впала в беспамятство. Я не ожидаю, что она очнется, этого не произойдет. Больше я от нее никакой желанной реакции не получу. Я чувствую разочарование. Все веселье позади, удовольствие подошло к концу.

Я отодвигаю левое веко и обрабатываю левую сторону мозга.

В дверях лаборатории мы пожали друг другу руки, и на прощание профессор сказал, что я могу звонить ему, если мне что-то понадобится. Я вышел в коридор вместе с Темплтон, и двери за нами закрылись. Уже через два шага воздух стал свежее, но трупный запах все еще преследовал нас. Мне казалось, он впитался в одежду, в ноздри.

– Нужно поговорить с Хэтчером, – сказал я. – Кто-то должен проверить музеи и частных коллекционеров на предмет пропажи

орбитокласта. Я надеюсь, наш маньяк не стал изобретать велосипед.

– А если стал? – спросила Темплтон.

– Значит, ему сделали орбитокласт на заказ, что очень сильно осложнит нам жизнь, и мы не сможем узнать, откуда он его достал.

– Может, он сам его сделал.

– Вряд ли. Он не человек рабочей специальности. У него нет нужных навыков, чтобы изготовить такого рода инструмент.

– Мы можем последовать той же логике и с аппаратом для электрошока, – предложила Темплтон. – Если он соблюдает технологию, то, может, у кого-то он пропал.

– Хорошая идея, но в данном случае это бесполезно по той причине, что Фримен использовал электрошок, чтобы нейтрализовать пациентов. А наш объект хочет, чтобы жертвы были в полном сознании. Он хочет, чтобы они четко ощущали, что происходит до самой последней минуты.

– О господи! – Темплтон замолчала на минуту. – Ладно, куда теперь?

– Куда-нибудь, где можно вкусно пообедать. Знаешь хорошее место?

– Ты еще можешь есть после этого?

– Есть я могу всегда.

Темплтон подъехала к кафе на тихой узкой улочке. Оно явно было не новым и переживало не лучшие свои дни. Оранжевая краска местами облупилась, над входной дверью черными потертыми витиеватыми буквами было выведено название «У Анжелики». По обеим сторонам располагались магазины, окна которых были забиты деревянными досками с граффити и несколькими слоями афиш с рекламой мероприятий из далекого прошлого. Я посмотрел на кафе, потом на Темплтон.

– Ты, наверное, шутишь, – сказал я.

Темплтон покачала головой.

– Я серьезна, как никогда.

– Мы в Лондоне, здесь тысячи хороших мест, есть даже лучшие в мире рестораны, а ты меня привела непонятно куда.

– Внешность обманчива. Поверь мне, кормят здесь отменно.

Мы зашли внутрь. Из-за стойки сразу вышел итальянец и обнял Темплтон так, будто она была его дочерью, которую он давно не видел.

– И как дела у моего любимого детектива? – спросил он.

– Хорошо, Федерико.

– Ты все еще ловишь злодеев, чтобы мы могли спокойно спать по ночам?

– Пытаюсь, да.

Федерико кивнул в мою сторону:

– Твой парень?

– Это не мой парень, это Джефферсон Уинтер. Он помогает нам расследовать одно дело.

Федерико протянул руку, и мы обменялись рукопожатием. По возрасту он явно приближался к семидесяти, но сила в руках еще была.

– Что вам принести?

Я заказал лазанью, а Темплтон взяла завтрак. Наш патологоанатомический опыт с каждой минутой уходил в прошлое, и к ней вернулся аппетит. Это было свойственно полицейским. Есть прямая зависимость между количеством опыта и скоростью, с которой ты можешь оправиться от ужаса. Чем больше ты уже повидал, тем быстрее стряхиваешь с себя вновь увиденное. Темплтон потребовалась большая часть пути в «Анжелику», чтобы восстановить равновесие, а я пришел в себя, как только мы вышли из лаборатории.

Стол у окна был не занят. Я люблю столики у окна, потому что можно наблюдать за тем, как крутится мир. Я расстегнул куртку, повесил ее на спинку стула, сел и устроился поудобнее. За окном нескончаемым потоком шли люди. Некоторые говорили по телефону, некоторые шли с деловым видом, направляясь в определенное место, все были погружены в собственные переживания, в свой мир. Мой взгляд привлекла симпатичная девушка в слишком коротком для сегодняшней погоды платье. У нее были красивые ноги, на них нельзя было не посмотреть.

Я смотрел в окно и перебирал в голове события прошедшего утра, прибавляя к личности маньяка новые детали, переоценивая и меняя уже сложенные черты. Федерико принес напитки и поставил их на стол. Я положил два кусочка сахара в мой кофе. Темплтон неотрывно смотрела на меня.

– Что? – спросил я.

– Ты где-то далеко сейчас. О чем ты думаешь?

– Думаю, почему ты сказала мне, что твой отец был полицейским.

– Ты не об этом думал.

– Может, и не об этом, но сейчас я думаю об этом. Почему ты посчитала нужным сказать неправду?

– Ты имеешь в виду, что я врунья?

– Придираешься к словам? – засмеялся я. – Ты не ответила на вопрос. Твой отец не был полицейским. И твой дед тоже не был.

– Да, ты прав, – призналась Темплтон. – Мой отец работает бухгалтером.

– Тогда как же все было?

– Глупо, – ее голос звучал тихо и неуверенно.

– Я люблю глупости.

– Ну, хорошо, расскажу. Обещай, что не будешь смеяться и что никому не расскажешь. Ни слова, Уинтер.

– Клянусь!

– Я никому еще об этом не рассказывала.

– Решайся, говорить или нет, только не тяни долго.

Темплтон глубоко вздохнула и решилась. Она говорила очень быстро, как будто боялась, что если не успеет все рассказать сейчас, то уже никогда не расскажет.

– Когда я была маленькой, мне не хотелось стать актрисой, или балериной, или еще кем-то, кем обычно хотят стать маленькие девочки. Я хотела работать в полиции. Или даже, если быть точной, я хотела стать детективом. Я была фанаткой Нэнси Дрю. Я прочитала все книги про нее.

Потом я стала смотреть сериалы про полицейских, даже самые низкосортные. Я смотрела все подряд, включая повторы, которые выходили в семидесятые и в восьмидесятые годы. Моим любимым был «Кегни и Лейси».

Темплтон сморщилась от смущения при этом признании. Эта сторона Темплтон мне нравилась ничуть не меньше, чем образ крутого полицейского, а может, даже и больше. Сейчас мне открывалась ее настоящая индивидуальность, словно она на секунду сняла маску. Я понял, почему она вела себя так, как вела. Правоохранительные органы – это все-таки мужской мир, а у нее были амбиции и мечты. Чтобы реализовать их, ей необходимо было понять правила игры и научиться играть хорошо. Конечно же, она не остановится на звании сержанта полиции. У нее были все данные, чтобы стать инспектором или даже главным инспектором уголовной полиции. Ей было под силу реализовать все свои мечты, пробить стеклянный потолок на пути наверх.

– Ну, не такой уж плохой сериал был «Кегни и Лейси», – сказал я.

– Да ужасный это был сериал. Ты наверняка смотреть его не мог.

– Ну да, это правда. Мне больше нравились фильмы типа «Эквалайзер».

– Про какого-нибудь мрачного одиночку, который спасает мир, вызволяя из ада по одному человеку. Да, понимаю. Хотя формально это не сериал про полицейских.

– Опять придираешься.

Темплтон засмеялась, и я тоже засмеялся вместе с ней.

– А почему мне все это так нравилось, я даже и не знаю. У меня не было братьев, с которыми мне хотелось соревноваться, да и родители уж точно не стимулировали мой интерес в эту сторону. Видимо, я верила, что, став полицейским, можно что-то изменить в мире. И когда я выросла, я пошла в лондонскую полицию.

– Ты все еще веришь, что можешь что-то изменить?

Она пила чай и думала над ответом на этот вопрос.

– Бывают дни, когда я верю, да. Иногда не верю. Но в целом, чаще я верю, чем нет. Наверное, если что-то изменится, я уйду из полиции.

И она улыбнулась своей ослепительной улыбкой. У нее были идеальные зубы – два белых, аккуратных, ровных ряда.

– Наверняка, балериной мне уже поздно становиться, но, может, еще не поздно податься в актрисы.

Федерико принес нам обед. К моему заказу в этом заведении не полагалось никаких дополнений: ни салата, ни хлеба – на моей тарелке

просто лежал кусок лазаньи. Судя по ее виду, чего-то стоящего ожидать от нее не приходилось, но Темплтон оказалась права, вкус у нее был отменный. Тарелка Темплтон – полная, с горкой – могла служить иллюстрацией передозировки холестерина: бекон, сосиски, яйца, фасоль и так далее. Я смотрел на эту тарелку и думал, как ей удастся держать такую форму.

Темплтон поддела вилкой фасоль.

– Ну а ты – почему ты делаешь то, что делаешь?

– Я стал полицейским, потому что мой отец был серийным убийцей.

– Я не об этом спрашивала.

Темплтон была права, и мы оба это знали. Она снова посмотрела на меня, но в ее взгляде уже не было ничего теплого и пушистого. Таким взглядом можно заставить невинного признаться в чем угодно. В этом взгляде проявлялась другая сторона Темплтон, ее внутренний полицейский. Хэтчер предупреждал меня, что он существует. Я начал на своей шкуре ощущать, как она добивается успеха на работе.

– Твой ответ объясняет, почему ты пришел в ФБР, – сказала она. – Но не объясняет, почему ты ушел оттуда и почему ты стал тем, кем ты стал.

Я замолчал, думая, как бы лучше ответить. Я мог бы привести ряд причин – одну главную и множество дополнительных. Они все были настоящими, но каждая по отдельности не послужит достаточным объяснением. Я отдал ФБР одиннадцать лет своей жизни, три последних года я был их лучшим экспертом-криминалистом. За работу над одним статусным похищением меня наградили медалью «За отвагу». Тогда девушка осталась жива, а похититель погиб.

На первый взгляд, моя карьера в ФБР была очень успешной, но на деле все было непросто. Я всегда с трудом вписывался в систему, всегда делал все по-своему. А ФБР – не лучшее место для таких людей, как я. Это огромная организация с тридцатью четыремя тысячами сотрудников и годовым бюджетом в восемь миллиардов долларов. Акцент там делается на командную работу, а чем выше я поднимался по карьерной лестнице, тем очевиднее становилось, что у меня не получалось быть частью их системы, да и ни в какую систему я бы не вписался. У меня появились высокопоставленные враги, стали зреть обиды. Потом начались политические игры, а я никогда их не любил. Каждый раз, когда к моим методам предъявляли претензии, я говорил, что делаю то, что приносит результат, но очень скоро мои аргументы перестали принимать.

Все это были побочные причины. Главной причиной были слова, произнесенные отцом перед смертной казнью в тюрьме Сан-Квентин

полтора года назад: «мы одинаковые».

У каждого важного решения есть последняя капля, какое-то событие, которое смещает чашу весов в ту или иную сторону. Для меня этой каплей стали его последние слова. Я уволился из ФБР сразу же по возвращении в Вирджинию: я просто собрал свои вещи со стола и ушел, ни разу не обернувшись. Я знал, что отец пытался провоцировать меня, но это уже было неважно. Его слова меня убили. Я не был хладнокровным убийцей, я не ходил в лес при свете мертвенно-холодной луны и не охотился за невинной жертвой с винтовкой последнего поколения и ночным оптическим прицелом.

Но просто знать было недостаточно. Я должен был доказать себе, что мы не одинаковые, и я не мог этого сделать в рамках ограничивающей меня системы ФБР. Поэтому я и выбрал тот путь, по которому иду сейчас, и поэтому я так изнуряю себя работой.

Мы не одинаковые. Но...

В кармане моих джинсов завибрировал телефон. Темплтон все еще пристально смотрела на меня в ожидании ответа. Ей придется подождать. Нажав кнопку разблокировки, я увидел, что Хэтчер прислал две фотографии. На маленьком экране телефона они были очень зернистые и недостаточно четкие, но мне было видно все, что нужно. У женщины на первой фотографии были темные волосы и карие глаза, она пропала двое суток назад. Это была не она. Я открыл вторую фотографию, и меня затрясло. Все сходилось – темные волосы, карие глаза, уверенный взгляд, с которым она смотрела в объектив камеры. Я положил телефон на стол и развернул его к Темплтон.

– Познакомься, это следующая жертва.

– Номер пять, сесть в кресло, – роботизированный голос Адама грохотал по всему подвалу. Он вселял в Рэйчел такой ужас и смятение, что она теряла способность ясно мыслить. Звук его голоса рикошетил по всей комнате, отскакивая от гладких плит, неся за собой странное, тревожное эхо. Рэйчел закрыла руками уши, отодвинулась в самый дальний угол матраса и сжалась в комок. Свет опять включился, и она крепко сжала веки, чтобы не ослепнуть от его яркости и не сталкиваться с реальностью. Она ни за что не сядет в это кресло, она этого не сделает.

– Номер пять, сесть в кресло, или будут последствия.

Рэйчел отодвинулась еще дальше и задрожала. По ее лицу текли горячие соленые слезы.

– Нет, – прошептала она. – Нет, нет, нет, нет, нет.

Дверь резко распахнулась, и Рэйчел как замороженная смотрела на нее. Адам вышел из залитого светом пространства и остановился перед матрасом. По левой ладони он легонько постукивал старомодной бамбуковой тростью, которую держал в правой. Рэйчел отодвинулась еще немного и постаралась стать настолько маленькой, насколько возможно. Вдруг он хлестнул ее тростью по спине, вложив в удар всю свою силу. Рэйчел не ожидала этой боли, все произошло слишком быстро. Ее визг был больше похож на животный, чем на человеческий. Она отодвинулась в самый угол.

– Номер пять, сесть в кресло.

Рэйчел не двигалась с места. Трость просвистела в воздухе и снова вонзилась ей в спину, и она снова завизжала.

– Номер пять, сесть в кресло.

Адам стучал тростью о пол. Этот однообразный стук сводил с ума. Рэйчел слышала только эти удары, все остальные звуки исчезли. Адам отошел в сторону, и стоматологическое кресло выступило на передний план, занимая, казалось, всю середину комнаты. Рэйчел посмотрела на трость, встала и пошла. Адам шел за ней, продолжая стучать тростью по полу. Под его взглядом она ощущала себя мухой в стеклянной банке. До кресла было всего пять метров, но они превратились в пять километров. Она остановилась перед креслом, не в силах отвести глаз от темных пятен на бежевых подлокотниках.

– Номер пять, сесть.

Рэйчел повернула голову и увидела трость. Было понятно, что Адам без малейшего колебания использует ее снова. Спина горела в тех местах, где он ударил ее. Она села и даже сквозь толстовку ощутила холод виниловой обивки, по коже бегали мурашки. Скольких женщин он привязывал к этому креслу? Что с ними случилось? Рэйчел заставляла себя сидеть, но это было непросто. Ей ужасно хотелось метнуться через всю комнату в призрачную безопасность матраса. Единственное, что останавливало ее, – мысль о том, что может сделать с ней Адам в этом случае.

Адам наклонился, чтобы застегнуть ремень на руке, и она содрогнулась. Запах его лосьона так понравился ей, когда они впервые встретились, а сейчас ее от него воротило. Адам потратил немало времени на то, чтобы привязать Рэйчел к креслу, кропотливо застегивая и расстегивая ремни до тех пор, пока результат его полностью не удовлетворил. Он закончил с последним ремнем на ноге, выпрямился и улыбнулся той обаятельной улыбкой, которую она начинала ненавидеть.

– Ну вот, – сказал он. – Не так уж и сложно это было, да ведь?

Я сидел, закинув ноги на стол, пил кофе и смотрел на экран с изображением Джейми Морриса. Он, как заводная игрушка, кругами ходил вокруг стола, прикрученному к полу комнаты для допросов. Я ощущал его напряжение, досаду и злость – эмоции связанного, загнанного в ловушку животного, испуганного и отчаянно пытающегося выбраться на свободу. Моррису было сорок, но он не желал признавать этот факт. Он был одним из тех, кто пойдет на все, лишь бы казаться моложе своего возраста. Буквально на все – на операцию, на сделку с дьяволом – на все, что угодно.

Рэйчел Моррис было тридцать. Десятилетняя разница в возрасте была одной из причин, по которой он на ней женился. Женщины, с которыми он ей изменял, наверняка были еще моложе. Как Джаггер, Пикассо и еще великое множество пребывающих в иллюзиях мужчин с самого начала времен, Джейми Моррис верил, что путь к вечной молодости лежит через секс. Он был невысок – метр семьдесят два, с карими глазами и черными, коротко стриженными волосами. Седины не было, потому что он ее закрашивал. На ногтях – маникюр. Одет в стиле casual – в дорогие дизайнерские джинсы и дорогую дизайнерскую толстовку. Наверняка за этот комплект он отдал больше половины стоимости приличного делового костюма. Пережитый стресс наложил некоторый отпечаток на его внешность. Когда я увидел его, то подумал, что это человек, привыкший держать все под контролем, но ковер, на котором он стоит, уже на самом деле выдернули у него из-под ног.

Наконец Моррис устал бегать вокруг стола и сел. Я понял, что нужный момент наступил и кивнул Хэтчеру. Пора было идти. На ходу я схватил чашку свежего кофе и разложил по карманам несколько маленьких порционных контейнеров с молоком и пакетиков сахара.

Хорошо знакомый мне запах ударил в ноздри, как только я вошел в комнату для допросов. Я знал его по тюрьмам, в которых мне многие часы приходилось допрашивать психопатов и серийных убийц. Это смесь многодневного пота, мыла и отчаяния. Вся комната была окутана этим запахом – его впитали и стены, и напольная плитка, и деревянный стол, и пластиковые стулья. Моррис вскочил на ноги, как только завидел нас.

– Мне вызвать адвоката? – он говорил очень быстро и суетливо. – Я с Рэйчел ничего не сделал, Богом клянусь. Я ее любил.

Любил вместо люблю. Я отметил про себя, что он употребил

прошедшее время, и временно забыл об этом.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Мы знаем, что вы не имеете отношения к исчезновению Рэйчел.

– Тогда почему меня сюда привезли?

– Нам нужно задать вам несколько вопросов, – сказал Хэтчер. – Мы пытаемся восстановить картину случившегося с вашей женой.

– Она умерла, да ведь?

– Давайте все присядем.

Моррис рухнул на стул. Он выглядел маленьким и сломленным под грузом своих страхов. Я сел напротив него за истыканный деревянный стол.

Некоторое время я наблюдал за поведением Морриса через монитор, но при личной встрече ощущения обычно меняются. Сейчас у меня складывался более четкий и определенный образ этого человека. Моррис нервничал, но это было естественно. Вечером жена не пришла ночевать, утром он первым делом сообщил в полицию об ее исчезновении, а час назад к нему домой приехали полицейские и привезли его сюда. Еще вчера утром он жил в другом мире. Я подвинул к нему кофе, сахар и молоко.

– Подумал, может, вы захотите кофе, – сказал я.

– Спасибо.

Моррис влил в чашку сразу две порции молока, но обошелся без сахара. Его правая рука немного дрожала, но и это тоже было естественно. На среднем пальце остался пепел от сигареты.

– Я инспектор Марк Хэтчер, а это Джефферсон Уинтер, – сказал Хэтчер. – Мы запишем наш разговор на диктофон, если вы не возражаете.

Моррис кивнул в знак согласия. На самом деле его согласие ни на что ни влияло, запись велась бы вне зависимости от его желания. Я понимал, зачем Хэтчер сделал эту оговорку. Он хотел дать Моррису возможность думать, что он хотя бы в какой-то степени контролирует ситуацию. Но, конечно, эта возможность была очень иллюзорной.

– Когда вы в последний раз видели свою жену? – спросил Хэтчер.

– Вчера утром. Мы вместе завтракали.

– В какое время это было?

– Около семи.

– Вы всегда вместе завтракаете?

– Чаще всего да. Рэйчел дольше ехать на работу, поэтому обычно она раньше меня выходит из дома.

– И вчера все было как обычно, да?

Моррис кивнул.

– Не заметили ли вы чего-нибудь странного в поведении вашей жены? – спросил Хэтчер. – Чего-нибудь необычного?

Моррис покачал головой:

– Она была такой, как всегда.

– А как бы вы описали ее – «такую, как всегда»? И, пожалуйста, будьте искренни, господин Моррис.

– Ну, скажем так, Рэйчел по утрам бывает не в лучшем расположении духа.

– Вы поссорились? – спросил я.

– Нет.

– Вы о чем-то говорили?

– Не особо. Она сказала мне, что после работы пойдет в бар с коллегами и вернется поздно. Вроде бы у кого-то был день рождения.

– Вроде бы? – спросил я.

– Я невнимательно слушал. Я тоже по утрам бываю не в духе.

– То есть вчера вы пошли на работу, пришли домой, спокойно провели вечер, легли спать, а когда проснулись, поняли, что жена домой не пришла.

Моррис помедлил, но пауза была так скоротечна, что ее почти не было заметно.

– Все верно, – сказал он.

– Как ее зовут? – спросил я.

– Кого?

– Вчера утром, когда Рэйчел сказала, что после работы пойдет в бар, вы наострили уши, не так ли? Слишком хорошая возможность предоставлялась, ее нельзя было упустить. Куда вы ходили – ужинать в ресторан или сразу в отель отправились?

– Я не понимаю, на что вы намекаете.

– Все вы понимаете. Вы эмоционально неполноценный человек, и брак ваш – фикция, но вы не дурак.

– Я люблю свою жену.

– Ну конечно, любите.

– Слушайте, – вмешался Хэтчер. – Нам совершенно неважно, чем вы занимались. Нам нужно освободить Рэйчел.

– Освободить, – шепотом повторил Моррис. Его рука задрожала сильнее прежнего. – Вы считаете, ее кто-то похитил?

– Мы точно знаем, что ее похитили, – сказал я. – И прежде чем вы продолжите, послушайте меня внимательно. Вашу жену похитил психопат. Он ловит кайф от мучений своих жертв и подвергает их многочасовым пыткам. Последнюю жертву он продержал три с половиной месяца, и в

течение этого срока он многократно резал ее ножом, колол швейными иглами и все в таком роде. Он очень изобретателен, когда речь идет о его хобби. А потом, когда девушка ему надоела, он сделал ей лоботомию. То есть взял острый инструмент, который называется орбитокласт, пробил им кость в основании глазницы и уничтожил ее мозг.

– Господи, – прошептал Моррис, побледнев.

– Вы сказали, что любите жену. Я не знаю, любили ли вы ее когда-нибудь, но даже если не любили, сейчас с вашей стороны правильным будет помочь нам вернуть ее. Вы должны сотрудничать с нами, то есть быть предельно честным.

Моррис откинулся на спинку стула, на его лице отразилась внутренняя борьба. Он и хотел поступить правильно, и вместе с тем не хотел.

– Хелен Спрингфилд, – тихо сказал он.

– На протяжении какого времени вы встречались с Хелен?

– Пару месяцев.

– А до нее были другие хелен, правильно? Целая вереница?

Моррис кивнул.

– Рэйчел знала о ваших похождениях?

– Вряд ли.

Я удивленно поднял брови и посмотрел на него. Обычно в таких случаях тайну сохранить не удается, особенно если измены случались многократно. Обманутые партнеры могут делать вид, что ничего не происходит, но они знают.

– Может, она что-то и подозревала, – неохотно согласился Моррис.

– Во сколько вы вернулись вчера домой?

– В двенадцатом часу. Рэйчел сказала, что придет к двенадцати, так что мне надо было обязательно вернуться до нее. Я пришел домой и сразу же лег спать, а когда утром проснулся, ее не было. Я сплю крепко, особенно если выпил накануне. Когда я понял, что она не ночевала дома, я обзвонил друзей, но никто ничего не знал. И тогда я позвонил в полицию.

– А Рэйчел вам изменяла? – спросил я.

– Рэйчел? Нет, никогда.

– Вы так в этом уверены?

– Моя жена никогда бы мне не изменила.

– Я готов дать поисковый портрет преступника, – объявил я Хэтчеру.

Мы вышли из комнаты для допросов в тихий, серый, безлюдный коридор. Он напоминал мне больничные коридоры – те же люминесцентные лампы и запах дезинфицирующих средств.

– В таком случае соберу народ.

– Не так быстро. Ты мне еще пятьдесят фунтов должен.

Хэтчер полез в задний карман и достал кошелек. Он отсчитал две двадцатки и одну десятку и с размаху вложил их в мою ладонь.

– Не хочешь попытать счастья и удвоить ставку? – предложил я.

– О чем речь?

– Попроси кого-нибудь из своих позвонить на работу Рэйчел Моррис. Ставлю, что девушки, у которой вчера был день рождения, в природе не существует.

Хэтчер подумал немного и покачал головой.

– Слишком большая ставка, пятьдесят фунтов я еще мог себе позволить, но сто – это слишком. Жена убьет, если узнает.

– Как знаешь, но пусть кто-нибудь позвонит в офис Рэйчел. Мне нужно подтверждение.

– Насколько ты уверен, что Рэйчел Моррис – следующая жертва?

– Готов отдать половину своего ланча.

– Серьезно, Уинтер.

– Рэйчел Моррис – следующая жертва. Если хочешь перестраховаться, пусть твои люди продолжают искать, но вы только будете тратить время и ресурсы, которые можно было бы использовать более эффективно. Например, искать Рэйчел Моррис.

– Но как ты можешь быть так уверен?

– Потому что Рэйчел Моррис не ходила ни на какой день рождения вчера, – я посмотрел на часы. – Дай мне десять минут. Мне нужно покурить, а потом я дам портрет преступника.

– Пойду скажу, чтобы позвонили в офис Рэйчел.

Мы с Хэтчером разошлись в разные стороны. Я спустился на лифте на первый этаж и вышел на улицу. Там я нашел тихий угол, где меня никто не должен был побеспокоить, и зажег сигарету.

Хуже всего в этом деле было то, что не было ни одного места преступления. В полиции не имели ни малейшего понятия, где были

похищены жертвы. Трупов тоже не было, а следовательно, и мест, где бы их нашли. Мне же необходимо ходить по тем местам, где ходил преступник, нужно видеть то, что он видел, вдыхать те же запахи, дышать тем же воздухом, что и он. Это помогает мне приблизиться к нему и дать более точное описание.

Я плотнее запахнул куртку, чтобы не замерзнуть, и стал думать о Рэйчел Моррис. Сейчас она наверняка одинока, как никогда, и переживает самые страшные мгновения в своей жизни. К тому, что с ней случилось, невозможно подготовиться. И сейчас она тоже никак не может подготовиться к тому, что ее ожидает. Я уже столько раз сталкивался с подобными случаями, что у меня сформировался иммунитет к этим ужасам. Иначе было никак. Без самозащиты, без самоизолирующей прослойки я не смог бы успешно работать. А Рэйчел Моррис – обычная женщина, которая жила обычной жизнью. В ней были взлеты и падения, но ничего такого, что хоть в какой-то степени напоминало бы происходящее сейчас.

Затем мне снова вспомнилась Сара Флайт. Я думал то о Рэйчел, то о Саре. Весь сегодняшний день мысли о Саре приходили мне в голову безо всякого повода. Подсознание явно пыталось что-то мне сообщить, но что именно? Я натянул капюшон, чтобы закрыться от мира, сделал затяжку и, закрыв глаза, вернулся на несколько часов назад. Я вновь смотрел на наши полупрозрачные отражения в окне, но не мог понять, в чем был их смысл.

И тут я понял. Я усмехнулся и покачал головой, не веря, что мог быть настолько недогадливым. Этот образ в моем сознании не имел отношения к Саре Флайт, он касался того, кого мы искали.

Я почувствовал запах Темплтон до того, как увидел ее. Аромат ее духов был тонким и чувственным. Я повернулся и увидел ее умопомрачительную улыбку; выглядела она великолепно.

– Хэтчер прислал меня сказать, что мы готовы, – сообщила она.

– Я ему сказал, что мне нужно десять минут. По моим подсчетам, у меня еще есть, по крайней мере, пять.

– Он также попросил сказать тебе, что ты был почти прав.

– Почти?

– Коллеги Рэйчел все-таки ходили отмечать вчера день рождения.

– Но Рэйчел с ними не было, – закончил я за нее. – Теперь все ясно. В любой лжи есть доля правды.

– Рэйчел осталась в офисе работать допоздна. Сказала, что ей обязательно нужно закончить несколько важных дел.

Мы вернулись в здание и поднялись на лифте на четвертый этаж, где

команда Хэтчера расположилась в просторной диспетчерской. Комната была завалена всем, что обычно сопровождает крупное расследование: везде были бумаги, полупустые чашки кофе, переполненные мусорные ведра, контейнеры из-под фастфуда и коробки из-под пиццы. Сейчас здесь было шумно, в воздухе витало ощущение какого-то единения; оно исходило от полицейских, работающих командой над общей задачей. И ничто так не подпитывает команду, как новый поворот в деле.

Когда я вошел, все обернулись – двенадцать настороженных человек с оценивающими взглядами. Большинство из них были рады, что я здесь, потому что они понимали, что я могу помочь. Некоторые мирились с моим присутствием, потому что таково было распоряжение сверху. Несколько человек не хотели, чтобы я заходил на их территорию, потому что боялись неблагоприятных последствий. Мое присутствие предполагало, что они не умеют хорошо работать.

Именно так и бывает каждый раз, когда я берусь за новое дело. Мне было совершенно все равно, что обо мне думают другие люди. Это один из очень немногочисленных плюсов того, что мой отец – серийный убийца. Если бы я позволял чужому мнению влиять на мое состояние, меня бы уже давно не было на этом свете, со мной бы случилось то же самое, что и с моей матерью. Она умерла три с половиной года назад – затравленная женщина, так и не успевшая вздохнуть с облегчением от новости о смерти человека, которого она звала мужем столько лет. Она спилась, медленно-медленно убивая себя. Я считал ее шестнадцатой жертвой отца.

Для меня войти в эту комнату было тем же самым, что и войти в первый раз в новую школу. Сколько же раз я это делал! Моя мама спасалась от произошедшего с нами бегством в буквальном смысле слова. Она сбежала, когда ФБР арестовало ее мужа, и так и продолжала бегать до самой смерти. С одиннадцати до семнадцати лет я успел пожить в пятнадцати городах в десяти разных штатах. Пятнадцать новых домов, пятнадцать новых школ. Каждая школа по-своему отличалась от других, но общим у них всегда было то, что новичок всегда начинал с самого низа. Задача была подняться с нулевой отметки до того, как начнутся серьезные нападки. Для этого существовало всего два варианта – бить первым и бить сильнее самого сильного противника, либо быть умным. Я выбирал второй способ.

На стене висела карта Лондона с четырьмя красными канцелярскими кнопками, отмечающими места, где были найдены жертвы. Три точки были внутри шоссе М25, к северу от Темзы. Единственной жертвой, которая была найдена за пределами этого кольца, была Патрисия Мэйнард. Пять

зеленых канцелярских кнопок были воткнуты там, где жертв видели в последний раз перед похищением.

Справа от карты двумя ровными рядами висели фотографии жертв. Верхний ряд – фотографии «до», в нижнем ряду были четыре фотографии жертв «после». Рэйчел Моррис стала последним дополнением к ряду жертв, и она была единственной без нижнего фото. Она позировала на фоне Эйфелевой башни – улыбающаяся и очевидно наслаждающаяся жизнью. В Париж она явно приехала отдохнуть, а не работать. Темные волосы убраны назад, карие глаза сияют от счастья. Тогда им было хорошо с Джейми, у нее еще получалось на многое закрывать глаза.

Хэтчер заставил всех замолчать, сделал краткое вступительное заявление и жестом пригласил меня выйти вперед. Я подошел к тому месту, где он только что стоял, и повернулся лицом к коллективу. Следователи расселись двумя ровными полукругами, пять человек в первом ряду, шесть – во втором. Кроме Темплтон, там была еще одна женщина. Среди мужчин выделялся один – полный и седой. Судя по его виду, ему еще лет десять назад стоило бы перейти на подножный корм. И был один совсем мальчишка, слишком юный для того, чтобы играть с взрослыми мальчиками. Я прочистил горло и сказал:

– В нашем случае речь пойдет о сообщниках. Преступников двое.

По комнате прокатилась сдержанная волна удивления. Очевидно, собравшимся полицейским и в голову не приходило, что в деле могли быть два сообщника. Да и меня самого эта догадка посетила буквально несколько минут назад. Я хотел дать им возможность выпустить пар, но Хэтчер не был столь терпеливым. Прикрикнув, он велел всем замолчать, и диспетчерская затихла.

– Преступные дуэты редки, но они – известный исторический факт, – сказал я. – Что далеко ходить, здесь, у вас, в Англии, сформировались две известные преступные пары – Иэн Брейди и Майра Хиндли и Фред и Роуз Уэст. Парная работа преступников так нечасто встречается, потому что, к счастью, мы живем в обществе, в котором психопатия – это все-таки исключение, а не норма. И поэтому шансы на то, что встреча двух ненормальных все же произойдет, ничтожно малы. В принципе это, конечно же, хорошие новости для нас как для общества, но плохие новости сейчас для вас как полицейских. Один в поле не воин. Вместе мы – сила. Одна голова хорошо, а две лучше. Выбирайте пословицу, которая больше нравится. Но эту силу, которая есть сейчас у преступников, можно превратить в слабость. Например, можно попробовать вбить клин между сообщниками. Если удастся пошатнуть их отношения, они начнут слабеть, они начнут совершать ошибки.

– А почему вы так уверены, что работают именно сообщники?

Автором вопроса был седой старикан, и последнее слово он произнес с издевкой. Скорее всего, он принадлежал к той части собравшихся, которым казалось, что я зашел на чужую территорию.

– Какой прекрасный вопрос. Может, я чисто случайно это предположил, вдруг попаду в точку?! А может, и не так. Может, я просто знаю свое дело, – и я направил на него красноречивый взгляд. – Я уверенно заявляю, что работают два человека, потому что в преступлениях прослеживаются два разных почерка.

Половина сыщиков закивала головой, но пожилой коп и остальные сохраняли нейтралитет.

– Вы ведь все знаете понятие *modus operandi*^[2]?

Все кивнули.

– Отлично. В нашем случае *modus operandi* – это то, каким образом совершаются преступления, какие методы задействуются, как проявляется

узнаваемый почерк преступника, характерный только для него. Сейчас прослеживаются два разных стиля: один человек делает хирургические операции, а второй играет в куклы.

– Играет в куклы? – переспросила Темплтон.

– У тебя были куклы в детстве?

– Да, но я никогда с ними не играла.

Это многое объясняло.

– Одному из нашей пары нравится наряжать жертв, – продолжил я. – Ей нравится накладывать макияж, ну и так далее. Мы можем сделать такое заключение, потому что на жертвах оставались следы косметики. И головы жертвам бреют затем, чтобы легче было играть с париками. Это главная цель.

– А еще зачем? – спросил Хэтчер.

– Чтобы обезличить. Нацисты в концлагерях брили узникам головы по той же причине. Все обнаруженные жертвы были одеты в одинаковые серые спортивные штаны и кофты, никак не брендированные, так? В этих спортивных костюмах они и находились большую часть времени. Это тоже составляет часть процесса деперсонализации. Помимо этого, тот человек из пары, который играет в куклы, хочет, чтобы все наряды сохранялись в хорошем состоянии.

Я дал присутствующим несколько мгновений, чтобы осмыслить услышанное.

– Когда работает пара, один человек в ней доминирует, он лидер, а второй – подчиненный. В нашем случае доминирует тот, кто проводит операции. Он белый, хорошо образован, в возрасте от тридцати до сорока. Слишком уж непросто организовать такое преступление в молодые годы. У него пятерка по самоорганизации. Все, что он делает, тщательно продумано и выверено до мельчайших подробностей. Его жизнью управляют его собственные фантазии, и теперь, когда он начал их реализовывать, единственное, что заставит его остановиться, – его арест или убийство. Да, и – он богат. Скорее всего, получил наследство.

Я указал на карту.

– Учитывая, что все точки расположены к северу от Темзы, можно предположить, что он живет где-то в этом районе. Чтобы осуществлять то, что он делает, ему нужно жить в закрытом и уединенном месте. Жертвы издают очень много шума, поэтому ему нужен отдельный дом на достаточном расстоянии от соседей, чтобы они ничего не слышали. В этом районе недвижимость очень дорогая, в особенности если речь идет о большом доме, где было бы много места для его игр.

– Игр! – воскликнул седой полицейский. – Да как вы можете называть то, что он делает, играми?

– Поверьте мне, наш преступник сейчас веселится на полную катушку, – ответил ему я. – Вы же видели отчет токсикологической экспертизы? В крови первых трех жертв – следы экстази, амфетаминов и снотворного. И у Патрисии Мэйнард найдут то же самое. Он дает жертвам экстази и амфетамины, желая, чтобы они испытали максимально сильную боль. Экстази повышает чувствительность. Амфетамины не дают им потерять сознание. А успокоительное нужно, чтобы после завершения пыток – его основного веселья – жертвы были максимально пассивны и послушны. Выбор препаратов объясняется тем, что все их легко достать. И то, что они наверняка приобретались нелегально, означает, что через аптеки мы на преступника не выйдем.

– Может, он пытается послать нас по ложному следу, – сказала Темплтон. – Как он пытался нас обмануть, разбив камеру в Сент-Олбансе. Может, он хочет, чтобы мы думали, что он живет к северу от реки, а на самом деле живет на юге?

– Это исключено, – сказал я. – Высокоорганизованные преступники, как наш, всегда стараются усовершенствовать свой *modus operandi*. Использовать обманки он начал совсем недавно. Раз он начал это делать, можно предположить одно из двух: либо какие-то ваши действия дали эффект, и он чувствует, что вы у него на хвосте, либо же у него усилилась паранойя. Неважно, что именно работает, важно, что это хороший признак. Если добавить к этому то, что похищения стали случаться все чаще, то легко сделать вывод, что он уже катится по наклонной плоскости. Чем скорее он будет это делать, тем легче будет его поймать.

– Стог сена получается достаточно большим, – сказала Темплтон, глядя на карту за моей спиной.

– Да. Я сделаю все возможное, чтобы его уменьшить.

– А он может быть практикующим хирургом? – спросил Хэтчер.

Я покачал головой.

– Хорошая идея, но нет. Ему совершенно не интересно лечить людей. Операции, которые проводит он, позволяют ему сохранять жертв в живых и продлевать их мучения. Если подумать, его действия очень прагматичны. Преступник мог начать учиться в медицинском, но в лучшем случае он протянул там два семестра. Там должен был произойти какой-нибудь инцидент, в результате которого его отчислили. Вам нужно связаться со всеми медицинскими институтами и получить списки всех, кого отчислили, особенно вследствие каких-либо драматических событий. Наш кандидат вряд ли

ушел незамеченным. Это могут быть события двадцатилетней давности, но я уверен, что это было настолько громкое событие, что о нем вспомнят.

Я замолчал и посмотрел в лицо каждому, чтобы убедиться, что все меня слушают.

– А сейчас о его напарнике, а точнее – напарнице. Это белая женщина. На пару лет моложе, ниже, без высшего образования. Она уступает своему сообщнику во всех отношениях – и физически, и личностно, и интеллектуально. Наш «хирург» не потерпел бы рядом никого, кто хоть в чем-то его превосходит. И еще: она не уверена в себе. Они, возможно, любовники, может быть, даже муж и жена, как Уэсты, но пока не стоит исключать и другой тип отношений. Например, они могут быть братом с сестрой.

– Вы сказали, что второй человек – женщина, – сказал седовласый детектив. – Вы в этом уверены?

– Да, уверен, потому что жертвы до сих пор живы. Если бы работали двое мужчин, они замучили бы своих жертв до смерти. А женщина привязывается к своим куклам, заботится о них, кормит, следит за здоровьем. Она не переживет, если они будут убиты, и доминирующий партнер это понимает. И лоботомия здесь становится компромиссом: жертвы живы, но все равно что мертвы. И, что важно, они никогда не смогут узнать своего мучителя. Это идеальное решение проблем – еще один пример прагматизма доминирующего члена пары.

– Вы как будто восхищаетесь им.

– Вы не поверите, насколько вы далеки от истины, – посмотрел я в глаза своему оппоненту. – Даже не думайте, что я восхищаюсь этими ублюдками. Это совершенно не так.

Старикан, казалось, сейчас меня прибьет на месте, и то, что рядом было еще с десяток человек свидетелей, его не волновало. Я смотрел ему в глаза до тех пор, пока он сам их не отвел. Было все, как в школе.

– Хорошо, едем дальше, – сказал я. – Доминирующий партнер – импотент, и это его очень злит и раздражает. Это одна из причин, почему пытки такие жестокие. У всех жертв есть раны, нанесенные швейной иглой или шпилькой. Они символизируют сексуальное проникновение. С ножевыми ранениями та же логика.

– Вы сказали, что есть и другие причины жестокости пыток? – спросила женщина из второго ряда.

– Да, еще ему нравится слышать крики жертв.

Она побледнела.

– И еще вот что, – заметил я. – Сейчас вы, может, и не согласитесь, но

вообще мы сейчас расследуем и убийство.

– А убийство здесь как появилось? – спросил Хэтчер. – Пока было четыре жертвы, и они все вернулись.

Хэтчер почти что сказал «живы», но в последнюю секунду остановил себя. Я чувствовал, что это слово почти сорвалось у него с языка.

– Ему нужно было на ком-то потренироваться. Четыре жертвы, которые у нас есть, были успешно лоботомированы. Но к такому результату без практики не придешь, и я уверен, что первый блин был комом. Поищите среди нераскрытых преступлений или случаев загадочной смерти, произошедших до первого похищения. Найдите совпадающее описание с моим описанием жертвы, и, думаю, у вас будет имя. Вопросы?

Ответом была тишина, мертвая тишина, повисшая в диспетчерской на несколько секунд. Ее прервал звонок телефона. Затем зазвонил второй телефон, за ним – третий. Через десять секунд все телефоны в диспетчерской разрывались. Первые мгновения полицейские просто смотрели на них, как заколдованные, не понимая, что происходит. Хэтчер первым отошел от гипноза. Он схватил ближайший телефон, стал слушать, задал несколько вопросов, затем сказал звонившему, что кто-нибудь с ним свяжется, и повесил трубку.

– Вы не поверите, – сказал он. – Отец Рэйчел Моррис только что объявил вознаграждение в миллион фунтов за информацию, которая поможет освободить его дочь. По всем каналам об этом говорят – там фотографии, пресс-конференция, все по полной программе.

По комнате разнесся коллективный стон.

– Просто класс, – пробормотал я.

Рэйчел услышала за спиной дребезжание тележки и попыталась обернуться. Кожанные ремни впивались в руки и ноги так, что кровообращение было затруднено и конечности онемели. Она видела стены слева и справа от себя, но стену с дверью она видеть не могла.

– Номер пять, смотреть перед собой, – сказал Адам.

Рэйчел мигом вернула голову в требуемое положение и уставилась в матрас. Она заставляла себя дышать медленнее, уговаривала себя расслабиться, хоть это и было невозможно. Сердце бешено колотилось, и каждый удар отдавал в спину, в свежие раны от трости. От химического запаха обеззараживающих препаратов у нее закружилась голова.

Адам никуда не торопился. Медленно подкатив скрипящую тележку к креслу, он поставил ее так, чтобы Рэйчел могла хорошо рассмотреть содержимое. Тележка была такая же, как в больницах, – металлическая, с тремя полками, на колесах. Она была доверху заполнена необычным набором инструментов. Большинство предметов она узнала, но были и такие, которых она не видела никогда. Молоток, ножовка, лоток для инструментов, защитные очки, швейные иглы с почерневшими от накаливания концами. На нижней полке – чистая одежда и полотенце. Рэйчел попыталась сглотнуть, но во рту пересохло. Спина у нее горела от боли, но, глядя на тележку, она поняла, что худшее еще впереди.

От одного взгляда на содержимое тележки в воображении возникали картины одна страшнее другой. Она была слишком молода, чтобы умирать. Это несправедливо. Она так много еще не сделала в жизни. Она хотела детей, хотела сказку про «они жили долго и счастливо», хотела побывать в Мексике, в Новом Орлеане, увидеть пирамиды. Ей хотелось дожить до конца жизни и ни о чем не жалеть. А сейчас она только и делала, что жалела. И список того, что ей хотелось бы изменить, был бесконечным.

– Номер пять, сидеть смирно.

Адам взял с тележки стальные парикмахерские ножницы и захватил столько волос, сколько поместилось в ладони. Рэйчел инстинктивно дернулась, пытаясь отклониться, но Адам рывком вернул голову в прежнее положение, почти что выдернув клочок волос.

– Номер пять, сидеть смирно, иначе будут последствия.

Острые ножниц находилось в считанных миллиметрах от ее левого глаза. Оно было настолько близко, что Рэйчел не могла сфокусировать на

нем взгляд и видела лишь серое блестящее пятно. Она закрыла глаза и стала ждать удара, который лишит ее зрения. Секунды тянулись одна за другой. Она услышала, как лезвия ножниц разошлись и соединились. Открыв глаза, Рэйчел увидела, как на пол упала большая прядь ее волос. Адам снова схватил копну волос и отрезал ее. Рэйчел уже не увидела, как она упала на пол, из-за застилавших глаза слез.

Адам кромсал ее волосы до тех пор, пока на голове не остался короткий неровный ежик. Ножницы Адам бросил на тележку, и лязг металла нарушил стоящую в помещении напряженную тишину. Затем он взял бутылку с водой и вылил ей на голову. Рэйчел попыталась отклониться, но ремни надежно ее сковывали. Она закашлялась, подумав, что захлебывается. Адам вытряхнул последние капли воды из бутылки и положил ее назад на тележку. Толстовка Рэйчел промокла насквозь, ее знобило от холода. Адам взял гель для бритья, выдавил немного себе на руку и стал наносить его на голову Рэйчел.

– Номер пять, сидеть смирно.

Побрив голову Рэйчел, Адам отошел полюбоваться своей работой. Он наклонял голову то в одну, то в другую сторону, чтобы со всех ракурсов оценить результат. Рэйчел ошарашенно сидела и старалась не двигаться и даже не дышать. Адам расстегнул ремни и приказал ей встать и раздеться. Рэйчел сразу же подчинилась. Она даже не пыталась укрыть свою наготу. Она просто стояла, вытянув руки по бокам, и дрожала всем телом. Она смотрела в пол, чтобы не смотреть на него. Адам подал ей полотенце, велел вытереться, затем дал чистую одежду и приказал одеться. Он вышел вместе с тележкой и дверь захлопнулась. Лампы выключились.

Темнота.

Рэйчел подошла к матрасу и упала на него. Она свернулась в клубок в углу, накрылась одеялом и обняла колени. По щекам текли слезы. Бритая голова была холодной и какой-то невесомой.

Лишиться волос было ужасно, но сейчас это волновало ее меньше всего. У нее и раньше были подозрения, но, пока Адам не состриг волосы, подозрения оставались подозрениями. Она не решалась думать о них всерьез, потому что это было слишком страшно. Но теперь не думать было невозможно. Она вспомнила вчерашний разговор с коллегами на работе, и слезы потекли еще сильнее. Вчера утром на работе они обсуждали женщину, которую нашли блуждающей в парке в Сент-Олбансе. Она была похищена и провела в плену почти четыре месяца. Уже одно это было страшно, но Рэйчел испугало еще больше то, что ей сбрили волосы и лоботомировали. По сведениям полиции, она была четвертой жертвой. А

Адам звал ее «номер пять».

Сильный, хорошо поставленный голос Адама звучал у нее в ушах, и эти два слова означали целый ряд ужасающих перспектив.

Дональд Коул был выходцем из Ист-Энда, рабочего района Лондона. Там он родился, вырос и стал олицетворением поговорки «из грязи в князи». В четырнадцать лет он бросил школу. Не имея ни стартового капитала, ни специальности, он с нуля построил процветающий бизнес, сдавая в аренду недвижимость, и при этом умудрился не попасть в тюрьму. Он достиг большого успеха и хотел, чтобы об этом знали все. Рэйчел Моррис была его единственной дочерью.

Головной офис «Коул-Недвижимость» находился в Стрэтфорде, районе Лондона, получившем популярность после прихода в город шоу под названием «Олимпийские игры». Офис находился в старом трехэтажном здании из красного кирпича, с тонированными на южной стороне окнами. Раньше здесь была фабрика. Над главным входом в здание огромными заглавными буквами красовалась фамилия «КОУЛ». Слово «Недвижимость», которое тоже было частью логотипа, по сравнению с фамилией занимало ничтожную площадь и было больше похоже на сноску, а не на название фирмы. Перед входом были припаркованы фургоны ведущих новостных телекомпаний с направленными в небо спутниковыми тарелками. Съёмочные группы и репортеры «Би-би-си», «1TV», «Скай-Ньюз» толпились у входа, ожидая, когда что-нибудь произойдет.

Темплтон подъехала настолько близко к входу, насколько это было возможно, и оставила «БМВ» прямо на желтой двойной сплошной. Мы вышли, громко хлопнув дверями, и быстро зашагали по слякоти. Небо было ярко-голубым, температура чуть ниже нуля. Пока мы бежали мимо, репортеры наперебой выкрикивали вопросы, а операторы заторопились направить на нас камеры. Опустив головы и не говоря ни слова, мы вошли в здание через двойные двери. Радиатор тут же окатил нас волной горячего воздуха.

Пока я пытался стряхнуть снег с ботинок и расстегивал куртку, Темплтон подошла к администратору и сказала, что нам нужно встретиться с мистером Коулом. Та неуверенно пробормотала что-то об ошибке, потому что мистер Коул отменил все встречи до конца сегодняшнего дня. Тогда Темплтон показала ей свое удостоверение. Один звонок – и мы уже едем в лифте на третий этаж. Личная помощница Коула встретила нас у дверей. Ей было за сорок, и она явно была очень компетентна. Должно быть, в молодости она была очень красива, потому что и в свои годы оставалась

привлекательной. Она провела нас по светлому коридору, декорированному черно-белыми фотографиями с претензией на эстетическую ценность, и остановилась у широких двойных дверей. Дважды постучав, она открыла одну из дверей и отступила, чтобы мы смогли войти.

Кабинет Коула был такого же размера, как целая диспетчерская в Скотланд-Ярде. Но, в отличие от нее, здесь не было беспорядка и следователями здесь и не пахло, зато пахло апельсинами и сигарами.

Для неформальных разговоров в кабинете были предусмотрены кофейный столик со стеклянной столешницей и два белых дивана в форме буквы Г. Для важных дел предназначался большой дубовый стол с огромным и высоким кожаным креслом. Деревянный пол почти по всему периметру был покрыт большими дорожными коврами. На стенах висели черно-белые фотографии в рамках из той же серии, что и в коридоре.

На столе были аккуратно расставлены семейные фотографии в серебряных рамках. На них можно было увидеть представителей трех поколений семьи Коул. Странно, что, помимо самого Коула, никого из семьи рядом с ним сейчас не было. В этой ситуации я ожидал бы увидеть рядом жену, но, раз ее не было, можно было предположить, что она очень тяжело переживает происходящее.

Дональд Коул стоял перед панорамным затемненным окном и невидящим взглядом смотрел на городской пейзаж. Он напомнил мне Сару Флайт и ее стеклянный взгляд в никуда. Коул стоял спиной к нам, между пальцев у него была сигара. Это был крупный мужчина высокого роста с грубыми чертами лица, на котором возраст оставил свой след. Нос и щеки были испещрены красными прожилками, характерными для алкоголиков. Нос ему не ломали ни разу, что означало, что либо он привык бить первым, а вопросы задавать уже потом, либо он кому-то платил, чтобы били за него. Когда-то он был реально крутым парнем с горой мускулов. Сейчас, спустя годы, эта гора покрылась слоем жира. Он носил толстый золотой браслет, кольцо с золотым совереном и крупные золотые часы – чтобы ни у кого не возникало сомнений в его богатстве и успешности. Его костюм и ботинки из дорогой кожи были сделаны по индивидуальному заказу.

– Вы нашли ублюдка, который похитил мою дочь? – он не говорил, а рычал низким, грубым голосом. При этом он по-прежнему смотрел в окно.

– Ублюдков, – поправил его я. – Похитителей двое.

Громила Коул повернулся и пристально взглянул мне в глаза. Очевидно, это был его коронный номер. Это движение было призвано повергать в страх, и я не сомневался, что в прошлом он многократно и с успехом его использовал. У него были очень подходящие для такого хода

внешность и манера. Но на меня это все не производило сильного впечатления. Мне приходилось выдерживать взгляды гораздо более опасных людей, чем Дональд Коул. Те люди способны были разрезать вас на кусочки к завтраку, съесть ваше сердце и печенку на обед и при этом заливисто смеяться.

– Я не шучу. Эти мерзавцы похитили мою дочь, но, когда я до них доберусь, я им головы посворачиваю.

– Не посворачиваете, – сказала Темплтон. – Все будет несколько иначе. Мы их поймаем, их осудят, и они отправятся в тюрьму на очень долгий срок.

– Можно подумать, в тюрьме они будут в безопасности!

– На мне жучок. Вы уверены, что хотите продолжать эту тему?

Коул решил опять задавить меня взглядом. В этот раз я зевнул в ответ, и он побагровел.

– Что это за янки? Какого черта он делает у меня в офисе?

– Мистер Коул, – обратилась к нему Темплтон. – Нам нужно, чтобы вы отозвали свое вознаграждение.

– Не вижу ни одной причины это сделать.

– Сейчас покажу вам четыре.

Я подошел к столу, вынул из кармана четыре фотографии жертв, сделанных после возвращения, и швырнул их поочередно на стол, как игральные карты. Любопытство взяло верх, Коул подошел, посмотрел сначала на фотографии, а потом на меня.

– Кто это?

– Смотрите внимательно, – сказал я. – То же самое случится и с вашей дочерью, если вы не отзовете вознаграждение.

Коул смотрел на фотографии, а я – на него. На его лице не отражалось почти никаких эмоций, но я видел, что внутри начали появляться сомнения.

– У каждой из этих женщин были родители, которые их любили, которые все готовы были сделать, только бы вернуть детей живыми и здоровыми. К сожалению, для этих четырех женщин это стало невозможным.

– Я просто хочу вернуть дочь.

– Я знаю, но поверьте, миллион фунтов вам в этом не помогут.

Я замолчал и перевел взгляд на фотографии, разложенные на столе, дожидаясь момента, когда Коул сделает то же самое.

– В эту минуту из-за ваших действий все телефоны Скотланд-Ярда разрываются от звонков. Все, кто когда-либо в жизни видел хоть кого-нибудь, отдаленно напоминающего вашу дочь, сейчас звонят в полицию,

потому что не хотят упустить свой шанс выиграть в лотерею. Ведь все они думают, что у них есть реальный шанс сорвать миллионный куш!

Коул смотрел на фотографии, не говоря ни слова. Он держался за край стола, сжав губы и прищурившись. По моим предположениям, сейчас он смотрел на фото и видел на каждом лице Рэйчел.

– Кроме этих фриков, есть сумасшедшие, которые носят шапочки из фольги и общаются с инопланетянами. Они уверены, что исчезновение Рэйчел – результат правительственного заговора. И проблема в том, мистер Коул, что каждый из этих звонков нужно будет проверить. Вы себе представляете, сколько человеко-часов будет выброшено на свалку из-за этого? А эти человеко-часы можно использовать гораздо эффективнее. Например, искать вашу дочь. Ирония судьбы состоит в том, что среди сотен тысяч звонков будет одна настоящая наводка, которая всплыла бы и так, без вашего вознаграждения. Теперь, в худшем случае, она просто потеряется, а в лучшем – будет погребена под тонной бесполезного мусора, и к тому моменту, когда мы поймем ее важность, помогать Рэйчел будет уже поздно! – я пожал плечами. – Ну конечно, может, нам повезет, и мы сразу же эту наводку отследим. Я, хоть и люблю делать ставки, считаю, что этот шанс слишком уж ничтожен, чтобы на него рассчитывать, – я постукивал пальцами по столу, чтобы внимание Коула не уходило далеко от фотографий. – И если вы не сделаете то, о чем мы просим, мне придется добавить фотографию Рэйчел к этой коллекции.

Коул еще немного посмотрел на фотографии, и по его непроницаемому лицу проскользнула эмоция. Он взял фото Патрисии Мэйнард и стал внимательно его рассматривать.

– Хорошо, я отзову вознаграждение, – Коул кинул на меня взгляд, в котором читался вызов и одновременно предупреждение. – Но лучше бы вам вернуть мне мою девочку.

Помощница Коула проводила нас к лифту и ждала вместе с нами, пока он не приехал. Мы вошли внутрь, двери закрылись, и Темлптон нажала на кнопку первого этажа.

– Тебя ведь заводит вся эта альфа-самцовая тема? – спросила она. – Любишь сцепиться с кем-нибудь и ломать копыя?

– Вообще-то – нет.

– Не думаю, что стоило так жестко общаться с Коулом. Если будешь продолжать в том же духе, как бы тебе лошадиную голову не обнаружить у себя в постели одним прекрасным утром.

Я не успел ответить, потому что зазвонил мой мобильный. На экране высветилось имя Хэтчера. Я ответил и поздоровался.

– Ты не согласишь, – сказах Хэтчер. – Несмотря на то, что отмочил Коул, у нас появилась неплохая зацепка.

Бар «Охотник» смотрелся обшарпанным, но, с другой стороны, при дневном свете так выглядело абсолютное большинство баров, даже в таком престижном районе, как Кенсингтон. Трещины в стенах гораздо поэтичнее смотрятся при ночном свете луны, уличных ламп и грамотном освещении. Деревянный фасад был выкрашен в фиолетовый цвет, а вывеска – в серебряный. Яркие цвета, богемный стиль.

Почти весь фасад занимали четыре больших окна, через которые отлично просматривалось происходящее внутри. В три часа дня в зале было десять любителей алкогольных напитков. Большинство из них были одеты по-деловому, но я не заметил, чтобы хоть кто-то занимался делом. Зал был со вкусом, без дешевой пестроты, украшен к Рождеству.

– Предлагаю маленькое пари, – сказал я, обращаясь к Темплтон.

Мы припарковались на желтой разметке около бара. Печка работала на полную мощность, а из динамиков звучала «Лейла» Клэптона в неукороченной версии: слайд-гитары, пианино и голос Клэптона, завывающий под «Фендер Стратокастер».

– Давай, я слушаю, – откликнулась она.

– Спорим, у Коула есть «бентли».

– Ты меня, Уинтер, за кого принимаешь – за умственно отсталую? Ты же видел его машину у офиса.

– Я машину не видел, но тогда давай усложним. Пробей его, наверняка он водит «мазератти». У него «бентли континентал». А «мазератти» – модели «гран-туризмо».

– Ладно, принято. Десять фунтов. Но ты должен угадать и марку, и модель обеих машин.

– Я угадал.

Темплтон протянула руку, и мы скрепили пари рукопожатием. Ее прикосновение электризовало и действовало на мои синапсы гораздо эффективнее, чем искусственные стимуляторы. Мы вышли из машины и зашли в бар.

Эндрю Хитчин ждал нас за барной стойкой. Он попросил называть себя Энди и предложил нам напитки за счет заведения. Я заказал виски, а Темплтон – кофе. Сам он пил «Будвайзер» прямо из бутылки. Энди был из Австралии – серфер со спутанными черными волосами и голубым камнем на кожаном шнурке на шее. Степень его загара позволяла предположить,

что он прибыл в Лондон не так уж и давно. Зрачки были расширены, а от одежды исходил сладкий запах табачного дыма. Говорил он, осторожно выбирая выражения, стараясь скрыть факт обкуренности. Темплтон положила на барную стойку фотографию Рэйчел Моррис, сделанную у Эйфелевой башни. Фото кто-то увеличил до такой степени, что оно потеряло четкость.

– Да, это она, – сказал Энди. – Я абсолютно уверен. На сто десять процентов. Она вон там сидела, – и он показал на низкий столик с диванчиком в укромном углу зала.

– Она часто сюда заходила?

– Я ее раньше не видел. Но, правда, я здесь работаю всего несколько недель. Я показывал запись с камеры видеонаблюдения еще паре человек, они здесь работают дольше, но они тоже ее не узнали.

– Нам нужно будет увидеть эти записи, – сказала Темплтон.

– Да, я так и подумал. Уже спросил у администратора, он сказал, что без проблем.

– Сюда столько людей приходит, как вы запомнили Рэйчел? – спросил я.

– Вчера не много людей было из-за плохой погоды и снега. А женщины почти никогда не приходят без спутника или без компании. Если они и приходят одни, то только если пришли раньше назначенного времени встречи. Мужчины могут пить в одиночку, женщины – нет.

– Сколько времени она здесь провела?

– Точно не скажу. Достаточно долго, чтобы успеть выпить два бокала вина.

– Красного или белого? – спросил я.

– Красного, – Энди задумался на несколько мгновений. – Подождите, я только что кое-что вспомнил. Возможно, это неважно, но она сначала заказала безалкогольный напиток, а потом перешла на вино.

– Отлично, – сказал я. – Если вспомните что-то еще, обязательно говорите. Никогда не знаешь, какая деталь может оказаться важной.

Энди улыбнулся так, будто ему только что выдали золотую медаль и поставили в пример всему классу. И он щедро отхлебнул пива.

– Ну, хорошо. Народу вчера было немного, значит, у вас было много свободного времени. Что вы обычно делаете, чтобы его убить?

– Заполняю посудомоечную машину или вытаскиваю из нее посуду. Слежу за чистотой в баре, в общем.

– Рассматриваете женщин?

Я улыбнулся, и Энди сразу же улыбнулся в ответ.

– Есть такое дело, да.

– Рэйчел показалась вам привлекательной, да? По крайней мере, в достаточной степени, чтобы вы запомнили, какие напитки она пила.

Энди опять усмехнулся:

– Да, в точку.

– Закройте глаза.

Энди подозрительно на меня посмотрел.

– Лучше сделайте, что он говорит, – сказала Темплтон. – И не волнуйтесь, если он попробует украсть у вас бумажник, я буду на страже.

Бармен недоуменно пожал плечами, но закрыл глаза.

– Хорошо. Представьте, что сейчас – вчерашний вечер. Вы ищете, чем бы заняться. На улице холодно, вам скучно. Каждый раз, когда открывается входная дверь, вы чувствуете холодный воздух с улицы и оборачиваетесь. Открывается дверь, и входит Рэйчел. Вы запоминаете ее, потому что она одна. Что вы в этот момент делаете?

– Я обслуживаю клиента, почти заканчиваю.

– Что происходит за барной стойкой?

– Лиза сдает свою смену.

– Во сколько она уходит?

– В восемь. Ей нужно к ребенку.

– Рэйчел подходит к барной стойке. Кто ее обслуживает – вы или Лиза?

– Лиза.

– И, поскольку народу мало и она одна, вы замечаете, что она заказывает безалкогольный напиток.

Энди кивнул.

– Что происходит дальше?

– Она уходит за столик, – Энди кивает в сторону столика в глубине зала.

– Чем она занимается, сидя за столиком?

– Она ждет.

– Чего?

Он пожал плечами.

– Наверное, того, с кем у нее была назначена встреча. Ее телефон лежал прямо на столе, и она постоянно его проверяла. И каждый раз, когда открывалась входная дверь, она смотрела, кто вошел.

– Вы стояли за барной стойкой, когда она подошла заказать бокал вина?

– Да, – кивнул Энди.

– Она что-то говорила?

– Не особо. Чувствовалось, что она не была расположена общаться. Некоторые люди расположены говорить, некоторые – нет. Я уже давно работаю барменом и легко определяю, когда нужно разговаривать, а когда нет.

– Обручального кольца у нее ведь не было?

Энди покачал головой.

– Нет, кольца не было.

– Тот, кого она ждала, пришел?

Энди покачал головой.

– Во сколько она ушла?

– В десятом часу, но я не помню, во сколько именно. Может, в четверть десятого, а может быть, и позже.

– Вы можете открыть глаза.

Энди надолго присосался к горлышку бутылки.

– Я сказал вам что-нибудь полезное?

Я кивнул:

– Да, вы очень помогли, спасибо.

– Не за что.

Темплтон дала ему визитку с рельефным логотипом лондонской полиции с ее личным номером телефона и попросила звонить, если вдруг он вспомнит что-то еще. Пожав руку Энди, мы с Темплтон подошли к столику, за которым вчера вечером сидела Рэйчел Моррис. Я сел на одном конце дивана, Темплтон – на другом. Нам было хорошо видно входную дверь, барную стойку и всех посетителей бара. Место было отличное для того, чтобы смотреть и оставаться при этом незамеченным.

– Что ж, мы теперь знаем, что Рэйчел Моррис пришла сюда к восьми, ушла в десятом часу и пила красное вино. И как же нам поможет эта информация? – спросила Темплтон.

– Поможет. Я уже могу достаточно подробно описать, как происходят похищения.

– Ты это выяснил на основании того, что она предпочитает красное вино белому?

– Нет, на основании того, что на ней не было обручального кольца.

Темплтон хотела спросить что-то еще и уже открыла рот, но я поднял руку и знаком попросил ее замолчать. Ни слова не говоря, я закрыл глаза.

Я вхожу в бар, стряхиваю с себя снег и задерживаюсь на секунду, чтобы оглядеть помещение и посетителей. Беглым взглядом обвожу всех присутствующих, ни на ком не задерживаясь. Мне хватает доли секунды, чтобы понять, он это или не он. Он дал мне описание, но под него никто не подходит. А не подходит никто потому, что описание ложное. А ложное описание он дал мне потому, что наблюдает сейчас за мной.

Я еще раз оглядываю посетителей. Нет, так не пойдет. Бар слишком многолюдный, это слишком рискованно. Маньяк очень осторожен. Он не захочет, чтобы его видели рядом с жертвой, не захочет засветиться. В баре ловить нечего.

Я подхожу к барной стойке и заказываю что-то безалкогольное. Колу, или лимонад, или газировку с лимоном. Оплачиваю и подхожу к этому столу. Он стоит отдельно, значит, меня никто не побеспокоит и не попытается заговорить со мной. Отсюда прекрасно видно вход, а значит, я точно не пропущу, когда придет тот, кого я жду.

Мы договорились встретиться в восемь (никто же никогда не договаривается встретиться без пяти или в семь минут девятого), но я пришла раньше, потому что это первое свидание и я перестраховалась. Я очень быстро шла от метро, почти бежала. Я последнее время очень суетлива.

Я говорю себе, что нужно успокоиться, но это бесполезно. Каждый раз, когда открывается входная дверь, я сразу смотрю на нее, и сердце начинает бешено колотиться. Сейчас я даже не думаю о том, что он может не прийти. Сейчас самое начало девятого, так что можно считать, что он еще даже не опоздал. Еще нет. Я смотрю на телефон, нет ли пропущенных звонков или сообщений. Я знаю, что их нет, но все равно проверяю. Должно же быть какое-то объяснение, почему его до сих пор нет. Может, его задержали на работе. Может, какие-то проблемы с транспортом из-за снежной погоды. Я кладу телефон на стол и пытаюсь не смотреть на него.

Время идет. Я допиваю лимонад, смотрю на дверь, жду. Каждый раз, когда открывается дверь и входит не он, я чувствую себя полной дурой и злюсь. Чем дальше, тем больше мне кажется, что меня подставили. Я иду к барной стойке и заказываю бокал вина.

За столиком я пью вино, смотрю на телефон и продолжаю ждать.

Сколько я уже жду? По словам Энди, около полутора часов. Да, где-то так. Если он до сих пор здесь не появился и не позвонил, очевидно, что он уже и не придет. Я допиваю вино, в последний раз проверяю телефон, надеваю пальто и иду к двери.

Я открыл глаза и залпом выпил свой виски. Алкоголь обжег горло и согрел. Темплтон смотрела на меня.

– Обручальное кольцо, – напомнила она мне.

Я оставил ее фразу без внимания.

– Посмотри на посетителей и скажи, кого ты видишь.

– Толпу офисных сотрудников, и что?

– Теперь еще раз посмотри и скажи, кого ты не видишь.

– Алкоголиков, бомжей, нищих, работяг.

– Если быть точным, то, как минимум, один алкоголик в этом зале есть, и еще, вероятно, есть один наркоман, но в целом, да, ты попала в точку.

Мы встали и направились к выходу. Выйдя за дверь, мы тут же оказались на северном полюсе. Резкий ветер как будто сдирал кожу с лица, и я запахнул куртку и поднял воротник повыше. Над входом висела скрытая камера. Она была направлена на лица входящих в заведение. Владельцу были совершенно не интересны выходящие люди, потому что, как только они вышли, он уже не нес за них никакой ответственности. Я подумал, что нужно не забыть взять записи со всех камер.

Я остановился на тротуаре, посмотрел по сторонам. Были сумерки, на улице темнело, лампы уже горели. Улица была не самая оживленная, но и темным переулком ее тоже было не назвать. Движение было довольно оживленное, туда-сюда сновали такси, быстро шли люди, которые явно хотели поскорее попасть в теплое помещение.

– Посмотри на магазины, – сказал я. – На рестораны, на машины, на людей. Что видишь?

– Деньги.

– Здесь – его охотничья зона. Ему здесь спокойно и комфортно, как дома. Здесь он свой.

– Что подтверждает твою теорию о том, что он богат.

– Хищники тщательно отслеживают добычу. Они выбирают местечко в зарослях и ждут. Что здесь похоже на заросли?

Я огляделся и увидел маленькое кафе на противоположной стороне улицы. Оно было не строго напротив бара, но все равно его стоило проверить. Я перешел дорогу, подрезав «мерседес», которому пришлось

резко вильнуть в сторону, чтобы не сбить меня. На улице у кафе были выставлены два столика для курящих. В окне красовалась вывеска с приветливым названием «Малинка». Радиатор обдал нас горячим воздухом, как только мы открыли входную дверь. Это было кафе среднего размера, достаточно большое, чтобы остаться незамеченным. А больше нашему герою ничего и не нужно.

Около окна было два столика, и с любого из них отлично просматривался бар «Охотник» и все, что происходило за его четырьмя большими окнами. Помещение бара освещалось, как полая тыква с квадратными прорезями, внутрь которой поставили фонарик. Мне были видны лица посетителей, их мимика, рождественские украшения и разноцветные лампы. Я видел, как бармен Энди застегнул куртку и пошел к двери. Диван, на котором сидела Рэйчел Моррис, был скрыт в тени, но я мог разобрать его очертания.

– Вот мы и нашли заросли. Дальше я вижу два варианта. Либо сам главный сидел здесь, наблюдая за Рэйчел и поджидая ее, либо это была его сообщница.

Я подумал над этим вопросом пару секунд и покачал головой.

– Нет, напарницы здесь быть не могло, здесь сидел главный. Помнишь, что сказал Энди – одинокую женщину заметили бы.

– Ну, а тогда какова роль напарницы во всем этом? – спросила Темплтон.

– Возможно, она была за рулем машины, в которой они скрылись.

– Машины, не микроавтобуса? Разве он не больше подходит для того, чтобы спрятать человека?

– Если бы похищение состоялось днем, я бы согласился. Днем белый микроавтобус, который обычно используют службы доставки, не вызвал бы подозрений. Но вечером в этом районе его бы заметили.

– Но разве это не рискованно – сидеть здесь, пока Рэйчел не устанет ждать в баре и не выйдет?

– Это менее рискованно, чем толкаться на улице. Его бы точно кто-нибудь заметил.

– А зачем вообще ждать? Ожидание только увеличивает риск оказаться замеченным, а значит – пойманным. Джек-головорез знал, что Рэйчел придет в бар, тогда почему бы не схватить ее еще до того, как она войдет в бар?

– Джек-головорез! Ты что, придумала для него кличку? Ненавижу клички. Они легализуют объект, превращают его из засранца в легенду.

– Вернемся к моему вопросу, Уинтер. Зачем ему ждать?

– Потому что он хочет застать ее врасплох. Он хочет нейтрализовать все ее защитные механизмы. Вопрос: что люди делают в барах? Не думай слишком долго. Скажи первое, что приходит в голову. Самое очевидное.

– Пьют, – Темплтон посмотрела на меня так, как будто я задал ей самый тупой вопрос, а она дала мне самый тупой ответ.

– Именно, пьют. Алкоголь – самый эффективный способ справиться с социальными запретами. Если хочешь пробить чью-то защиту, напои его! К тому же потребление алкоголя не карается законом, и его можно купить абсолютно везде.

Я кивал, самодовольно поддакивая самому себе, губы сами собой расплывались в широкой улыбке.

– Этот парень реально умен. Хочешь знать, почему вы до сих пор его не поймали?

– Просвети меня.

– Потому что всю тяжелую работу он оставляет для своих жертв.

В темноте Рэйчел ходила по подвалу, пытаясь шагами измерить комнату и составить ментальную карту своей тюремной камеры. Она решила, что матрас находится на севере, а дверь – на юге. Если каждый ее шаг был около метра в длину, то от матраса до кресла было десять метров, и еще десять – от кресла до двери. С востока на запад ширина комнаты была двадцать метров. Каждая из стен была тоже двадцать метров. Стоматологическое кресло стояло ровно посередине комнаты.

Сделанные расчеты сходились с ранее сделанными измерениями. И с предыдущими. Она уже сбилась со счета, сколько раз она обходила комнату. Ей нужно было какое-то занятие, чтобы спастись от тоски и от мыслей, от тех картин, которые рисовало воображение. Спастись хотя бы на какое-то время.

Рэйчел подошла к двери и нажала ладонями на собачью створку. Пластик был холодный и гладкий. В нижней части створки она нащупала буквы, из которых состояло название производителя и логотип. Она надавила на створку – легко и осторожно. Она была заперта. Ровно так же было и в предыдущие разы, когда она пробовала это сделать.

Даже если бы створка была открыта, Рэйчел не знала, как бы себя повела. Конечно, можно было бы пролезть в створку и попробовать убежать, но одна мысль о том, что сделает Адам, если поймает ее, приводила в ужас. В любом случае серьезным препятствием запертая створка не являлась. Она была пластиковая, запор тоже был пластиковый. Если бы она захотела, то смогла бы выбить эту створку и выбраться на свободу. И Адам это знал.

Рэйчел вернулась на матрас, нащупала одеяла и завернулась в них, как в кокон. Она пыталась представить себе, где ее держат. Дом был большой и старый, и это явно был не таунхаус. Ей казалось, что над ней было много больших комнат. Ее вынужденная слепота компенсировалась обостренным слухом, темнота словно усиливала каждый звук. Где-то неподалеку был мощный водонагреватель, который издавал глухой шум каждый раз, когда включался. Свист и грохот труб вблизи и вдали лишь подкрепляли ее ощущение, что она находится внутри большого здания. Время от времени то тут, то там скрипели половые доски. Они также звучали то вдалеке, то совсем рядом.

Шум и громкие звуки проблем не создавали и никому не мешали. Это

было очевидно, поскольку Адам не боялся использовать на полную мощность колонки, через которые отдавал команды. Ему также, по всей видимости, не доставляло никаких неудобств то, как громко она кричала, когда он хлестал ее тростью. Кровавые пятна на подлокотниках кресла – чьи бы они ни были, этот человек тоже не молча истекал кровью. Если бы кто-то жил рядом или мог проходить мимо дома по улице, они бы уже давно вызвали полицию, услышав крики, и Адам был бы в тюрьме. Тот факт, что пластиковую створку можно было легко выбить, говорил о том, что Адам не боялся такого развития событий и Рэйчел далеко бы не ушла. Он был уверен в том, что она никуда не денется из этого дома и рядом нет никого, кто смог бы ей помочь.

Все говорило о том, что она находилась в большом, отдельно стоящем доме и что рядом не было соседей или прохожих.

Рэйчел провела рукой по гладковыбритой голове и попыталась сказать себе, что это просто волосы и что они отрастут. Но это ее не успокаивало. Это были ее волосы, а Адам их украл.

Она очень хотела, чтобы пришел отец. Не потому, что убивать чудовищ была его обязанность, а потому, что он мог бы сломать Адаму ноги. В детстве Рэйчел несколько раз подслушивала телефонные разговоры, которые велись шепотом. Ее братья передавали друг другу слухи и догадки, и, когда она сложила их вместе, стало понятно, кем был ее отец. Рэйчел смогла смириться с тем, что он сделал много лет назад, и, хоть она и не была согласна с тем, как именно он строил свой бизнес, у нее не было никаких сомнений в том, что он любит ее и сделал бы для нее все, включая переламывание костей.

Темнота сбивала ее с толку. Она пыталась понять, сколько времени прошло с начала ее заточения, но ей не на что было опереться в предположениях: в комнате не было заколоченных окон и через щели в досках не пробивалось солнце. Потолок над ней тоже не пропускал никакого света. Коридор за собачьей створкой был таким же темным, как и само подвальное помещение.

Рэйчел не имела никакого понятия, сколько времени она здесь провела. Ей казалось, что, как минимум, один день, но возможности убедиться в этом не было никакой. Она помнила только, как села в «порше» Адама, а затем – провал в памяти до момента ее пробуждения в этой комнате. Может, она пробыла без сознания несколько часов, а может, и дольше. А может, и меньше. Она просто не знала.

Сколько времени должно было пройти, прежде чем ее официально признают пропавшей без вести и начнут поиски? В ее голове маячила

цифра сорок восемь часов, но точно она не знала. Ей казалось, что про сорок восемь часов она слышала по телевизору.

Заявил ли Джейми в полицию? Рэйчел очень хотелось верить, что да. Она не видела причин, которые помешали бы ему это сделать. Если он пришел домой раньше и лег спать, то мог не заметить, что она не вернулась вечером. Он так крепко спит, что ни бомбы, ни землетрясение ни разбудили бы его, но ее отсутствие утром он бы заметил. Потом он обзвонил бы ее подруг, чтобы выяснить, где она, и, ничего не узнав, должен был позвонить в полицию.

Это самая очевидная схема действий в такой ситуации, по-другому поступить было трудно. Но Рэйчел все же сомневалась. Речь шла о Джейми, а Джейми не всегда делал то, что казалось очевидным.

Она опять вспомнила тот разговор с коллегами на работе и пожалела, что без должного внимания отнеслась тогда к обсуждению. В ее памяти остались некоторые подробности, но ничего важного: она помнила про пытки, лоботомию, что-то связанное со швейными иглами. В то время эти подробности показались утрированно жестокими – такие обычно любит публиковать желтая пресса. И у всех остальных была такая же реакция – отвращение, омерзение и недоверие. Никто не мог себе представить, как один человек может сделать такое над другим человеком.

Кто-то из девушек даже вслух произнес что-то вроде «каково это вообще», но только очень абстрактно. Они не задумывались над тем, каково это на самом деле – оказаться в распоряжении психопата, которому в удовольствие над тобой поиздеваться. А когда ты ему надоешь, он просто размешает твой мозг и превратит в овощ. Да и зачем им об этом задумываться? С ними такого случиться ведь не могло: шансов выиграть в лотерею гораздо больше, чем попасть в лапы такого маньяка. А вот с Рэйчел это случилось.

Собачья створка хлопнула, и Рэйчел мигом повернулась в сторону двери. На нее накатила волна адреналина, и частота пульса удвоилась в одно мгновение. Во рту пересохло, ладони взмокли, и единственным желанием было бежать, хотя бежать было некуда.

Зажегся свет, и Рэйчел автоматически зажмурила глаза. Накатила вторая волна паники, и она начала задыхаться. Она заставила себя сделать два глубоких вдоха и успокоиться – впадать в панику каждый раз, когда зажигается свет, было слишком. Она медленно открыла глаза, привыкая к яркому свету. Ярость охватила ее с той же силой и так же внезапно, как и адреналин. Она была в ярости на себя саму за то, что позволила Адаму играть с собой, и за то, что была настолько глупа, что вообще оказалась в

этой ситуации.

Рэйчел почувствовала запах еды еще до того, как увидела поднос. О еде она думала в последнюю очередь, но запах все изменил. Желудок заурчал, а рот вдруг наполнился слюной. Последнее, что она съела в день похищения, – батончик «Марс» и сэндвич с беконом. С тех пор могло пройти уже двадцать четыре часа или даже больше. Рэйчел с волнением посмотрела на колонки в углах, переводя взор с одной на другую. Она ждала, что металлический голос Адама скажет ей, что делать. Впервые ей захотелось услышать этот голос.

Рэйчел стала грызть собственный ноготь и, не заметив, съела его буквально до мяса. В последний раз она этим занималась в детстве. Из колонок не доносилось ни звука. Это была новая игра? Или проверка? Если она двинется к подносу до соответствующей команды, не заберут ли его? Рэйчел решила подождать две минуты и начала про себя отсчитывать секунды. Если команды из колонок не последует, она рискнет и подойдет к подносу. Если поднос заберут, это будет означать, что Адам не планировал кормить ее и что это просто еще одно его развлечение.

Две минуты прошли. Рэйчел подождала еще немного, на всякий случай. В последний раз посмотрев на колонки, она неуверенно встала и пошла к двери, стараясь держаться подальше от стоматологического кресла. Когда она подошла, поднос все еще был у двери.

На нем стоял высокий стакан с водой, тарелка равиоли, столовые приборы и салфетка. Она рассмотрела каждый предмет внимательнее. Тарелка была из тончайшего костяного фарфора. Стакан был стеклянный. На задней стороне вилки была выбита проба – она была из чистого серебра. Белая льняная салфетка была аккуратно сложена, края тщательно выглажены. Правда, равиоли были из полуфабриката.

Рэйчел повернулась и посмотрела на кресло с ремнями и кровавыми потеками, затем опять перевела взгляд на поднос. Она не понимала, на каком она свете. Два мира столкнулись, и она застряла между ними. Она чувствовала себя Алисой, падающей в кроличью нору.

Она нерешительно попробовала равиоли, все еще ожидая подвоха в лице Адама, который войдет и отнимет у нее поднос. Но есть продолжала. Она устроилась поудобнее, насколько это было возможно, прислонившись спиной к стене и положив поднос себе на колени. Она заставила себя съесть все, несмотря на то, что успела насытиться. Было непонятно, когда ее покормят в следующий раз.

Она поставила тарелку обратно на поднос и вытерла рот салфеткой. После всего, что с ней случилось, она не могла отделаться от мысли, что

это все было каким-то обманом, что должно случиться что-то ужасное. Какое-то время она просто сидела спиной к стене на холодном полу.

Секунды шли одна за другой. Ничего не происходило.

Рэйчел аккуратно сложила посуду на поднос и поставила его перед дверью. Затем она встала и пошла к матрасу. По пути ее остановил голос. Он не гроыхал из колонок, и он не принадлежал Адаму. Этот голос был тихим и робким и был, скорее, женским.

– Тебе понравился ужин?

В «Малинке» было шумно и многолюдно: с разных сторон доносились обрывки разговоров, бренчание и звон посуды, бульканье и шипение кофемашины. В помещении стоял сильный запах кофе. Рамки висящих на стене картин были завешены мишурой, а в дальнем углу стояла блестящая ель в окружении коробок с подарками. Я глянул в окно и посмотрел через дорогу на бар «Охотник». Его четыре окна светились тихим теплым светом. Сидящие внутри люди напомнили мне муравьев, попавших в ловушку муравьиной фермы.

Девушка за барной стойкой наконец заметила нас, но ее никак не беспокоил тот факт, что мы ничего не заказали. Мы с ней на секунду встретились глазами, и она повернулась к другим посетителям. Это заставило меня задуматься. Как только кто-то оплачивал заказ, он становился частью этого фонового шума, его обслуживали, потом о нем забывали и переходили к следующему посетителю. Я был уверен, что маньяк вчера был здесь. Может, он даже сидел за этим же самым столом. Он мог заказать эспрессо или латте и старался не привлекать к себе внимания. Можно вернуться во вчерашний вечер и представить, что вместо Темплтон за столом сидит он.

Я поймал взгляд официантки и жестом подозвал ее. Она вышла из-за стойки и подошла к нам.

– Здравствуйте!

Ей было чуть за двадцать, у нее были черные окрашенные волосы, незаметный пирсинг в носу, мешковатые, скрывающие фигуру джинсы на бедрах. Вместо туфель – грубые ботинки, явно ношенные и удобные. По моим предположениям, она была студенткой и подрабатывала в этом кафе на жизнь. Родители у нее явно не богачи.

– Я понимаю, шансов мало, но совершенно случайно вчера не ваша смена была? – спросил я.

Девушка покачала головой.

– Не знаете чья?

– Я на неполной ставке, днем работаю всего два дня в неделю, – она посмотрела на Темплтон, потом снова на меня. – А вы из полиции, да?

Темплтон показала удостоверение:

– Мне нужен телефон вашего руководителя.

– А мне – кофе с собой, – сказал я. – Черный, два сахара, пожалуйста.

Она удивленно подняла брови и улыбнулась каждому из нас.

– Без проблем, – и она удалилась за стойку и занялась делом.

– Обручальные кольца, Уинтер! – и Темплтон посмотрела на меня так, что я сразу понял, что ресурс ее терпения был на исходе и вечер грозил перестать быть томным.

– Да, да, обручальные кольца... У такого рода преступлений можно выделить четыре отдельные фазы: отслеживание, похищение, собственно исполнение и ликвидация, устранение. Самая рискованная из них – похищение. Почему?

– Потому что на остальных стадиях легче контролировать ситуацию, меньше рисков.

– Именно. Поэтому многие серийные убийцы работают с категориями граждан, похищение которых не столь рискованно, – с проститутками, наркоманами, бездомными. Их образ жизни таков, что зачастую у них нет постоянного круга общения, а значит, риск быть пойманным снижается. Проститутка легко может сесть в машину к незнакомому мужчине. Она, конечно, дважды подумает, прежде чем сесть в конкретную машину, но у нее нет выхода, потому что в противном случае ее изобьет сутенер. Деловая женщина с высшим образованием не сядет в машину к незнакомому мужчине. Это факт. Какой вывод напрашивается?

– Что наши жертвы знали Джека-головореза.

– Но жертвы ни разу до этого его не видели, – заметил я. – Как они его узнавали?

– Понимаю, на что ты намекаешь, Уинтер. Мы уже проверили виртуальную реальность и ничего не нашли.

– Значит, надо искать лучше. Еще необходимо проверить, не было ли у жертв второго телефона, о котором не знали мужья. Наш объект выстраивает отношения с жертвами, и на это уходит время – не день, не два, а месяцы. К моменту, когда он готов к похищению, они уже обработаны так, что врут мужьям и друзьям, снимают обручальные кольца и прячут их в сумках. И садятся в машину к тому, кого только что увидели в первый раз.

– А зачем снимать кольцо? Наверняка Джек-головорез уже знает, что они замужем.

– Они хотят сделать так, чтобы ему было комфортно с ними, и хотят избавиться от собственного чувства вины. Им не хочется, чтобы он воспринимал их как замужних женщин. Да они и сами не хотят думать о себе так. Они хотят быть молодыми и свободными. Если верить в это, то и справляться с виной гораздо легче. Ты заметила, что у Сары Флайт не было

кольца на пальце?

Темплтон покачала головой.

– А мне сразу стало интересно, кто его снял – то ли мать, то ли кто-то из медперсонала в больнице. На самом деле Сара Флайт сама сняла его и положила в сумку или косметичку. А маньяк нашел его, когда перебирал ее вещи, и оставил себе как трофей.

Официантка принесла мне кофе, а Темплтон передала визитку с логотипом «Малинки». На обороте ручкой был написан мобильный телефон менеджера.

– Ладно, куда сейчас? – спросила Темплтон.

– Ты любишь ролевые игры?

Взгляд Темплтон был красноречивее любых слов.

Я подошел к большим окнам «Охотника» и внимательно осмотрелся, пытаюсь прочувствовать место. Вчера маньяк сидел через дорогу, в «Малинке». На что он смотрел? Что он слышал? Что он делал? От моей сигареты медленно поднимались струйки дыма, растворяясь в свете барных ламп. Кофейный стаканчик обжигал руку, несмотря на картонную манжету. Мои дыхание и пульс участились, и я попал в другое измерение. Осязание, зрение и слух вдруг обострились.

– Представь, что ты Рэйчел Моррис, – сказал я Темплтон. – Тебя только что кинули, и ты очень зла. Погода ужасная, холодно, снег идет. Ты выходишь из бара, и что делаешь прежде всего?

– Я иду домой. У меня был ужасный вечер, и я хочу поскорее оказаться в собственной постели.

– Нет, не так быстро, – замотал я головой. – Да, ты хочешь как можно скорее добраться домой, но, несмотря на мороз, ты все же на несколько мгновений задержишься на ступеньках и в последний раз окинешь взглядом улицу: а вдруг он все же появится? Ведь ты чувствуешь себя полной дурой, потому что попала в эту ситуацию. А если он сейчас появится, то ты уже не будешь дурой. Так устроен человек, это элементарная психология.

Темплтон подошла к двери бара и разыграла подчеркнуто тщательное разглядывание улицы.

– Посмотрела налево, посмотрела направо – мальчиша-плохиша нигде нет, – сказала она.

– Это потому, что я сижу в «Малинке» и слежу за тобой. Ладно, ты приехала сюда на метро, это в новостях показывали. Скорее всего, ты и обратно поедешь на метро. Но, вопреки ожиданиям, до метро ты так и не дошла. Это тоже в новостях показали.

– Может, я решила себя пожалеть и взяла такси?

– Нет, – опять замотал головой я, – ты постоянно ездишь в метро, каждый день. Ты там чувствуешь себя как рыба в воде, а хорошо знакомые места дают нам иллюзию безопасности. К тому же такси – это дорого, а ты и так злишься на себя за то, что потратила деньги на вечер, которого, можно считать, не было. К тому же, такси еще нужно поймать, это еще одна проблема. Нет, на такси ты не едешь.

Мы повернули направо и пошли в сторону метро. Ближайшая станция

была недалеко, где-то в семистах метрах. Я даже видел знак метро вдалеке.

– Теперь, когда ты уже двинулась в сторону дома, ты хочешь попасть туда максимально быстро, поэтому ты идешь быстрым шагом. В это время я вышел из «Малинки» и перешел через дорогу на твою сторону. Ты меня не видишь, потому что голова у тебя опущена и ты думаешь только о том, чтобы поскорее попасть домой. Я зову тебя, ты останавливаешься и оборачиваешься.

Темплтон остановилась и обернулась.

– Что ты видишь? – спросил я.

– Я вижу, как ты приближаешься ко мне.

– На улице темно, и я тебе не знаком, но ты не пугаешься. Почему?

– Потому что я тебя узнала. Ты либо прислал мне свое фото, либо описание.

– Не фото, это слишком рискованно. Если бы у полиции было мое фото, то тогда моим играм и веселью очень скоро пришел бы конец, а я только-только начал. Описание более вероятно, потому что оно может быть одновременно и точным, и туманным. Если я скажу, сколько мне лет, во что я одет и какого цвета у меня волосы, ты узнаешь меня, но и одновременно это меня не выдаст. Мне все-таки надо увидеть это описание, поэтому пусть ваши компьютерчики продолжают искать.

– Они ничего не нашли.

– Они *пока* ничего не нашли.

Я сделал затяжку, отпил кофе и дождался, пока смесь кофеина и никотина произведет желанный эффект.

– Так, что дальше?

– Ты подходишь ко мне. То, как ты двигаешься и как говоришь, дают мне понять, что ты не опасен. Ты кажешься расслабленным.

– И что я тебе говорю?

– Ты извиняешься.

Я улыбнулся, и Темплтон тоже улыбнулась. Мы оба были явно довольны собой.

– И тем самым исключаю возможность какой-либо опасности. Я извиняюсь, каким-то образом объясняю, почему я опоздал, еще раз извиняюсь, и к концу моей речи ты уже думаешь, что я не более опасен, чем мать Тереза.

– Да, и эти два бокала вина греют меня изнутри, так что я только рада окунуться в розовые фантазии, – добавила Темплтон.

– Это твой шанс спасти вечер, так что, когда я предлагаю где-то выпить или поужинать, ты, ни минуты не думая, соглашаешься. Я говорю,

что моя машина стоит недалеко, и предлагаю пойти к ней.

– А где твоя машина?

– Хороший вопрос.

Я окинул взглядом улицу и задумался. В ста метрах от нас был поворот направо, и мы пошли туда. За поворотом была узкая улочка с двойной желтой разметкой по обеим сторонам.

– Здесь он и припарковался, – сказал я.

– Я попрошу кого-нибудь проверить, выписывались ли здесь штрафы вчера. В этой части Кенсингтона он наверняка был оштрафован.

– Отличная идея.

Темплтон с подозрением посмотрела на меня. Она прищурилась, но при этом все равно выглядела сексуально. Было забавно.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– То, что это хорошая идея.

– Да, я слышала, но ты так это произнес, как будто я сморозила глупость.

– Пусть проверят вчерашние штрафы, – сказал я. – Итак, Рэйчел Моррис садится в машину, и они уезжают в ночь. Какие вопросы к этому варианту?

– Два вопроса. Во-первых, то место, где Джек-головорез встречается с Рэйчел, – оно какое-то неправильное. Если бы он опоздал и оставил машину здесь, то как он подойдет к Рэйчел сзади? Он тогда должен был идти ней навстречу. Я знаю, что она выпила вина, но я думаю, она бы его заметила.

– Ну, это просто. Он подождет, пока она пройдет эту улицу, и потом пошел за ней. Таким образом, они могут вернуться и подойти к машине так, чтобы не вызывать подозрений Рэйчел. А второй вопрос какой?

– Ему нужно как-то нейтрализовать ее, как только она сядет в машину. Ведь в какой-то момент она поймет, что что-то не то происходит. И если это произойдет в тот момент, когда он за рулем и машина движется, это поставит его в опасное положение. Он не мог ее связать, вставить кляп в рот и бросить в багажник, потому что кто-нибудь его бы увидел. Так что он, по всей видимости, вводит ей какой-то препарат и пристегивает к пассажирскому сиденью. Даже если его остановит полиция, он всегда может сказать, что она спит или перебрала алкоголя, и это будет вполне правдоподобно.

– Да, примерно так я себе это и вижу. Получается, мы знаем, как он работает на стадии похищения. Следующий вопрос: как он их отслеживает?

– В интернете, – вздохнула Темплтон.

– Да, другого варианта нет. Ладно, следующая остановка – электронное царство. Я хочу поболтать с вашим самым продвинутым компьютерщиком.

– Что ты сказала?

Рэйчел хотела снова услышать этот голос, чтобы удостовериться, что женщина за дверью – не плод ее воображения, что она не придумала себе вымышленного друга, который составит ей компанию, пока она сходит с ума. Тишина длилась достаточно долго, и Рэйчел уже решила, что все это ей послышалось. И тут женщина заговорила вновь:

– Я спросила, понравился ли тебе ужин. Я сама его приготовила. Это мое любимое блюдо.

Женщина говорила тихо, почти шепотом, и Рэйчел приходилось очень сильно напрягать слух, чтобы расслышать слова. Но все это было совершенно неважно, важно было то, что женщина реально существовала, а не была выдуманной. Рэйчел внезапно поняла, что, кем бы ни была эта женщина, она хочет сделать Рэйчел приятное. Она не просто интересовалась, понравился ли Рэйчел ужин, ей хотелось, чтобы он ей понравился. И она не просто разогрела какую-то старую еду, она приготовила свое любимое блюдо. По вкусу оно было так себе, да и что можно было ожидать от полуфабрикатных равиоли, но Рэйчел, безусловно, не торопилась делиться с ней этим отзывом. Если этой женщине важно было знать, что она приготовила самый вкусный в жизни Рэйчел ужин, то именно это она и услышит.

– Да, мне все очень понравилось, – сказала Рэйчел.

– Спасибо.

По тому, как прозвучало это «спасибо», Рэйчел поняла, что выбрала верную тактику.

– Как тебя зовут? – спросила она и тут же пожалела об этом. Тишина, которая воцарилась после ее вопроса, длилась гораздо дольше, чем в первый раз. Рэйчел уже начала ругать себя за то, что была столь нетерпелива. Она изо всех сил старалась услышать, что происходит за тяжелой дверью. Ей даже казалось, что если она напряжет слух еще сильнее, то сможет услышать, как ее собеседница дышит, как бьется ее сердце. Но из-за двери доносился только шум отопительной системы.

– Ева, – наконец сказала женщина.

Рэйчел улыбнулась. Ева. Теперь она будет обращаться к ней по имени как можно чаще, чтобы укрепить доверие между ними. Именно так делали во всех фильмах с захватом заложников, которые она смотрела.

Переговорщики использовали любую возможность назвать преступника по имени. Они всегда говорили спокойным тоном, дружелюбно и обращались к террористам по имени, как будто они вместе пришли выпить в бар, как лучшие друзья.

– Привет, Ева. Меня зовут Рэйчел.

– Я знаю.

Рэйчел замолчала на какое-то время. Она понимала, что сейчас нужно сделать какой-то ход, но не знала какой. Ответ пришел к ней в виде двух внезапных догадок, одна за другой.

– Ева, Адам – твой брат?

Опять установилась тишина. Рэйчел поняла, что Ева научилась думать, прежде чем что-то сказать в присутствии Адама.

– Да, Адам – мой брат, – наконец ответила она.

Ну конечно! Адам и Ева – это же так очевидно. Первая догадка оправдалась. Рэйчел надеялась, что и со второй она тоже попадет в точку.

– Он причинил мне много боли, – сказала она.

– Мне очень жаль. Я просила его не мучить девушек, но он меня не слушает, начинает злиться.

– И когда он злится, он бьет тебя, да, Ева?

На этот раз вслед за привычной паузой после вопроса последовал целый поток слов – коротких, обрывистых, неуместных оправданий.

– Иногда. Но на самом деле он не хочет меня бить, просто я его в эти моменты раздражаю. А потом он всегда жалеет об этом.

Рэйчел улыбнулась. Все верно! Ее ставка на сопереживание сыграла. Впервые за все время у нее появился лучик надежды. Он был слабый, но в текущей ситуации она хваталась за любую возможность.

– Мне надо идти. Мне вообще-то нельзя здесь быть. Адам разозлится, если узнает, что я разговаривала с тобой.

Рэйчел услышала шорох за дверью и испугалась. Ева вставала и собиралась уходить. А если она уйдет, ей опять придется остаться совсем одной в этой крошечной тьме. Рэйчел хотела, чтобы Ева осталась, ей это было очень нужно. Внезапно на нее накатило такое сильное ощущение одиночества, что она с трудом сдерживала слезы. Она ничего не знала о Еве, не представляла себе, какова ее роль в этом сумасшедшем доме, но она знала, что Ева – не Адам, который сбрил ей волосы и превратил в безличный номер. Разговор с Евой позволил ей снова почувствовать себя человеком, а не цифрой.

– Пожалуйста, не уходи, Ева.

Рэйчел услышала отчаяние в собственном голосе, но ей было все

равно.

– Наверное, я смогу остаться еще ненадолго. Адам должен вернуться позже.

– Спасибо, Ева.

Взгляд Рэйчел остановился на кресле, и она затихла. В фарфоровой посуде и стальных поверхностях отражался яркий свет ламп. Она сидела на холодной плитке, мышцы ее постепенно начинали неметь. Как же она умудрилась вляпаться в этот кошмар? Это было так несправедливо. Она не сделала ничего плохого. От наивности собственных мыслей Рэйчел чуть не рассмеялась вслух. В жизни было не так уж много справедливости, и с хорошими людьми постоянно случались несчастья. И кто-то еще говорит про карму!

Из глубин подсознания внезапно всплыла картинка из детства. Она не вспоминала об этом много-много лет. Ей было пять или шесть – возраст, когда ты еще веришь, что твой папа – супергерой. Они были вместе на их вилле и гуляли вдоль пляжа. Наконец-то папа принадлежал только ей – не было ни мамы, ни надоевших братьев, только они вдвоем. Под ногами был теплый песок, и они шли в отблесках заходящего солнца за собственными длинными тенями. Ее маленькая ладошка лежала в большой, грубой ладони отца. Они разговаривали и смеялись, рассказывали друг другу какие-то истории, и Рэйчел, окруженная отцовской любовью, еще никогда не чувствовала себя в такой безопасности.

Ей не хотелось отпустить от себя это воспоминание. Она уже перенеслась из этой освещенной клетки туда, где воздух пах морем, экзотической едой и теплом, туда, где она была в абсолютной безопасности, а монстры жили только в воображении и боялись вылезти из-под кровати.

– У тебя все в порядке? – спросила Ева. – Ты что-то притихла.

Солнце погасло, и Рэйчел снова оказалась в подвале.

– Все нормально, – сказала она. – Я просто задумалась.

– О чем?

– О солнечном свете, – сказала Рэйчел.

– И погрустнела.

– Нет, на самом деле я обрадовалась.

– Не поняла...

И Рэйчел, не успев опомниться, рассказала Еве все, о чем только что подумала.

– Тебе повезло, – сказала Ева. – А я своего отца не помню.

– Что с ним произошло, Ева?

– Он умер.

Ева ответила, как отрезала, и Рэйчел поняла, что пришло время сдать назад. Она и так слишком сильно продвинулась для одного дня, и она не хотела, чтобы Ева замкнулась.

– Мне надо идти, – сказала Ева.

– Ты еще придешь и поговоришь со мной? Мне здесь так одиноко.

– Я попробую. Но я должна быть осторожной. Мне придется дожждаться момента, когда Адам опять уедет.

– До встречи, Ева! Спасибо, что поговорила со мной. И спасибо за ужин, я очень тебе благодарна.

– Я скоро вернусь. Клянусь тебе.

Свет выключился, и Рэйчел пошла к матрасу в обход кресла. Она уже была посреди комнаты, когда вдруг услышала хлопок створки. Она обернулась и увидела, как в ней исчезал поднос. Рэйчел подошла к матрасу и завернулась в одеяло.

Она опять осталась одна в темноте. В разговоре с Евой выяснился ряд интересных вещей и одна очень важная.

Интересно было то, что Ева была одинока. Ей было отчаянно нужно одобрение и дружба, поэтому-то она и начала разговор. Рэйчел с превеликой радостью стала бы подругой Евы. Она готова была до конца жизни быть ее лучшей подругой, если это помогло бы ей выбраться отсюда.

А важная новость заключалась в том, что иногда Адам уезжал и оставлял Еву одну сторожить Рэйчел.

Нужно было переманить Еву на свою сторону. Если бы она смогла заставить Еву воспринимать себя как личность, а не как пленницу, тогда ее можно было бы уговорить помочь устроить побег. Тут Рэйчел остановилась и сказала себе, что она совсем уж замечталась. На что, черт возьми, она надеялась? На то, что, если она будет хорошо относиться к Еве, та поможет ей сбежать?

Но это могло сработать. Да, конечно, шансов было не так много, и вполне возможно, она принимала желаемое за действительное, но у нее не было другого выбора. Что ей остается – просто сдать? Смириться с судьбой и сдать на милость психопату, который порежет на кусочки ее мозг? Здесь и решать-то нечего. Она была дочкой Дональда Коула, а он воспитал свою дочь так, что она не могла просто взять и сдать.

Темплтон остановилась у двери в середине коридора, отрывисто постучала и вошла в маленькую комнату, забитую компьютерным оборудованием. Тут шумели серверы, работали вентиляторы, кондиционер поддерживал комфортную температуру, было не жарко и не холодно.

Всем этим царством управляли два кудесника – женщина и мужчина. Они синхронно, как будто ими управлял один кабель, повернули головы от мониторов и посмотрели на нас. Ни один из них не был похож на стереотипных компьютерщиков. Одеты они были не в рваные джинсы и грязные майки, очков с линзами толщиной с бутылочное дно на них тоже не было. И телосложение у них было не такое, как у Джаббы Хатт. Оба были подтянутые, в возрасте за тридцать, хорошо одетые. Они были больше похожи на адвокатов или бухгалтеров.

Женщина была индийской наружности, симпатичная, с широкими миндалевидными глазами. У нее был такой взгляд, будто она знала что-то такое, чего не знали окружающие. Судя по кольцу на пальце, она была помолвлена, но еще не замужем. У мужчины были рыжие волосы и вечный румянец. Кольца не было, но часы «Tag Hauer» были похожи на оригинальные.

– Познакомься, это Алекс Ирвин и Сумати Чэттерджи, – представила компьютерных асов Темплтон.

– Здравствуйте, – сказали они хором.

Я ожидал, что с такими именами и при такой внешности у них будет акцент. Но акцента не было: они говорили так, как будто их отправили посылкой прямо из Оксфорда, или Кембриджа, или Массачусетского технологического института.

– И кто из вас круче? – спросил я.

– Я, – на этот раз они ответили не совсем синхронно, Сумати среагировала быстрее.

Они повернулись друг к другу и завязался горячий спор. Я облокотился на дверь, чтобы понаблюдать за ними, Темплтон подошла ко мне. Она встала так близко, что я уловил аромат ее духов.

– Это была провокация с твоей стороны, – прошептала она.

– Ну конечно! Они не похожи на компьютерщиков, но внешность обманчива. И необязательно проживать вместе всю жизнь, чтобы вылезла наружу суть. Так, у кого самая большая коллекция сувениров «Звездных

войн»?

– У Сумати. Правда, она фанат не «Звездных войн», а сериала «Звездный путь».

– Она говорит на клингонском?

– А мне откуда знать? – пожала плечами Темплтон.

– *BIjatlh'e'yImev!* – заорал я.

Сумати замолкла на полуслове и уставилась на меня, как на инопланетянина. Темплтон, впрочем, тоже.

– У меня хорошая память, – прошептал я ей. – Очень помогает на экзаменах, тестах и когда нужно удивить кого-нибудь.

– Ну, вообще-то «*BIjatlh'e'yImev*» используется, когда ты говоришь «заткнись» одному человеку.

– А если обращаешься к нескольким людям, нужно говорить «*sujatlh'e'yImev*». Да, я знаю. Я просто хотел привлечь внимание.

– Похоже, ты проиграл этот раунд, – обратился я к Алексу. – Я выбираю Сумати.

– По той причине, что она говорит на клингонском?

– Нет, потому что она женщина, которая достойно держит удар в мужской профессии, а для этого ей нужно быть в десять раз умнее тебя.

– Чем я вам могу помочь, мистер Уинтер? – спросила Сумати.

– Я сейчас спрошу, откуда вы знаете мое имя, а вы продемонстрируете свой интеллект.

– Из интернета, – усмехнулась она.

– Все ясно. Вы знаете, над каким делом я работаю?

– Конечно. Над делом Джека-головореза.

– Наш объект выбирает себе жертв в интернете. Мне нужно, чтобы вы проверили их компьютеры и нашли там что-нибудь полезное.

– Мы уже искали и ничего не нашли.

– Потому что вы недостаточно тщательно искали. Когда будете искать во второй раз, нужно исходить из того, что он не тупое ничтожество, которое только и может, что запустить Internet Explorer, а гораздо умнее вас. Начните с компьютеров Рэйчел Моррис, раз уж она последняя жертва. Их вы ведь еще не проверяли? Это хорошая возможность посмотреть на дело свежим взглядом. Если будете внимательны, я обещаю, что что-нибудь обнаружится.

– И наверняка вам это нужно ко вчерашнему дню.

– Конечно.

– Понятно.

Темплтон открыла дверь.

– Вы впечатлили меня своим клингонским, но вам нужно работать над произношением.

– Qapla.

На этот раз я с особым усердием отчеканил гортанные слоги.

– Так лучше, – сказала она.

Темплтон закрыла дверь, и мы двинулись по коридору к лифту.

– Насколько я понимаю, ты сказал ей: «Иди к черту». По крайней мере, звучало это именно так. Уж точно ты не желал ей долгой жизни, полной здоровья, богатства и счастья.

– Буквальный перевод этого слова – «успех», но обычно им пользуются, чтобы попрощаться. На клингонском нет выражения «иди к черту». Если ты кому-то такое скажешь, можно считать это приглашением на смертный бой.

Темплтон засмеялась.

– А знаешь, умников ведь никто не любит. А особенно – ботанов.

– Я не ботан.

– Ну да, конечно. И это говорит человек, который хорошо говорит по-клингонски и наверняка знает название каждого эпизода «Стартрека».

– Нет, названий не помню.

Мы остановились, и Темплтон посмотрела мне прямо в глаза.

– Ну ладно. Да, знаю все названия. Но это не значит, что я ботан. Мне просто нравится узнавать новое.

Темплтон усмехнулась.

– Да кто бы говорил!

Я сел за фортепиано в баре отеля и, чтобы разыграться, прошелся домажорной гаммой в каждом из трех регистров – в нижнем, среднем и верхнем. Клавиши были тугие, поддавались плохо – ни в какое сравнение не шли с моим «Стейнвеем». Но, по крайней мере, инструмент был настроен и, в качестве бонуса, неплохо звучал.

Девушка за барной стойкой явно вздохнула с облегчением, когда я попросил разрешения выключить музыку и поиграть на фортепиано. Она тут же согласилась на мое предложение, не поинтересовавшись даже, хорошо ли я играю. Думаю, как бы я ни играл, любое музыкальное сопровождение было лучше, чем бесконечные электронные рождественские песни. Я послушал их десять минут и начал искать, чем бы заткнуть уши. Как ей удавалось терпеть их целую смену, было выше моего понимания.

После гамм я сразу же приступил ко второй части моцартовского Концерта для фортепиано с оркестром № 21. К третьей фразе Лондон вместе с баром отеля «Космополитан» испарились из моего сознания. На сердце стало легче, и тяжесть в груди потихоньку отпустила. Сейчас значение имела только музыка. Кроме нее, в мире не существовало ничего.

Я играл с закрытыми глазами, пальцы сами находили следующую ноту, завершали фразу. Они меня не подвели. Этот концерт не относится к тем произведениям, исполняя которые можно поразить зрителей техникой, но это не означало, что он был прост. В нем была особая динамика, которая подталкивает играть быстрее и быстрее, но если поддаться этому желанию, то потеряешь тон и настроение этого концерта. Нужно во что бы то ни стало поддерживать медленный и расслабленный темп. Я доиграл до последней фразы, взял последнюю ноту и замер на мгновение с закрытыми глазами, слушая тишину.

– Это было прекрасно.

Темплтон стояла рядом со мной. У нее было странное выражение лица – я не мог его понять. Она опоздала на пять минут, что, учитывая обстоятельства, было вполне естественно. Прийти раньше было бы слишком скучно, а позже – невежливо. Я уже выпил половину первой порции виски и думал заказать вторую.

– Правда, ты очень здорово играешь. Где ты учился?

– Моя мать была преподавателем, она научила меня играть. И я

продолжил обучение в университете.

– Я думала, твоей специализацией была криминальная психология.

– Так и было. Музыкальное образование я получил в свободное время.

– Большинство студентов в свободное время предпочитают развлекаться.

Я засмеялся, вспомнив знакомого студента, который считал, что каждый вечер стоит посвящать вечеринкам.

– Мне повезло, – сказал я. – Учеба давалась мне легко, и у меня была уйма времени на все остальное.

Темплтон сощурилась и уставилась на меня своим фирменным полицейским взглядом:

– И насколько же ты умен?

– Ты ведь на самом деле не этот вопрос хочешь задать? Ты хочешь спросить, какой у меня коэффициент интеллекта?

– Хорошо, какой у тебя коэффициент интеллекта?

– Намного выше среднего, но намного ниже, чем у да Винчи.

– То есть не скажешь, да?

Я покачал головой:

– Это же просто цифра, которая ничего не означает. Важно то, как ты распоряжаешься своей жизнью, какие поступки совершаешь – вот по ним нужно судить. На бумаге мой отец был гением, но он свой дар потратил на разрушение, а не на созидание.

– А ты свой дар тратишь на то, чтобы исправить его ошибки, чтобы вернуть утраченный баланс.

Я пожал плечами, но отрицать этого не стал. Темплтон хитро взглянула на меня:

– Тебя ведь раздражает то, что IQ да Винчи выше, чем у тебя?

– Это неправомерный вопрос. Тест на IQ появился только в 1904 году, так что коэффициент, приписываемый да Винчи, – это не что иное, как догадка одного из так называемых экспертов.

– Видишь, все-таки это тебя раздражает.

Плетеный коврик, на котором стоял мой виски, лежал криво, под углом к краю. Я выровнял его, и кусочки льда ударились о стакан.

– Не раздражает.

– Ты говоришь, что IQ – это ничего не значащая цифра, но, спорим, ты знаешь, кто разработал этот тест и когда именно. И ты можешь в мельчайших деталях рассказать, как этот тест появился. В этой связи у меня вопрос: если этот тест правда такой бестолковый, почему тебе так трудно сказать, какой у тебя результат?

– Потому что я не хочу быть для тебя какой-то цифрой.

Темплтон протянула руку к моему стакану с виски, сделала глоток и, сморщившись, вернула его на место. Коврик сдвинулся, и я снова его поправил.

– Интересный выбор слов, Уинтер. Ты мог бы сказать, что ты не хочешь быть какой-то цифрой. Но ты сказал, что ты не хочешь для *меня* быть цифрой.

– Случайно вырвалось.

Темплтон красноречиво посмотрела на меня:

– Ну да, конечно!

– Напомни, пожалуйста, почему ты все-таки работаешь в полиции за столь невысокую зарплату? Из тебя получился бы первоклассный юрист.

– Во всем мире столько денег нет, Уинтер.

– Да, тут ты права, – засмеялся я.

– Ты сказал, что твоя мать *была* учителем музыки. Это ведь не означает, что сейчас она на пенсии?

Я прекратил смеяться и покачал головой:

– Нет, она умерла несколько лет назад.

– Мне очень жаль.

– Не стоит сожалеть. Скорее всего, это к лучшему. Она так и не отошла от шока, узнав, кем был отец.

– А ты?

– Я стараюсь, – я соединил пальцы рук и выпрямил их. – Ну ладно, лимит тяжелых бесед на сегодня исчерпан. Я разыгрался. Что для тебя исполнить?

Темплтон задумалась на секунду и спросила:

– Ты знаешь песню «Тень блее бледного»? Я всегда ее любила.

– Расскажи, в чем же смысл этой песни?

Темплтон улыбнулась своей лучезарной улыбкой:

– Ты же гений, ты мне и расскажи.

– Ну, фанданго – это испанский танец. А колесо – акробатический элемент.

Темплтон игриво ударила меня по руке:

– На некоторые вопросы ответы не нужны.

– На все вопросы нужны ответы. Мы должны хотя бы попытаться найти ответ, потому что только так достигается прогресс. Если бы мы избегали сложных вопросов, то так и висели бы на деревьях, пребывая в блаженном неведении относительно того, что отстоящий большой палец может сделать из нас королей джунглей.

– Просто молчи и играй.

Я положил руки на клавиатуру и закрыл глаза. Мелодия вспыхнула в моем сознании, и каждая ее нота имела свой собственный цвет. Подбрав простые аккорды для аккомпанемента, я начал играть. Эта песня была явным подражанием Баху, и в своей интерпретации я сделал на этом акцент, оттенив его моцартовскими торжественными интонациями, которые, как мне казалось, были вполне к месту. Закончив, я снова увидел на лице Темплтон это странное, непонятное для меня выражение.

– Наверное, это глупый вопрос, – начала она, – но ты когда-нибудь раньше играл эту песню?

Я покачал головой.

– Это было что-то, Уинтер! Очень впечатляюще! Как ты умудрился сыграть ее? Ты прямо как тот гений из «Человека дождя»!

– Надеюсь, что я все же более социализирован. И, клянусь, у меня никогда не было нервного срыва из-за того, что я пропустил любимую телепередачу.

– Не знаю, могу ли я верить твоим словам.

Мне стало смешно.

– Пойдем найдем столик.

Темплтон направилась к столику, ближайшему к барной стойке. На ней снова были обтягивающие джинсы, которые подчеркивали все возможные достоинства. Она сняла куртку и села. Обычный черный шерстяной джемпер отчаянно и совершенно безуспешно пытался скрыть изгибы ее тела. Темплтон могла бы надеть на себя мешок и даже в нем выглядела бы сексуально. Ее волосы еще не успели высохнуть после душа и пахли яблоком. Запах ее шампуня напоминал мне о лете.

Темплтон достала из кармана десятифунтовую банкноту и хлопнула ей по столу. На ее лице читалось притворное раздражение и негодование.

- Как ты узнал, какие машины есть у Дональда Коула? – спросила она.
- Методом исключения: отбрось невозможное, и то, что останется – каким бы невероятным оно ни было, – будет ответом.

Темплтон была непреклонна.

- Как ты узнал, Уинтер?
- У него висят фотографии машин на стене в офисе.
- У него там какие только фотографии не висят!
- Это правда, – согласился я. – Там была его яхта, средиземноморская вилла, скаковые лошади. У Дональда Коула нет ни единой квалификации – ни одного диплома, сертификата, ученой степени. Из-за его происхождения маловероятно, что нобелевские лауреаты или президенты США выстроятся в очередь для совместной фотографии. Значит, эти фотографии – просто альтернатива стене «имени меня», на которой у большинства людей висят дипломы и сертификаты. Для Коула успех определяется его статусными приобретениями, и он желает выставить их напоказ. Ты заметила семейные фотографии?

– Да, на рабочем столе.

– Ты заметила, что они обращены лицом к нему? Что их тяжело рассмотреть?

- Ну, значит, у него все по фэн-шуй. В чем подвох?
- Он хочет, чтобы весь мир видел его статус, но не его семью. Он чувствует необходимость защищать свою семью, хочет, чтобы его близкие были рядом с ним, были в безопасности.
- А какой отец этого не хочет?
- Ты удивишься. Возьми, к примеру, моего отца. На первый взгляд, он казался идеальным отцом, но сотри защитный слой – и увидишь психопата.

Он, не задумываясь, убил бы мать или меня, если бы потребовалось.

– Извини, я не подумала.

От извинений я отмахнулся.

– Я хочу сказать, что Дональд Коул чувствует ответственность за похищение дочери. Он просто погребен под чувством вины. У него тонны наличности, он не доверяет полиции, и в его мире ты сначала бьешь, а вопросы задаешь потом. Это очень плохое сочетание. Не спускайте с него глаз. Если он решит совершить самосуд, у вас в полиции будут большие проблемы. Не говоря уже о том, что Рэйчел окажется в еще большей опасности, чем сейчас.

– Как можно оказаться в еще большей опасности?

– Сообщники удерживают жертв в среднем три месяца. Если Коул сделает какую-нибудь глупость – например, если он вернется к идее с выкупом, – они могут решить, что она не стоит такого риска. В этом случае доминирующий член пары начинает торопиться, впихнет три месяца своих развлечений в два дня, лоботомит Рэйчел и избавится от нее. Все, игра конец. В тех случаях, когда жертва еще жива, ситуация всегда может стать хуже, чем есть. Запомни это.

– Поняла.

Темплтон кивнула в сторону десятифунтовой купюры на столе.

– Я тут от жажды умираю вообще-то.

– «Джек Дэниэлс» и кола?

– Как ты узнал?

Она помотала головой:

– Нет, вообще-то я не хочу этого знать. Я просто хочу выпить.

Я встал, взял со стола деньги и пошел к барной стойке. Сегодня работала та же девушка, что и вчера. Мы уже говорили с ней, и я знал, что ее звали Ирена, она приехала из Польши и мужчины у нее нет. Я вернулся к столу с напитками, подал Темплтон ее виски и перелил то, что осталось от моего, в новый стакан. Затем сел, постучал кубиками льда, сделал глоток и пожалел, что курить в помещении было запрещено. Меня по-настоящему раздражало это нововведение. Алкоголь и никотин, как абрикосы со сливками, составляли идеальную пару, только не такую полезную.

– Наш Джек все-таки нарвался на штраф за неправильную парковку, – сказала Темплтон. – У него «порше».

– Но?

– Ты в курсе, что никто не любит умников?

Я поднял бровь, и Темплтон вздохнула:

– По информации Управления транспортом, он водит пятилетний

серебристый «форд мондео». Но он перебил номера, так что по ним его не опознать. Но это ты и так знал. Так почему ты ушел из ФБР, Уинтер?

Темплтон смотрела в упор, не сводя с меня голубых глаз. Было очевидно, что она собиралась получить ответ во что бы то ни стало. Я медленно отпил из своего стакана.

– Раньше ты избегал ответа на этот вопрос, потому что мы плохо друг друга знали.

– А теперь мы знаем друг друга намного лучше!

– Сегодня мы много времени провели вместе и много общались – гораздо дольше, чем большинство женатых пар. К тому же я рассказала тебе, почему пошла работать в полицию. Quid pro quo^[3], Уинтер. Это справедливо.

Отдаленное эхо того проклятия, которое отец медленно прошептал тогда, прокатилось у меня в голове. «Мы одинаковые». Простой ответ показался мне более подходящим вариантом в данный момент. Я аккуратно поставил стакан на стол.

– Руководство не было согласно с некоторыми моими методами. По их мнению, я шел на неоправданные риски. У меня была репутация непредсказуемого человека, а в такой организации, как ФБР, где в основе – командная игра, непредсказуемых долго не терпят. Я ушел, не дожидаясь, когда меня попросят уйти.

– Ты правда рисковал больше, чем нужно?

– Я делал то, что считал нужным сделать для выполнения задания. То же самое я делаю и сейчас.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Я раскрывал дела, – ответил я. – Я ловил преступников. Какие методы я при этом использовал, не должно было никого волновать.

– Конечно, должно! Представь, что полиция не руководствуется никакими правилами. Тогда это не полиция, а линчеватели какие-то.

– То есть ты, как я понимаю, всегда работаешь по правилам. Думаешь, я поверю, что ты ни одного раза не отошла от инструкции, чтобы добиться результата?

Темплтон заколебалась. Она открыла рот, чтобы заговорить, и передумала.

– Наверняка ты ходила в обход правил. Нет ни одного полицейского, кто бы этого не делал. По крайней мере, ни одного мало-мальски приличного полицейского. Я не утверждаю, что правила совсем не нужны, но они не должны быть настолько жесткими, чтобы мешать нам работать.

– И кто же будет решать, где пройдет черта?

– Черта пройдет на уровне здравого смысла и совести. И я официально готов заявить, что не жалею ни об одном решении, которое я принял. Ни о чем не жалею. Сплю, как ребенок.

– Ты врешь. Нет ни одного полицейского, который не желал бы что-то сделать по-другому, хотя бы один раз.

Я ничего не ответил, и Темплтон победно улыбнулась с видом «я же говорила» и взяла свой стакан с виски.

– Что-то тебя беспокоит в этом деле, Уинтер. Что именно?

– А кто говорит, что меня что-то беспокоит?

– Джек-головорез и его подружка все еще на свободе. Пока они не пойманы, покоя тебе не будет. По-другому ты не можешь. Так что признавайся, о чем именно ты думаешь?

– О том, что они лоботомируют жертв.

– На брифинге ты сказал, что лоботомия – это компромисс. Доминирующий сообщник хочет убивать жертв, а номер два хочет, чтобы они жили. Мне это кажется разумным.

– Да, это разумно, – согласился я. – Но я целый день думаю об этом, и чем больше я думаю, тем больше уверен, что что-то упустил.

– Может, ты перебрал с анализом ситуации?

– Нет. Лоботомия – это ключ к разгадке всего дела.

– Тогда какие у тебя есть мысли?

– В этом-то и проблема. На данном этапе у меня не осталось ни одной мысли.

– Как это – ни одной? Ни половинки, ни четвертинки?

– Ни единого шевеления, – подтвердил я.

– То есть в этом твоём мозге размером с земной шар ничего не варится?

– Ничего, – вздохнув, покачал головой я.

– Напомни, какой IQ у да Винчи?

– Я тебе никогда его и не говорил, так что как я могу его напомнить?

Темплтон нахмурилась и строго посмотрела на меня.

– Двести двадцать, – ответил я.

– И он был умнее тебя, – подытожила она.

– Намного, – признал я. – Но не забывай, это только экспертная оценка.

Темплтон отпила виски и улыбнулась мне из-за стакана.

– И все-таки тебя до безумия раздражает этот факт!

– Номер пять, сходить в ведро.

Металлический голос Адама разнесся по комнате, отскакивая от стен, и у Рэйчел в голове застучало. Она часто заморгала, чтобы глаза привыкли к темноте, стряхнула с себя одеяло и поднялась с матраса. В ногах была тяжесть и легкость одновременно. Она понимала, что идет, но походка была больше похожа на движение против хода эскалатора. Как во сне, она прошла через всю комнату, спустила спортивные штаны и трусы и присела над ведром. Затем встала, натянула штаны и стала ждать дальнейших инструкций.

– Номер пять, принести ведро к двери.

Рейчел пронесла ведро через всю комнату и поставила его ручкой к двери, как ей было сказано. Адам очень четко проинструктировал ее в первый раз, когда они проходили через процедуру с ведром. Настолько четко, что Рэйчел поняла, как много времени он посвятил проработке инструкции, и что любое ее нарушение повлечет неминуемое наказание. Ей и не требовалось никакой дополнительной мотивации для безоговорочного следования командам – ран на спине было более чем достаточно.

– Номер пять, подойти к креслу.

Рэйчел посмотрела на кресло, и внутри у нее ничего не шелохнулось: на этот раз пульс не взлетел до небес, ее не прошиб холодный пот и не бросило в дрожь. Обычно при одном только упоминании о кресле она впадала в панику. В этот же раз она была словно окутана каким-то облаком спокойствия, ощущением, что у нее хватит сил перенести это, что бы ни произошло.

Это действие наркотиков! Эта мысль медленно всплыла откуда-то из глубин сознания, и то, что ей потребовалось столько времени, чтобы додуматься до этого, только подтверждало ее правоту. Значит, Ева что-то подсыпала в еду. Другого объяснения не было.

– Номер пять, подойти к креслу, или будут последствия.

Рэйчел подняла голову на ближайшую камеру и несколько мгновений смотрела в ее глазок – сбитая с толку, дезориентированная, не понимающая, куда ей идти и где она находится. Потом она вспомнила: кресло! Она должна идти к креслу. Рэйчел вышла на середину комнаты и приготовилась сесть, но тут вновь опять раздался металлический голос Адама.

– Стоп!

Она замерла, держа руку на запятом кровью подлокотнике.

– Номер пять, снять одежду.

Потребовалось время, чтобы приказ дошел до сознания Рейчел, преодолел туман в голове. Она начала раздеваться.

– Номер пять, сложить одежду аккуратно.

Она присела и стала исполнять этот приказ. Каждое движение давалось ей с большим трудом, руки двигались медленно, отказываясь подчиняться слабым командам мозга.

– Номер пять, сесть в кресло.

Рэйчел села. Касаться кожей виниловой обивки было холодно, но она почти не замечала этого. Она слышала, как открылась дверь и в комнату вошли, слышала, как ведро сменили на новое. Рэйчел не стала поворачивать голову, она и так знала этот привычный ход вещей. В ее нынешнем состоянии ей было абсолютно все равно. Она не сопротивлялась, когда Адам пристегнул ремнями руки и ноги, и даже не дернулась, когда впервые он застегнул ремень вокруг головы. Она ощутила мягкое прикосновение кожаного ремня к своему выбритому черепу. Адам проверил, хорошо ли застегнуты ремни, и ушел.

Время шло. Вернулся он с медицинским монитором, надел пластиковую манжету на указательный палец левой руки Рэйчел и включил аппарат. Пульс был стабильный, семьдесят ударов в минуту. Вскоре Адам опять ушел и на этот раз вернулся с тележкой. Рэйчел слышала его шаги, когда он был только в самом конце коридора. Постепенно шаги становились все ближе и ближе, и вот он уже дошел до кресла, остановился и взял с тележки резиновую трубку.

Рэйчел не чувствовала своей причастности к происходящему. Она одновременно была и здесь, и не здесь, словно смотрела фильм с собой в главной роли. Откуда-то со стороны она видела, как Адам обвязывает и туго затягивает правое плечо резиновой трубкой. Все предплечье начинает пульсировать в такт с биением сердца и пискom монитора. Пальцы онемели. Адам взял шприц, выпустил воздух и нажал на вену. Вена налилась и посинела. Кончик иглы проткнул кожу и скрылся под ней. Она всегда терпеть не могла уколы, но в данный момент Адам мог бы воткнуть в нее сотни иголок, и она бы даже не заметила.

Когда поршень шприца опустился до самого дна, Адам вытащил иглу и снял резиновый жгут. Через считанные секунды препарат попал в кровь, и пульс Рэйчел тут же взлетел до ста сорока ударов. Монитор неистовствовал. Рэйчел распирало от ощущения собственной силы. Еще

никогда она ничего подобного не чувствовала – как будто внутри у нее разорвались тысячи фейерверков. Это было похоже на чудо: все ощущения обострились до предела, и ей казалось, она сможет танцевать до конца жизни. Ей очень нужно было сейчас танцевать, двигаться. По-другому невозможно было выпустить ту искрометную энергию, которая скопилась внутри. И ей хотелось говорить, говорить, говорить, хотелось поделиться этими прекрасными чувствами со всеми и каждым.

Она уже даже открыла рот, но Адам ударил ее так сильно, что на левой руке остался красный и обжигающий след его ладони. Боль пронзила все тело, такая боль, которую никто не смог бы вынести. В этот раз она была гораздо сильнее, чем когда он бил ее тростью, во много раз сильнее. Рэйчел завизжала, и пульс на мониторе подскочил еще на двадцать ударов вверх. Затем медленно со ста шестидесяти ударов он вернулся к ста сорока.

– Номер пять, молчать. Ни слова.

Рэйчел потянула за ремни, желая высвободиться, но они были затянуты так туго, что кожаные стропы только глубже впились в руки. Она хотела вернуться в тот наркотический туман, в котором пребывала до укола. Там ей было тепло и спокойно, ничто ее не тревожило, там не было боли и криков. Адам взял в руки охотничий нож, и она вжалась в кресло. Сверкающее пятнадцатисантиметровое стальное лезвие было острым, как бритва. Она посмотрела на нож, затем – на Адама. Монитор запищал быстрее.

– Сейчас будет очень больно, – предупредил он.

К моменту, когда я принял душ и оделся, в номер принесли завтрак. Я снова заказал полный английский – мощную дозу холестерина, белка и калорий, которая должна была подзарядить мои батарейки. Кофе в большом количестве служило той же цели. У меня быстрый обмен веществ, модели за такую конституцию отдали бы все. Я никогда не набираю вес. Единственный недостаток состоит в том, что иногда уровень сахара в крови резко падает, и тогда меня словно выключают из розетки.

Я быстро съел завтрак и вышел на балкон с чашкой кофе. Небо опять было серым, какая-то особая довлеющая серость нависала над городом. Ожидались новые снегопады. Шестью этажами ниже закутанные люди торопливо шли по своим делам. До восхода солнца оставался еще час, а завтра будет самый короткий день в году. Через два дня день снова начнет прибавлять, а через пять дней настанет Рождество. Через два дня я еще буду здесь. Да и, наверное, через пять дней тоже буду. Я надеялся, что к Новому году сообщники будут пойманы, и я смогу наконец свалить из этой Сибири.

Я зажег сигарету и набрал Хэтчера. В семь утра он уже был на работе. Он рассказал мне о штрафе за парковку, и я издал все те звуки, которые можно ожидать от человека, когда он слышит какую-то новость впервые. Других новостей не было. Обнаружилось много студентов-медиков, которые со скандалом были отчислены из институтов, но ни один из них не подходил под описание маньяка. И точно так же не нашлось никого, кто подходил бы под описание тренировочной жертвы объекта.

Хэтчер что-то говорил, но я не вслушивался. Мне вдруг вспомнился отрывок из вчерашнего разговора с профессором Блейком, и я чуть не ударил себя за то, что своевременно не заметил важность именно этих его слов. Такие детали могут или спасти, или угробить расследование, могут решить вопрос жизни и смерти. Как говорится, дьявол в деталях, и он только и ждет, чтобы ты в них увяз. Профессор Блейк сказал мне, что Фримен сначала тренировался на грейпфрутах, а потом перешел на трупы. Грейпфруты и трупы – во множественном числе, а не в единственном. Я сказал Хэтчеру искать одну жертву, но вполне возможно, что для практики ему понадобился не один, а несколько человек.

– Нам нужно расширить критерии поиска для подопытного кролика, – сказал я Хэтчеру. – Во-первых, вполне вероятно, жертв несколько. Точное

количество зависит от того, как быстро объект научился делать лоботомию. Это могут быть как женщины, так и мужчины. Возраст – от тринадцати-четырнадцати лет и старше. Искать стоит среди неблагополучных категорий граждан – проститутки, бомжи, наркоманы. Скорее всего, верхняя возрастная граница – шестьдесят лет, потому что в более пожилом возрасте здоровье слабеет и есть риск смерти в ненужный момент. Вместе с тем я не стал бы сильно концентрироваться на верхней возрастной планке, этот вопрос саморегулирующийся в искомой категории – наркоманы вообще долго не живут. И забудьте про первоначальный портрет жертвы. Объект тренировался: он знал, что первые жертвы умрут. Его почерк – оставлять людей живыми, так что подопытные кролики не будут соответствовать критериям, по которым отбирались жертвы. Никаких темноволосых карьеристок мы больше не ищем.

– Просто отлично, – сказал Хэтчер. – А сузить эти критерии никак нельзя?

– Жертва будет необычной, – заверил я его. – Поскольку объект тренировал свои хирургические навыки, будут следы вмешательства в мозг. Пусть ваши люди обзвонят всех судмедэкспертов. Даже если дело было пару лет назад, они вспомнят что-то похожее. Он мог, например, попытаться замести следы.

– Как?

– Мог проломить молотком лоб, чтобы скрыть попытки добраться до префронтальной коры. Или он мог отделить голову от тела и избавиться от нее отдельно. Включи воображение!

– Включи воображение, – отозвался Хэтчер.

В его голосе была злость и напряжение, которые возникают, когда охотишься за призраками и тенями и понимаешь, что зашел в тупик. Я представил, как он склоняется над столом, устало качает головой и трет свои грустные, как у бассет-хаунда, глаза, задаваясь вопросом, почему он не стал бухгалтером, инженером или упаковщиком в магазине. Кем угодно, только не полицейским.

– Мы поймаем их, – сказал я.

– Хорошо бы это случилось раньше, чем позже.

Хэтчер тяжело вздохнул. В его вздохе были тонны невысказанной печали.

– Что случилось? – спросил я.

Еще один, еще более тяжелый вздох.

– Только если все останется между нами.

– Можешь считать, что говоришь со своим духовником, – ответил я.

– Ходят слухи, что меня снимают с расследования.

– Не обращай внимания. Слухи ходят всегда, так было и так будет. Знаешь, как всегда бывает? В девяти случаях из десяти за ними ничего не стоит. Просто дым без огня! Наверняка кто-то из зависти что-то распускает или из политических соображений. В общем, кроме тебя, на твоём месте никого быть не может, Хэтчер.

– Спасибо за доверие, но только это как раз десятый случай из десяти, когда слухи имеют основание. СМИ давят на руководство, и это давление спускается дальше по лестнице как раз на меня. Сейчас им нужно найти козла отпущения, а я первый в списке. Все желают знать, почему мы до сих пор не поймали этого негодяя. А под «мы» имеется в виду я. И они правы. Я гоняюсь за ним уже больше года, а он все еще на свободе. Похищение Рэйчел Моррис стало красной тряпкой для прессы. Загляни в сегодняшние газеты, там ничего хорошего. В прессе муссируют эту историю и нагоняют страх. Люди запуганы.

– Ну, тогда давай бросим прессе кость.

– О чем ты говоришь, Уинтер?

– Дай мне пару часов кое-что уладить.

– То есть ты даже мне не расскажешь, о чем речь? Отлично, – он вздохнул еще раз. – Давай быстрее. Ты мне нужен здесь.

– Буду так скоро, как только смогу.

Я закончил разговор, сделал последнюю затяжку, затушил сигарету о перила и поспешил вернуться в теплую комнату. Внизу на ресепшене для меня вызвали такси. Через пять минут машина была у входа. Я сел, дал водителю адрес и откинулся на сиденье.

Как только мы отъехали, я сразу понял, что за нами следят.

«Ягуар Х-тайп» следовал прямо за нами – настолько близко, что я смог разглядеть двух мужчин на передних сиденьях. Водителю было хорошо за сорок, он был худой и очень напряженный. Его товарищ был помоложе, высокий, широкий и грузный. Он явно был на вторых ролях. Водитель даже и не пытался скрыть, что он нас преследует. Он дублировал все наши движения, на каждом повороте. Когда водитель такси включал поворотник, «ягуар» делал то же самое. Я постучал по разделительной перегородке, и таксист опустил ее.

– Да? – спросил он.

Это был белый мужчина с пивным животом, лет шестидесяти. Мне он показался весельчаком, всю жизнь проработавшим водителем такси. Я кивнул в сторону зеркала заднего вида.

– Видите «ягуар» за нами? Дам двадцать фунтов сверху, если мы сможем оторваться.

– Без проблем.

Он надавил на газ, и я посильнее ухватился за ремень безопасности. Мы стали сворачивать на маленькие улочки, не включая поворотники, лавировали в пробках, подрезали, как только можно, вызывая хор недовольных сигналов со всех сторон. Таксист вел машину очень рискованно, и я уже перестал считать, сколько раз мы резко уходили в поворот в самую последнюю секунду. Адреналин зашкаливал, и я держался за ремень так, что костяшки пальцев побелели. В зеркало заднего вида я видел, как сильно происходящее нравилось водителю. Он широко улыбался и явно развлекался на полную катушку. Он был похож на маленького мальчика, который вдруг оказался внутри голливудского боевика.

Таксист был мастером своего дела. Но, к сожалению, худой водитель «ягуара» был еще большим асом. Он следовал за нами по этим американским горкам всю дорогу, отставая в худшем случае на пару машин. Мы подъехали к повороту к Данскомб-Хаус, проехали по уже знакомым рытвинам. Водитель, как мог, пытался объехать самые глубокие кратеры. Когда мы подъехали к входу, «ягуар» остановился на парковке в пятидесяти метрах от нас.

– Извините, я сделал все, что мог, – сказал мне водитель такси.

– Да, конечно, – и я дал ему двадцать фунтов сверху, несмотря на отсутствие нужного мне результата.

Он развернулся и уехал. «Ягуар» остался. Я жестом поприветствовал водителя, подошел к входной двери и нажал на звонок. За стойкой ресепшена была та же администратор, что и вчера. Она назвала меня «детектив Уинтер», и я не стал ее исправлять, дабы не усложнять себе жизнь и не пускаться в пространные разъяснения. Она вписала мое имя в журнал посетителей, и я прошел мимо высокой елки в комнату дневного пребывания.

Сара Флайт сидела ровно на том же самом месте, что и вчера. Ее стул был развернут к окну, по ту сторону которого по-прежнему виднелись равнины, которые Сара никогда не увидит. Я подставил стул и сел рядом.

В комнате находились те же самые люди, что и вчера. Из десятка витающих в облаках пациентов кто-то играл в карты, кто-то разговаривал сам с собой, кто-то смотрел в одну точку. Дежурила та же пара санитаров, что и вчера. Они сидели за своим столом и выглядели такими же скучающими, как и вчера. Телевизор в углу работал, но почти беззвучно, так что невозможно было расслышать, что говорили люди на экране.

Приди я сюда завтра, через год, через десять лет, все будет примерно так же. Лица изменятся, но телевизор так же будет работать сам для себя. Наверху раздался визг, и я автоматически дернулся в его сторону. Больше в комнате на этот звук не среагировал никто, даже санитары остались равнодушны. Они на мгновение прервали свою беседу, а затем продолжили ее, как будто ничего не произошло. Затем последовал еще один душераздирающий визг. Нельзя было даже понять, кричит женщина или мужчина.

– Как дела, Сара?

Сара смотрела в сторону окна невидящим взором. Ее грудная клетка поднималась и опускалась в соответствии с командами, поступающими из продолговатого мозга. Волосы у нее были спутаны после сна, из угла рта тонкой струйкой текли слюни. В этот раз я захватил с собой пачку салфеток и вытер ей рот.

На улице работник сгребал опавшие листья. Следы, которые он оставлял на снегу, фиксировали его маршрут. Рядом аккуратными параллельными дорожками тянулись следы шин его маленького трактора. Они были похожи на железнодорожные пути. Высокая и сильная араукария чилийская уходила ветвями в грифельно-серое небо. Мир по ту сторону стекла был покрыт матово-тусклым сиянием зимы.

Сара ничего этого не видела. Наверняка она сидела на одном и том же месте каждый день, перед ней ежедневно был один и тот же пейзаж. Будут сменяться времена года, а она даже не будет об этом знать. Эта мысль

вгоняла в тоску, но еще тяжелее было осознавать, что Сара никогда не сможет пожаловаться на то, что ей приходится каждый день смотреть на одно и то же.

Я откинулся на стуле, скрестил ноги и стал ждать. Долго ждать не пришлось. В комнату вошла Аманда Куртис, мать Сары – я услышал, как она легко и четко ступает по деревянному полу. Проходя через комнату, она взяла стул и поставила его рядом со стулом дочери. От пережитого стресса на ее лице и вокруг глаз образовались морщины. Седину она закрашивала. Они с дочерью были очень похожи, отличались только возрастом.

У Аманды, как и у дочери, на безымянном пальце не было обручального кольца. Это было действие хорошо известного мне эффекта схода лавины: у каждой жертвы психопата появляются свои собственные жертвы. Маньяк источает яд, как ядерный взрыв – радиацию. Она невидима, но ничуть не менее разрушительна.

– Доброе утро, милая, – Аманда Куртис убрала со лба Сары волосы, чтобы поцеловать, потом села и остановила взгляд на полях.

Какое-то время она просто сидела и смотрела, не говоря ни слова. Я задавался вопросом, что же она видит, какое воспоминание поглотило ее.

– В первый день они оставили Сару сидеть лицом к стене, – говорила Аманда своему отражению в стекле. – Я знаю, это глупо, но я так разозлилась. Почти так же, как в тот день, когда узнала, что с ней случилось.

– Это не глупо, – отозвался я.

– Мне легче думать, что в ней еще живет кусочек той Сары, которую я любила. Я знаю, что это не так, но все равно, – ее голос затих, и какое-то время она собиралась с мыслями. – Саре понравился бы этот вид. Ей всегда очень нравилось проводить время на воздухе. В детстве, когда она играла на улице, она была самой счастливой. Она любила ездить на лошади. Я замирала от страха, когда смотрела, как она несется верхом, преодолевает препятствия. А она совсем не боялась. И я никогда не останавливала ее, потому что это означало отобрать у нее частичку себя, своей личности.

Аманда положила свою руку на руку дочери. Этот жест перенес ее из воспоминаний в реальность происходящего в этой комнате. Она перевела свой печальный взгляд на меня.

– Что я могу для вас сделать, детектив?

– Я пришел просить у вас разрешения убить вашу дочь.

Всего на теле было четыре раны. Одна – на животе, по одной на каждой руке, четвертая – на бедре. Они были как метки, выжженные на коже. Самый длинный и глубокий порез был десять сантиметров в длину на левом бицепсе. Она потеряла сознание к тому моменту, когда Адам начал резать бедро, и поэтому этот порез она не помнила. Он был самый короткий, всего два с половиной сантиметра в длину. Он перестал резать, как только она перестала кричать.

Пока Рэйчел была без сознания, Адам обработал раны антисептиком и наложил саморассасывающиеся швы. Запах бактерицидного средства впитался ей в кожу. Она по-прежнему сидела в стоматологическом кресле, но ремни уже были расстегнуты. Без одежды было холодно, а от долгого нахождения в неудобном положении мышцы затекли.

Резко зажегся свет, и пульс у Рэйчел взлетел до небес. Она мигом припала взглядом к собачьей створке и стала ждать, что сейчас Адам озвучит следующую инструкцию или что-то вылезет из-под створки. Но ничего не происходило. Вскочив с кресла, Рэйчел чуть не упала – голова кружилась от обезвоживания и побочных эффектов лекарств. Она чувствовала сильную слабость. Ей удалось доковылять до ближайшего угла, откуда она уставилась в глазок камеры.

– Что тебе надо от меня? – закричала она.

Колонки по-прежнему молчали.

– Что тебе надо? – прошептала она.

Рэйчел сползла по стене на колени и свернулась в клубок. Горячие слезы текли по щекам, и она вытирала их тыльной стороной руки. Она вдруг ощутила весь ужас происходящего, и безысходность ее положения была просто невыносима. Она больше ни разу не увидит солнца, не ощутит тепла его лучей в ясный день, никогда не пройдет по горячему песку, не ощутит его пальцами ног. Она никогда не поболтает с подругами, не посмеется с ними за бокалом вина, не поест в любимом ресторане.

Она думала о том будущем, которого лишилась. Она привыкла думать, что когда-нибудь у нее обязательно будет ребенок, а может, два или три. Джейми говорил ей, что тоже хочет детей, но всякий раз, когда она поднимала эту тему, он придумывал какую-нибудь отговорку, почему сейчас не самое лучшее для этого время.

Она не будет скучать по Джейми – это она хорошо понимала, и

заплакала еще сильнее, горюя о впустую потраченных годах. Отец был прав: она могла бы жить совсем по-другому, гораздо лучше. Когда он это говорил, она считала, что он зря паникует, но сейчас ей стало очевидно, что он был прав. Рэйчел вытерла слезы и подняла голову. Теперь она жила совершенно в другом мире – в клетке двадцать на двадцать метров с холодной плиткой на полу, окровавленным матрасом и стоматологическим креслом. И ее будущее целиком и полностью зависело от извращенных капризов Адама.

– Перестань, – зашипела она на саму себя. – Хватит, хватит. Хватит!

Рэйчел поняла, что заговорила вслух и замолчала так же резко, как и начала. Говорить с собой – это плохой знак, только сумасшедшие говорят сами с собой. Означало ли это, что она начала сходить с ума? И, если она сходила с ума, так ли это плохо? Если ее сознание не выдерживает ужаса ситуации, сойти с ума означало убежать, спастись. Подумав какое-то время, Рэйчел решила, что все-таки это нежелательное развитие событий и больше похоже на опускание рук.

Собачья створка щелкнула, и Рэйчел увидела, что через нее просовывается ведро. Она подождала инструкций долгие две минуты, но колонки молчали. Она подождала еще минуту, предполагая, что это какая-то новая шутка Адама. Колонки по-прежнему молчали.

Рэйчел встала и робкими шагами пересекла комнату. Кресло она обходила на большом расстоянии, но, как замороженная, смотрела на него, на кровавые пятна на подлокотниках. Пятен было больше, чем раньше. Она наконец подошла к двери и заглянула в ведро. В нем была вода с пенным раствором, в пене плавала губка. Рядом с ведром лежало полотенце и смена белья и одежды, а также тубик с антисептиком.

– Тебе станет лучше, если ты помоешься, – прошептала Ева. – И я принесла мазь, чтобы раны не воспалились.

– Спасибо.

– Мне очень жаль, что Адам сделал тебе больно. Я просила, чтобы он не делал этого, но он просто смеется надо мной. Он говорит, что я дура.

– Ты не дура, Ева.

– Я дура, дура, дура, – в голосе Евы слышалась злость на саму себя.

– Брат знает, что ты здесь, Ева?

Ева долго молчала, и Рэйчел уже подумала, что ответа не последует.

– Он уехал. Он сказал мне, что ты должна вымыться до того, как он вернется. Тебе надо помыться, а то у меня будут проблемы.

Рэйчел слышала волнение в ее голосе. Она могла себе представить, насколько ужасно Еве было жить с Адамом. Она здесь провела всего

несколько дней и уже начала говорить сама с собой. Каково же было жить с ним годами?

– Не волнуйся, Ева, я вымоюсь.

Рэйчел разделась и стала водить губкой по телу. Вода была горячая и пахла лавандой. Она стерла с кожи засохшую кровь и грязь, избегая порезов, чтобы случайно не нарушить сохранность швов. Умывшись и немного поколебавшись, она провела губкой по черепу. Вода остывала очень быстро. Закончив, она положила губку назад, в ведро, вытерлась и нанесла на раны мазь. Они сильно зацепали, и она сморщилась от боли. Рэйчел надела комплект чистой одежды, который в точности повторял только что снятый ею – серая толстовка, серые спортивные штаны, белые хлопковые трусы. Не было ни носков, ни туфель, ни тапок. Она не была уверена, насколько далеко ей можно зайти в общении с Евой, и решила, что выжмет максимум.

– Если бы мы с тобой познакомились в других условиях, Ева, мне кажется, мы стали бы подругами.

– Нет, не стали бы, – каждое слово она произнесла, как отрезала. В ее голосе слышалась злость, только на этот раз эта злость была явно направлена на Рэйчел. – Мы никогда бы не подружились, потому что ты красивая, а я – уродина.

– Ты не уродина.

– А ты откуда знаешь? Ты меня не видела.

И прежде чем Рэйчел успела ответить, свет в подвале выключился, и она услышала, как Ева озлобленно топает по коридору, поднимается по деревянным ступеням, открывает и закрывает дверь где-то вдалеке.

Просто отлично! Рэйчел была зла на саму себя – надо же было так перестараться! Никогда ей не хватало терпения в жизни. Теперь оставалось надеяться, что она не окончательно разрушила их с Евой отношения. Она не представляла себе, как она сможет выбраться отсюда без помощи Евы. Рэйчел уже было пошла назад, к матрасу, когда вдруг поняла, что в цепочке звуков, которые она слышала во время ухода Евы, не хватало одного: она не слышала, как щелкнул замок собачьей створки.

Я достал из пачки сигарету и сжал ее губами. Дул резкий северный ветер, и мне пришлось прикрыть рукой зажигалку, чтобы прикурить. Облака становились все темнее и ниже. Мне казалось, что надо мной смыкаются своды бетонного склепа. Ветер предвещал снегопад.

«Ягуар» стоял на том же месте. Водителя не было видно за развернутой газетой, которую он читал. На первой странице газеты я увидел крупный заголовок: «ДЖЕК-ГОЛОВОРЕЗ». Ничего удивительного, что они так быстро подхватили прозвище, СМИ очень любят такие вещи. Сидящий на пассажирском месте напарник увидел меня и пнул локтем своего соседа. Тот мигом закрыл газету, сложил ее и перекинул через плечо. Я подошел к машине и сел на заднее сиденье.

– Отвезите меня к своему начальнику, – сказал я.

Парочка обменялась непонимающими взглядами. Эта ситуация явно не была прописана в их сценарии. Им было сказано следить за мной и наблюдать, а про то, чтобы возить меня, сказано ничего не было. Тощий посмотрел на своего товарища и пожал плечами, тот ответил ему тем же. Было очевидно, что мозговым центром пары был тощий водитель. Он еще раз посмотрел на меня и принял решение. Он завел машину и поехал по колдобинам к главной дороге.

Чтобы убить время, я взял газету, которую он только что читал. Наше дело занимало с первой по четвертую страницы, и в некоторых словах я даже узнавал собственные высказывания. Единственным логичным выводом было то, что кто-то из команды Хэтчера выступил информатором СМИ. Я готов был ставить деньги на старого седого детектива. Очевидно, его лучшие дни остались позади, и сейчас ему было бы приятно увидеть напечатанный в газете текст и знать, что он – реальный автор, одурачивший всех. Все это было грустно и выглядело жалко, не говоря уже о вреде для расследования.

Первую страницу занимала крупная фотография Рэйчел Моррис под заголовком: «Последняя жертва ДЖЕКА-ГОЛОВОРЕЗА». Больше никакого текста на странице не было. Я не видел эту фотографию, значит, ее предоставил не Скотланд-Ярд, а Дональд Коул.

Фотография была явно обработана. Кожа Рэйчел выглядела гладкой, как у модели. С цветом лица тоже поиграли, придав ему здоровый румянец. Зря пресса все это делала! Жертв нужно представлять похожими на людей,

а не наоборот. А людьми нас делают недостатки и слабости. Накопленные за жизнь морщинки – лучшие рассказчики нашей жизни. В остальном это был обычный снимок. Рэйчел беззаботно улыбалась на камеру, ее глаза сияли. Фотография словно говорила, что этой женщине было для чего жить, и перед ней раскрывался целый мир возможностей.

Мы подъехали к офису «Коул-Недвижимость» и припарковались рядом с «мазератти» владельца. Парочка сопровождала меня на третий этаж. Мы вместе прошли по коридору, слева меня шел тощий водитель, а толстый второй номер – справа. Когда мы дошли до офиса Коула, эстафету приняла его помощница. Она постучала в дверь, и низкий, глухой голос по ту сторону велел нам войти. Даже из-за двери чувствовался запах сигары.

Водитель успел предупредить Коула о нашем прибытии, и он нас уже ждал. По кивку начальника помощница вышла и аккуратно закрыла за собой дверь. Он сидел на кожаном диване, и я сделал вывод, что Коул хочет, чтобы наша встреча носила как можно более неофициальный характер. На прозрачном стеклянном столике лежала стопка документов, и на верхнем листе я увидел мое имя – он собрал на меня досье и хотел, чтобы я об этом знал. Что ж, интересно.

Коул курил сигару – толстую и дорогую. Учитывая его любовь к шаблонным символам статуса, она была явно кубинская. Я зажег сигарету и сел на короткую часть углового дивана. На стенах за диваном висели фотографии скаковых лошадей Коула.

За последние сутки Дональд Коул постарел на десять лет. Он выглядел ужасно. Мне были хорошо знакомы эти последствия шока, стресса и безысходности от нахождения в порочном круге мыслей, начинающихся с «а вдруг». Он страдал, и единственное, что могло ему помочь – возвращение дочери, живой и здоровой.

– Лондонская полиция – беспомощные куклы, они собственную задницу с картой не найдут, – загремел Коул, рассекая воздух сигарой. – А вот вы выдавали хорошие результаты.

– Уберите от меня телохранителей. Мне няньки не нужны.

– Неважно, что вам нужно. Важно, что нужно сделать, чтобы вернуть мне дочь.

– Я сам о себе способен позаботиться. Телохранители мне не нужны.

– Нужны, и я объясню почему. С вами что-нибудь случится, и я больше не увижу дочь. Что делается сейчас, чтобы ее найти?

– Все возможное и невозможное.

Коул презрительно фыркнул:

– И что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Послушайте, я понимаю, как вам сейчас трудно. Я понимаю: вы привыкли управлять процессом, а сейчас вы в ситуации, которую не можете контролировать, и все усугубляется тем, что у вас есть деньги. Это плохое сочетание. Сейчас вам кажется, что вы помогаете, но на самом деле все наоборот – вы просто вставляете нам палки в колеса.

– Вы отец? У вас есть дети?

Я покачал головой и стряхнул пепел с сигареты в стеклянную пепельницу на столе.

– Значит, вы ничего не можете понять, – и Коул наградил меня своим тяжелым взглядом.

– Вы закончили? – спросил я.

– Я хочу вернуть дочку.

– Ну, хотя бы в чем-то мы с вами едины, – сказал я и сделал еще одну затяжку. – Послушайте, я верну Рэйчел, но вы должны уйти с дороги и дать мне возможность делать свое дело. Это означает никаких вознаграждений и никаких нянек. У вас в голове есть свое представление о том, что поможет Рэйчел. Я хочу, чтобы вы о нем забыли прямо сейчас, потому что то, о чем вы думаете, ей не поможет. Я это гарантирую. Даже больше скажу: вы, скорее всего, убьете ее своими действиями.

Коул смотрел на меня, и в его взгляде больше не осталось ни следа самоуверенности. На секунду он стал похож на сотни других шокированных родителей, которых я видел за годы работы. Не факт, что с ним когда-нибудь кто-нибудь говорил так, как я сейчас. И если даже и говорил, не факт, что этот кто-то еще жив.

– Если вы мне ее не вернете живой и здоровой, я буду считать вас лично ответственным. Вы понимаете это, да?

– Вы закончили? – я затушил сигарету в пепельнице и кивнул в сторону пачки бумаг на столе, в первый раз признавая ее наличие. – Вы хорошо подготовились и знаете, что я добиваюсь результатов.

– Не всегда.

– По большей части.

– Будем надеяться, этот раз относится к большей части, – сказал он.

– Будем надеяться.

Я встал, собираясь уходить.

– Подождите секунду.

Коул подошел к своему столу и вытащил из одного из ящичков визитку. Он написал что-то на обороте позолоченной ручкой и дал визитку мне.

– Здесь мой личный номер. По нему вы сможете связаться со мной в любое время суток семь дней в неделю. Если вам что-нибудь понадобится –

все, что угодно, – просто позвоните.

– Где, черт возьми, тебя носило?

– Тоже рад тебя видеть, Хэтчер.

– Seriously, Уинтер, где ты был?

Мы находились в офисе Хэтчера, который представлял собой маленькую каморку на четвертом этаже, до которой можно было докричаться из диспетчерской. Комната была так же заполнена вещами, как и у профессора Блейка, только без какого-либо книжного очарования. Стол был завален папками и бумагами так, что не было ни одного свободного сантиметра столешницы. Мебель была некрасивая, но зато дешевая и практичная. Стилевое разнообразие позволяло проследить, как развивались мебельные тенденции, начиная с восьмидесятых годов прошлого века.

Темплтон держалась ближе к двери, готовая ускользнуть при первой возможности. По ее поведению можно было понять, что она очень не хотела быть здесь, а в ее недоуменном выражении лица читалось непонимание, зачем я привел ее сюда.

– Я хочу, чтобы ты собрал пресс-конференцию, – сказал я.

– Это шутка, да? Ты газеты сегодняшние видел? Пресс-конференция – последнее, что нам нужно.

– Сара Флайт мертва, так что дело переквалифицируется в убийство.

– О чем ты говоришь? Я бы знал, если бы Сара Флайт умерла.

Я достал из кармана лист бумаги и передал его Хэтчеру. Он прочитал и нахмурился.

– Это какая-то шутка? – спросил он.

– Нет, это письменное разрешение Аманды Куртис на то, что мы можем сказать прессе, что ее дочь умерла.

– И зачем нам это надо?

– Чтобы вбить клин между сообщниками. Они активизировались, процесс набирает обороты, пришло время нагнать напряженности.

– Мы не можем объявить человека мертвым, если он жив.

Я только пожал плечами.

– Это противоречит этическим нормам.

Я еще раз пожал плечами.

– Нам придется врать СМИ.

– Что, конечно, ужасно, потому что СМИ никогда, ни при каких условиях не врут, – ответил я.

Темплтон не смогла сдержать смешок. Он вырвался до того, как она успела его осознать. Хэтчер посмотрел на нее так, как будто только что заметил ее присутствие в комнате.

– А ты вообще что тут делаешь?

– Она даст пресс-конференцию, – ответил я.

– Нет, это даже не обсуждается, – сказала Темплтон. За эти пять слов тон ее голоса поднялся на половину октавы.

– У тебя отлично получится.

– Читай по губам, Уинтер. Нет! Я не буду давать пресс-конференцию.

– Темплтон! – резко оборвал ее Хэтчер, и она свирепо уставилась на него.

– Выйди. Сейчас. Мне нужно поговорить с Уинтером. Наедине.

Темплтон перевела взгляд с Хэтчера на меня, затем снова посмотрела на Хэтчера. Лицо ее было напряжено, губы плотно сжаты. Во взгляде читались то ли злость, то ли ненависть, то ли страх – однозначно сказать было нельзя. Она вздохнула, покачала головой и вышла из комнаты. Хэтчер подождал, пока за ней закроется дверь, и повернулся ко мне.

– Помнишь, о чем мы говорили с тобой утром? О том, что меня снимают с расследования? Если я проверну что-то подобное, меня не только снимут с этого дела, меня еще и уволят.

Я вытащил сигареты, и Хэтчер угрожающе посмотрел на меня:

– Даже не вздумай!

Его вид подтверждал серьезность его слов, поэтому я засунул пачку назад в карман, переложил стопку папок с единственного более-менее свободного стула в кабинете и сел.

– Тебя не уволят, Хэтчер. В худшем случае тебе выпишут дисциплинарное взыскание и понизят до обычного детектива. И комиссаром тебе уже не стать никогда.

– Пресс-конференции не будет.

– Ты сам пригласил меня консультантом по этому делу. Действуя в этом качестве, я официально рекомендую тебе провести пресс-конференцию и сказать СМИ, что Сара Флайт мертва и что дело переквалифицировано в убийство.

Хэтчер вздохнул.

– Ты когда-нибудь использовал эту тактику?

– Она работает, – заверил я его.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Сообщники катятся по наклонной, сейчас они очень уязвимы. Если мы ударим в правильное место, то сможем дестабилизировать их

отношения. Женщине важно, чтобы жертвы оставались живы. Если она поверит, что одна из ее кукол умерла, это ее убьет. Чувство вины зашкалит.

– А насколько это рискованно для Рэйчел?

– Незначительно.

– Что значит «незначительно»?

Я пожал плечами.

– Есть риск, что Рэйчел от этого будет хуже?

– Конечно, риск есть. Каждое наше движение несет в себе риск. И если ничего не делать, это тоже риск. Это должно сработать, Хэтчер. Доверься мне.

– Ладно. Может, снова стать детективом – не такая уж и плохая перспектива.

– Ответственности у тебя точно станет меньше, – сказал я. – Кто сообщит хорошую новость Темплтон?

– Ты, однозначно.

– Кстати, того старикана, который мне выносил мозг на брифинге, переведи куда-нибудь подальше от себя. У вас в структуре полиции есть аналог Аляски?

– Только потому, что он тебе выносил мозг?

– Нет, потому что он сливает информацию СМИ.

– А как ты это понял?

– Потому что кто-то сливает, и это он.

– Мне нужны доказательства.

– Не нужны. В рамках своей команды ты царь и бог, можешь карать безнаказанно.

Хэтчер засмеялся.

– Ты же знаешь свою команду. Кому выгодно сливать информацию? Той молодой девочке, у которой вся карьера впереди? Или тому, кто давно застрял на уровне сержанта полиции и готов любым способом отомстить организации, которая его поймала, и заработать попутно пару фунтов?

Хэтчер вздохнул, потом наморщился, и его усталое лицо потухло.

– Займусь бумагами, – сказал он.

Рэйчел нажала на створку, и она поддалась. Сначала она отодвинула ее всего на пару сантиметров и сразу же снова закрыла, уверенная, что она скрипнет. Сердце билось, как сумасшедшее, легкие, казалось, не помещались в груди, и дышать было почти невозможно. Рэйчел прислонилась к стене, закрыла глаза, чтобы не видеть темноту, и дала себе команду успокоиться, раз за разом шепотом повторяя: *успокойся, успокойся, успокойся*. Сработало: постепенно пульс пришел в норму, и дыхание стабилизировалось.

Она еще раз вспомнила разговор с Евой. Ева сказала, что Адама нет дома и что он скоро вернется, но что конкретно это значило? Понятие «скоро» было абстрактное и относительное. Непонятно было, вернется он через час или через пять минут. Понятно было одно – сидеть здесь, гонять по кругу одни и те же мысли, разговаривать с собой – это трата ценного времени. Вдруг это ее шанс на побег? Вдруг это ее единственный шанс? Какими бы ни были последствия, она должна хотя бы сделать попытку, потому что иначе она замучает себя сожалениями в следующий раз, когда Адам решит привязать ее к креслу.

Она открыла створку на всю ширину. Осознавая, что время идет, Рэйчел тем не менее заставила себя остановиться: не слышно ли где-нибудь присутствия Евы или Адама. Но из звуков до нее доносился только шум допотопной отопительной системы и редкий скрип старых деревянных перекрытий. Ей казалось, что она даже слышит свист ветра на улице за домом.

Рэйчел просунула голову через створку, затем плечи – одно за другим. Ей пришлось протискиваться по диагонали, потому что так было больше шансов пробраться сквозь маленькое отверстие створки. И все-таки оно оказалась слишком узким: Рэйчел пробовала продвигаться вперед по чуть-чуть то одним боком, то другим, но ничего не помогало. Она застряла. В голове последовательно возникали образы кресла, трости и ножа. Адам найдет ее в таком вот положении, и последует наказание.

Ей не хотелось думать о том, что он сделает, потому что любая его фантазия окажется страшнее, чем все то, что она уже пережила. Рэйчел опять стала пытаться сдвинуться с места, по миллиметру, царапая о грубый пластик кожу на руках и груди. Страх был сильнее боли. Наконец она почувствовала, что пролезла через створку полностью и уже лежит на

холодном полу, задыхаясь от нахлынувшей эйфории.

В коридоре было так же темно, как и в комнате, и на пару градусов теплее. Она ползла по бетонному полу, пока не добралась до кирпичной стены. Держась за нее, она встала и пошла по коридору. Рэйчел старалась передвигаться как можно быстрее, не представляя себе, какие препятствия могут задержать ее на пути.

Через двадцать метров от двери оказался крутой поворот налево. Рэйчел остановилась и прислушалась, прежде чем идти дальше. Через пару метров после поворота она уперлась в лестничный пролет, ступеньки которого были такие же холодные, как и пол в коридоре. Над пролетом была дверь, из-под которой виднелась полоска дневного света. Это был первый раз за все время, начиная со среды, когда ее глаза увидели свет. И ей так и не было известно, сколько точно времени прошло со среды.

Рэйчел заставила себя лезть по лестнице медленно. Это было непросто – слишком уж сильно она хотела на волю. В этой полоске света, в легком движении воздуха ей виделась свобода. Но если бы она упала и сломала шею, ее близость к свободе уже не имела бы никакого значения, поэтому она заставляла себя продвигаться медленно. Она добралась до двери и еще до того, как взяться за ручку, уже знала, что дверь будет заперта. Ей повезло добраться до двери, но на этом запас удачи должен был закончиться.

Она повернула ручку, и дверь открылась. Рэйчел ступила в узкий коридор с высоким потолком. Дом был большой и старый, точно такой, каким она себе его и представляла, сидя в своей клетке в подвале. Казалось, что время здесь течет медленнее, чем в остальном мире, как в музее. Из окна, которого она пока не видела, струился мягкий солнечный свет, озаряя пространство. Под ногами у нее были холодные, отшлифованные за долгие годы, блестящие доски. Пахло полиролью и апельсинами.

Рэйчел остановилась, стараясь уловить какие-нибудь признаки жизни, и пошла на свет. Она повернула за угол и оказалась в большом открытом холле. Справа была широкая лестница с красным ковром и портретами предков в позолоченных рамах. Она дважды взглянула на портрет, висевший над первым пролетом ступеней. Сходство с Адамом было невероятным.

Впереди была входная дверь. Рэйчел снова остановилась и прислушалась. Где была Ева, наверху? Или где-то здесь? Возможно, на кухне? Где бы она ни была, она не издавала ни звука. А может, она пряталась где-то и наблюдала за Рэйчел?

Она отбросила эту мысль. Это просто паранойя, и не нужно видеть в каждой тени привидение, не нужно выдумывать то, чего нет. Это игры

воображения, подгоняемого страхом и тревогой. Рэйчел быстро пошла к входной двери. Она уже прошла половину пути, когда кое-что попало в поле ее зрения, и она замерла: напротив лестницы, на маленьком антикварном столике стоял телефонный аппарат. Он был бледно-бежевого цвета, старомодный, но не антикварный. Это был кнопочный телефон, со спиральным шнуром и проводом, подсоединенным к розетке у плинтуса.

Рэйчел подбежала и сорвала трубку. Первой мыслью было позвонить в полицию, второй – позвонить сначала отцу. Она прижала трубку к уху. Гудка не было, в трубке была тишина. И вдруг в ней раздался слабый трескучий голос, который она сразу же узнала. Кровь застыла в ее жилах, ноги подкосились, и она сползла на пол, не выпуская трубки из руки. Слова, которые она услышала, пронзили ее насквозь.

– Привет, номер пять.

– У тебя отлично получится, – сказал я Темплтон.

Она злобно смотрела на меня. Если бы взглядом можно было убивать, я бы сейчас уже был в морге. В темноволосом парике и коричневых контактных линзах она была совсем не похожа на себя, а форма добавляла ей важности. Парик и линзы задумывались для сообщницы-тихони. Когда она увидит Темплтон, то невольно вспомнит о своих куклах. Новость о том, что одна из них мертва, станет для нее тяжелым ударом, а то, что эта новость исходит от девушки, которая очень похожа на ее куколку, только усилит впечатление. И эта новость станет ударом для их отношений. Если правильно воздействовать на нужное место, можно расколоть все, что угодно. Даже алмаз.

– У тебя все будет хорошо, – сказал я еще раз.

– Тебе-то легко говорить, не ты сейчас отправляешься в клетку ко львам! – она выпрямила ворот пиджака и оправила рукава. – Я как будто в смирительной рубашке, черт возьми!

И прежде чем она еще что-то успела сказать, я открыл дверь и подтолкнул ее к выходу.

– Ни пуха, ни пера! – прошептал я ей.

Темплтон бросила в мою сторону еще один убийственный взгляд и вошла в зал с журналистами, как настоящий профессионал – спокойно и уверенно, ничем не выдавая своего волнения. Она поднялась на трибуну, и переполненная представителями прессы комната затихла.

Камера в зале была только одна, трансляция для новостных каналов велась с 20-секундной задержкой. Если мне не понравится что-то из того, что я услышу и увижу, я нажму красную кнопку, и передача сигнала остановится. И десяти секунд задержки было бы достаточно, но мы предпочли перестраховаться, потому что сейчас ошибок мы позволить себе не могли. У нас был всего один шанс. Чтобы затея сработала, мы должны иметь полный контроль за исходящей информацией и за тем, что покажет телевидение. Никто не слушает новости по радио, а к тому времени, как завтра выйдут газеты с новостями, будет уже поздно. Поэтому крайне важно было передать ее по ТВ. Если фотография заменяет тысячу слов, то подвижная картинка стоит десяти тысяч.

Время для пресс-конференции было выбрано так, чтобы мы попали в дневные выпуски новостей. Если не случится масштабных терактов и

никто из суперзвезд не умрет, пресс-конференция продержится в статусе главной новости вплоть до вечерних шестичасовых новостей, а может, и дольше. Мы получим максимальный выхлоп, максимальный охват.

– А она хорошо там смотрится, – сказал Хэтчер. Он сидел рядом со мной и напряженно смотрел на экран. – Надо будет почаще привлекать ее к этим вещам, особенно когда надо объявить плохую новость. Легче слушать плохие новости, если они исходят от симпатичной девушки.

– Да, мне тоже, – согласился я.

Темплтон посмотрела прямо в камеру и представилась инспектором полиции Софи Темплтон. Хэтчер застонал:

– Твоя идея, как я понимаю.

– У людей будет больше доверия к словам инспектора полиции, – заметил я, не сводя глаз с экрана.

Темплтон начала читать подготовленный мной текст заявления. Она не обращала внимания на журналистов и говорила с камерой, как будто больше в комнате никого не было. Она держалась раскованно и делала все так, как мы договаривались, – смотрела спокойно, а не пристально, дышала легко, не делала тяжелых вздохов.

Заявление было коротким и строго по делу. Сара Флайт умерла сегодня ночью, смерть наступила вследствие серьезных повреждений мозга, которые она получила, находясь в плену. Ее дело сейчас переквалифицировано полицией в убийство.

Затем Темплтон перешла к Рэйчел Моррис. Она подробно описала ее последние передвижения с момента ухода с работы и до выхода из «Охотника». Закончила она стандартным обращением к гражданам поделиться полезной для следствия информацией.

Это был сигнал журналистам начать забрасывать ее вопросами. Им было сказано, что возможности задать вопросы не будет, но они не могли не попробовать. Темплтон вела себя так, как будто она всю свою жизнь делала заявления для прессы. Не моргнув глазом, она проигнорировала все вопросы, отрывисто поблагодарила всех и ушла с трибуны так же уверенно, как и вошла.

Едва переступив порог зала и закрыв за собой дверь, она сдернула с себя парик, бросила его на пол, сорвала сетку для волос, высвободила волосы и забрала их в самый тугий хвост, который я когда-либо видел. Затем она расстегнула пуговицы пиджака, стряхнула его с себя и бросила на стул.

– Дай мне сигарету. Сейчас же! – вырвав у меня из рук пачку, она зажгла сигарету и сделала длинную затяжку. У нее тряслись руки, и Хэтчер

впервые ничего не сказал насчет курения.

– Ты справилась на «отлично»! – сказал я.

– Перестань, Уинтер. Я была ужасна. Даже хуже, чем ужасна. Все было бесполезно.

– Уинтер прав, – подтвердил Хэтчер. – Ты хорошо выступила.

Темплтон уже было открыла рот, чтобы послать Хэтчера куда подальше, но здравый смысл возобладал, и она передумала. Все-таки посылание босса никак не может положительно сказаться на карьерных перспективах, это я знал точно. Темплтон сделала еще одну затяжку, и вместе с клубами дыма из нее выходил весь стресс, сидящий внутри.

Она поискала глазами место, о которое можно было бы затушить сигарету, но ничего не нашла. Злобно взглянув на меня, она бросила окуроч в мою чашку кофе. Сигарета зашипела и погасла. Ни слова не говоря, она повернулась и, тяжело ступая, вышла из комнаты.

– Она успокоится со временем, – сказал Хэтчер.

– Я надеюсь.

Я смотрел на плавающую в кофе сигарету и жалел о том, что она это сделала. Кофе был очень хороший, с правильным количеством зерен, степенью крепости и сроком выдержки.

– Ты понимаешь, как легко пробить твою историю, Уинтер? Кто-нибудь додумается побеседовать с Амандой Куртис – и все, игре конец.

– Именно поэтому Аманда Куртис сейчас находится в шикарном отеле под чужим именем. За счет полиции, кстати.

– Ну, а медперсонал в Данскомб-Хаус? Их тоже отправим в спа-отель?

– Нет необходимости поддерживать эту иллюзию вечно. Просто нужно, чтобы сообщница узнала, что одна из ее кукол мертва.

– Когда СМИ поймут, что мы их использовали, они меня распнут. Ты это осознаешь?

– Если мы поймаем преступника, не распнут. Тогда ты будешь героем, – усмехнулся я. – Знаешь, Хэтчер, ты слишком много переживаешь.

– А ты слишком мало переживаешь, и что теперь?

Тут я перестал смеяться и стал серьезным.

– А теперь мы будем ждать.

Когда я вошел в диспетчерскую, никто даже не поднял голову в мою сторону – настолько все были заняты телефонными разговорами. Со всех сторон доносились обрывки диалогов: бесконечные «да, сэр» и «да, мэм» перемежались с «можете сказать, что именно вы видели?». К безусловному минусу пресс-конференции относилось то, что большое число граждан считали нужным сообщить информацию, основная часть которой после проверки оказывалась бесполезной.

На стене у двери находилась фотогалерея. С пяти фотографий в верхнем ряду беззаботно улыбались пять женщин, а в нижнем ряду у четверых из них был уже стеклянный взгляд.

Кто-то заменил дубликатами оригинальные фотографии, которые были у меня. Ничего не изменилось – на снимках у жертв по-прежнему были распухшие глаза, обмякшие лица, выцветший взгляд. Казалось, что полицейский фотограф умудрился усугубить пустоту этих взглядов своими кадрами. Я посмотрел на пустое место под портретом Рэйчел Моррис. Я мог себе представить, через что она проходила сейчас, в каком ужасе, агонии, неизвестности пребывала. Неизвестность была хуже всего, когда ты не знаешь, что случится дальше.

Устоявшиеся привычки, рутина, предсказуемость помогают людям проживать день за днем свои жизни, а если убрать заведенный порядок, начнется хаос. Все, что для Рэйчел было стабильным и реальным, вдруг исчезло, и ей пришлось жить в совершенно новом мире, в котором она ни на что не могла влиять. Абсолютно все жизненные аспекты – когда ей спать, когда есть, что делать и что носить – теперь контролировались ее мучителями. Все, что составляло ее индивидуальность, постепенно будут стирать до тех пор, пока она не превратится в сломанную куклу. Это и есть психологический эквивалент лоботомии.

Сара Флайт, жертва номер один, пробыла в плену четыре месяца. Маргарет Смит, жертва номер два, – два месяца. Кэролайн Брент, третья жертва, – три месяца. Патрисию Мэйнард продержали три с половиной месяца. Меня смущали эти временные промежутки, потому что они казались лишенными логики. А у таких маньяков случайностей не бывает.

Было бы логично, если бы первая жертва была отпущена раньше, чем последующие, потому что на первой девушке маньяк отыгрывает фантазии, которые он лелеял долгие годы. С ней он экспериментирует, неизбежно

совершает ошибки, в какие-то моменты даже впадает в панику. Поневоле он суетится и стремится избавиться от жертвы быстрее, чем ему хотелось бы. Много чего он делает не так и обещает себе, что в следующий раз он все сделает правильно.

Одно можно было сказать наверняка: следующему разу – быть. Он пересек черту, и назад возврата нет. По мере того, как он смелел, как развивались его фантазии, а руки приобретали навык, срок пленения, по идее, должен был увеличиваться. Маньяк больше не торопится, наслаждается возможностью претворять в жизнь свои извращенные мечты, погружаться в них и оставаться там как можно дольше.

Но на практике первая жертва оставалась в плену дольше остальных. Даже моя гипотеза о существовании экспериментальных жертв все равно ничего не объясняла. Логика просто не вырисовывалась. С каждой жертвой должно было произойти что-то такое, что заставило бы его решить, что время для лоботомии пришло. Должен быть какой-то спусковой крючок. За каждым действием хорошо организованного преступника всегда стоит некая причина, всегда есть глубинная логика. Нужно было только ее найти.

Сломанные куклы. Я все время думал о том, что, возможно, доминирующий член пары удерживал жертв до того момента, пока ему не удавалось сломить их дух. Как только это происходило, они становились ему не нужны. Он был садистом, и отсутствие желанной реакции означало, что пришло время следующей жертвы. Теория казалась вполне рабочей. Она не объясняла, почему он лоботомировал жертв, но зато объясняла разницу в сроках – у всех ведь разный болевой порог. Также появлялось объяснение тому, почему Сару Флайт держали дольше всех. В самом начале он был еще не уверен в себе, он перестраховывался и осторожничал.

Я перевел взгляд на карту Лондона и попытался найти какую-то логику и здесь, но ничего не выходило. Зеленые кнопки указывали места, где жертв видели в последний раз, а красные – точки, где жертв находили. Красная кнопка в Сент-Олбансе была исключением из правила. Я и люблю, и ненавижу исключения. Люблю, потому что они означают, что маньяк вышел из зоны комфорта. Ненавижу – по той же причине. И это исключение становится полезным, только если получится понять, почему преступник решил выйти из этой зоны.

Одну из зеленых кнопок передвинули после брифинга, на котором я давал поисковый портрет преступника. Люди Хэтчера обошли бары в самых фешенебельных районах Лондона, показали фотографии и поговорили с работниками заведений. Пока у них получилось напасть на один след. Сару Флайт в последний раз видели в баре в Челси. Бармен

увидел снимок и вспомнил, что видел Сару, она была одна и, по его ощущению, ее кавалер не пришел. Все как у Рэйчел Моррис. Это была хорошая новость, потому что она подтверждала описанный мною механизм похищений. К плохим новостям можно было по-прежнему отнести отсутствие следов тренировочных жертв маньяка, а также то, что, несмотря на большое количество людей, отчисленных из мединститутков, не удавалось найти никого, кто подходил бы под мое описание.

Я был настолько поглощен картой, что не услышал, как сзади подошла Темплтон. Ее выдали духи. Она переоделась, и вместо формы на ней теперь были джинсы и блузка. Выражение лица было нейтральным – любой игрок в покер позавидовал бы. Она интриговала меня, потому что я не мог понять, что у нее было на уме.

– Как дела? – спросила она.

Голос был так же нейтрален, как и выражение лица. В нем не было ни единой подсказки, ничего, что выдавало бы ее настроение.

– Самое время сделать перерыв.

– Перерыв?

– Да, он наступает в каждом расследовании. Все, что можно было сделать, либо уже сделано, либо делается. Мы отлично поработали.

– Всегда можно сделать больше.

Я кивнул на карту, фотографии, исписанную доску.

– Если ты видишь что-то, чего не вижу я, скажи.

Темплтон какое-то время смотрела на доску и признала:

– Нет, ничего не вижу.

Я тоже смотрел на карту, но не мог увидеть никаких новых закономерностей. Мысль, что мы могли что-то пропустить, не покидала меня. Период затишья в расследовании всегда проходит у меня в бесконечных сомнениях. Действительно ли сделано все возможное? Точно ли не осталось никаких белых пятен? Бездействие всегда дается мне очень тяжело. Если бы мы жили в идеальном мире, у Хэтчера были бы неограниченные возможности и расследование продвигалось бы гораздо быстрее. Но в реальном мире в каждом деле приходилось делать перерыв, а иногда и несколько.

– Ты когда-нибудь должна будешь меня простить, – сказал я Темплтон.

– Я уже тебя простила.

– Глядя на тебя, этого не скажешь, – сказал я и посмотрел на нее.

– Да, я была очень зла на тебя, Уинтер, но это в прошлом. Отличная была идея с пресс-конференцией.

– Она будет отличной, если будет результат. А если не будет, то идея

идиотская.

И мы опять уставились в карту. Прошла минута, вторая.

– Мы как-то мало обсуждали сообщницу, – наконец сказала Темплтон.

– Давай обсудим, – сказал я.

– Как будто она женщина-невидимка, как будто ее нет.

– Она есть, – заверил ее я. – Но то, что ты подняла эту тему, означает, что ты над ней думала. Давай послушаем, что у тебя есть.

– Джек-головорез помешан на контроле, так? – она посмотрела на меня вопросительно, ожидая подтверждения, и я кивнул. – Он эмоционально подавляет свою партнершу настолько, что она вздохнуть боится. Он при любой возможности обесценивает ее, обзывает, издевается. Можно сказать, он ведет психологическую войну, в которой она играет роль врага. Она уже давно привыкла держать свое мнение при себе, потому что все, что она скажет, будет воспринято враждебно или будет высмеяно. В итоге, на данном этапе она почти не разговаривает, потому что ей слишком страшно.

– Почему?

– Потому что единственный человек в мире, с которым она общается, – Джек. Он не разрешает ей видаться больше ни с кем.

– Да, я примерно так же себе это представляю, – сказал я. – Есть еще кое-что, над чем можно подумать. Она стала такой по мере развития отношений с сообщником? Или она была такой еще до их встречи?

Темплтон улыбнулась:

– То, что ты поднял эту тему, означает, что ты над этим думал. Давай послушаем, что у тебя есть.

– Я ставлю на то, что она всегда такой была. Уверен, она пережила насилие в детском возрасте, скорее всего от отца. Поэтому она и потянулась к маньяку: это следствие незавершенного психологического процесса с отцом, аналогичного действию мотылька, летящего на свет. Когда в ее жизни появился этот психопат, у нее не было никаких шансов избежать отношений.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Сумати Чэттерджи с ноутбуком в руках. Ее лицо покраснелось, и она тяжело дышала. Судя по тому, что она не смогла дождаться лифта, а прибежала вверх по лестнице, случилось что-то экстраординарное. Как только Сумати увидела, где я нахожусь, она двинулась прямо ко мне.

– Я нашла имя, – сказала она. – Его зовут Tesla.

Рэйчел слышала, как Адам спускается по лестнице – неторопливо, размеренно и почти неслышно, благодаря мягкому ковру. Так идет человек, который никуда не торопится, потому что точно знает, как будут разворачиваться дальнейшие события. Телефонная трубка выпала из рук Рэйчел и с грохотом упала на деревянный пол. Она вскочила и метнулась к входной двери, вцепилась в ручку и стала ее дергать. Дверь не открывалась. Она предпринимала новые попытки – толкала, крутила эту ручку, стучала кулаком в дверь. Адам нараспев звал ее:

– Номер пяять, номер пяять.

Он уже преодолел первый пролет лестницы и медленно спускался в холл.

В отчаянном поиске выхода она посмотрела вокруг, увидела справа коридор и побежала по нему. Она билась во все двери, которые встречались на пути, и все они были заперты. Адам приближался, она уже слышала его шаги совсем рядом. Дернув последнюю запертую дверь в конце коридора, Рэйчел оказалась в тупике, больше бежать было некуда. В иступлении она била по ней кулаками и ногами и выла от безысходности. Адам подошел совсем близко – уже чувствовался запах его лосьона и было слышно его дыхание.

– Номер пять, повернуться ко мне.

Рэйчел не двигалась. Она продолжала стоять, упершись лбом в дверь, осознавая свое полное поражение. Вдруг ее пронзила внезапная боль в боку – настолько острая, что она потеряла способность дышать. Она упала на пол, каждое нервное окончание в теле взрывалось и искрило. Неимоверным усилием ей удалось повернуть голову. Адам стоял прямо над ней, а в его правой руке Рэйчел увидела электропогонялку для скота. Она свернулась в комок и закрыла глаза. Ей хотелось только одного – умереть, чтобы все наконец закончилось. Никогда и ничего ей не хотелось настолько сильно.

Адам снова ударил ее электрошокером, но на этот раз прижал его к животу и держал там до тех пор, пока ее крики не превратились в рыдания. Она билась в истерике и металась по полу, боль пронизывала все тело. Она порывалась сделать глубокий вдох, но легкие отказывались подчиняться. Чем сильнее она старалась вдохнуть, тем больше напрягалась ее грудная клетка. В глазах начало темнеть. Рэйчел почувствовала, что теряет сознание, сил сопротивляться у нее больше не было.

Первое, что она увидела, когда пришла в себя, была улыбка Адама.

– Номер пять, встать и идти в подвал.

Рэйчел попыталась подняться. Никогда еще ни одно действие не давалось ей с таким трудом. Это было испытание на выносливость, как скалолазание или марафонский бег. Медленно она стала продвигаться назад по коридору. Несколько раз она почти что упала, и только стена помогла ей сохранить вертикальное положение. Она шла, неуверенно переставляя ноги, и не верила, что они доведут ее до места. Разряды тока как-то изменили работу мозга, и теперь она то и дело непроизвольно дергалась, спазмы лишали ее возможности нормально дышать.

Дойдя до зала, через завесу слез Рэйчел снова увидела входную дверь. Она была так близко и одновременно так далеко. За этой дверью был мир, который навсегда остался в прошлом, мир, который – она была уверена – она больше никогда не увидит. Адам проследил за направлением ее взгляда, усмехнулся и подтолкнул погонялкой, чтобы она не останавливалась. Рэйчел сжалась, ожидая следующего разряда тока, но кроме острого тычка она не почувствовала больше ничего. Она посмотрела на Адама. На его лице все еще была довольная усмешка. Он поднял электропогонялку, чтобы ей было хорошо ее видно.

– Номер пять, в подвал. Мне еще раз повторить?

Рэйчел продолжила путь, метр за метром, преодолевая боль. Ее трясло, из-за слез она почти не видела, куда идет. В глазах темнело, во рту пересохло, легкие болели так, будто были забиты бумагой. Адам следовал за ней по пятам, ритмично постукивая погонялкой себе по ноге. Точно так же он раньше стучал бамбуковой тростью по полу в подвале. Она хотела закричать, чтобы он прекратил, но закусил губу и не издала ни звука. Адам толчком открыл дверь в подвал и включил свет.

Она обернулась, и Адам улыбнулся. Он слегка подтолкнул ее погонялкой в спину, и она начала спускаться. Она двигалась осторожно, все еще держась за стены. В самом низу она закрыла глаза и на секунду представила пляж и солнце, ощутила соленый привкус легкого бриза и жесткую руку отца, в которой лежит ее маленькая ручка.

Радужная картинка испарилась, как только Рэйчел услышала, как Адам спускается по лестнице. Она открыла глаза и увидела, что Адам смотрит на нее.

– Номер пять, не останавливаться.

Рэйчел обернулась и посмотрела на тонкую полоску света за дверью. Она не знала, увидит ли она ее еще когда-нибудь. Глубоко вздохнув, она пошла по коридору. Адам отпер дверь комнаты, и Рэйчел вошла внутрь.

Сквозь завесу слез все вокруг виделось одним большим белым пятном.

Ее затрясло сильнее прежнего. Сейчас он скажет ей сесть в кресло, разденет, накачает наркотиками и начнет резать. Она смотрела на него в ужасе, ожидая команд. Адам тоже смотрел на Рэйчел, стоя у двери, с непроницаемым выражением лица.

– Я вернусь, когда придумаю подходящее наказание, – сказал он.

Потом дверь закрылась, свет погас, и Рэйчел осталась одна.

ladyjade: как я пойму, 4то это ты?
tesla: я сам тебя перехва4у
ladyjade: ну праааавда?!
tesla: У меня темные волосы, буду одет в длинное черное шерстяное пальто.
ladyjade: цвет глаз?
tesla: карие
ladyjade: и красная роза в петли4ке? ха-ха :-)
tesla: сорри, у меня аллергия на розы :-(
ladyjade: пришли фотку плииизззз
tesla: терпеть на могу фоткаться
ladyjade: жду не дождусь встречи
tesla: и я жду не дождусь
ladyjade: чмоки
tesla: чмоки

Я передал лэптоп Темплтон, чтобы она смогла еще раз прочитать переписку. Сумати Чэттердзи довольно ухмылялась. Она была не в силах усидеть на месте: бег по лестнице и обнаружение этой переписки на компьютере Рэйчел Моррис подняли уровень адреналина и ввели ее в состояние вечного двигателя. В диспетчерской было очень шумно, отовсюду доносились голоса, отскакивая рикошетом от стен и потолка, но я ничего не замечал. Я был полностью сконцентрирован на тексте на мониторе. Наконец-то я смог хотя бы украдкой взглянуть на мистера Х.

– Отлично сработано! – сказал я.

Сумати практически светилась от радости, широко улыбаясь.

– Спасибо!

– Это было на лэптопе Рэйчел Моррис или на ее рабочем компьютере?

– На рабочем. Причем в Ворде, – быстро заговорила Сумати. – Она вырезала текст из мессенджера и вставила его в Ворд. И вам может показаться интересным тот факт, что она удалила все следы этого файла из списка последних документов.

– Как?

– Она открывала другие файлы до тех пор, пока этот не перестал появляться в списке недавно открытых. Когда я посмотрела на этот список повнимательнее, обнаружила, что она открыла огромное количество файлов за короткое время.

– Еще что-нибудь нашли?

– В Ворде – нет. Но теперь, когда у меня есть их ники, я еще раз прочешу ее компьютер. Я просто хотела сразу же показать вам эту переписку. И я еще поищу в компьютерах других жертв. Может, и там что-то еще найдется.

– Нам нужно понять, где они познакомились, – сказал я. – Поищите на форумах, где обсуждаются супружеские измены. Особенно в темах про измену в отместку неверному супругу.

– Сейчас займусь, – Сумати протянула руку и взяла у Темплтон свой лэптоп. С видом человека, озадаченного очень важной миссией, она вылетела из комнаты, и дверь за ней захлопнулась.

– Так, – сказал я. – У нас появилась новая информация. Какие выводы мы можем сделать?

Темплтон ненадолго задумалась и сказала:

– Ну, во-первых, у нас есть его ник – Tesla.

– Да, ты права, имя вызывает интерес. Но не по тем причинам, которые ты имеешь в виду.

– А тебе откуда знать, что я имею в виду, Уинтер?

– Ты думаешь, что мы можем поискать Tesla в компьютерах других жертв. Кроме этого, ты думаешь, что мы можем поискать Tesla в интернете. И, возможно, ты уже даже представила себе, как мы сажаем подсадную утку на этот форум про измену и ждем, когда Tesla на нее клюнет.

Темплтон прищурилась и слегка покраснела.

– А разве это не логично?

– Да, логично, но только это пустая трата времени. Tesla – это ник только для Рэйчел. Для каждой из жертв он использует другое имя, и в следующий раз он снова выдумает новое. Глупо и бессмысленно использовать один и тот же ник. Этот маньяк далеко не глуп и не будет делать то, что не имеет никакого смысла.

– То есть его ник нам ничего не дает.

– Ну, конечно же, дает. Имена всегда красноречивы, они о многом способны рассказать. Это имя было выбрано им неслучайно. Мистер X назвал себя Теслой. Почему?

– Обязательно должна быть причина?

– Всегда есть причина. Серьезные преступники никогда не делают ничего просто так. Каждое их действие, каким бы странным оно ни казалось, имеет под собой причину. Все продумано до мелочей. Вот ты слышишь имя Тесла – какая у тебя первая ассоциация?

– Изобретатель.

– Да, только он не просто один из изобретателей. Никола Тесла был

гением. Для меня он стоит на одной ступени с да Винчи и Томасом Эдисоном. Его открытия внесли важнейший вклад в развитие беспроводных средств связи и радио, он придумал, как использовать переменный ток для передачи электроэнергии.

– Хочешь сказать, что Джек-головорез – гений?

– Ни в коем случае, – качая головой, сказал я. – Думаю, с помощью имени он пытается поднять собственную самооценку. Ему хочется верить, что он гениален, что он умнее всех в мире, хотя глубоко внутри он знает, что это не так. Выбирая себе такой ник, он пытается убедить себя, что он лучше, чем есть на самом деле. Низкая самооценка также толкает его и на издевательства над жертвами. Внутри у него скопилось очень много злости, и ему нужно что-то с ней делать.

– А почему у него низкая самооценка?

– Ставлю на родителей или – если воспитывали его не они – на то лицо, которое исполняло роль значимого взрослого в его жизни. Личностные качества, которые он демонстрирует, неизбежно коренятся в его воспитании. В нем было что-то противоестественное.

Темплтон задумалась. Она сексуально закусил губу и сбила меня с мыслей о деле. У нее был умный и в то же время незащитный вид, и это выглядело очень мило. Закончив мучить губу, она сказала:

– А о чем нам говорит ник Рэйчел Моррис?

– Тебя нужно спросить, – ответил я. – Раз ты задала этот вопрос, значит, у тебя есть гипотеза. Давай ее послушаем.

– Леди Джейд, – произнесла она. – Это что-то аристократическое, женщина из высшего общества. Она хочет, чтобы ее воспринимали как человека более высокого статуса, чем есть на самом деле.

– Да, это похоже на правду, – согласился я. – Дональд Коул – стопроцентный рабочий класс, но он всеми силами стремится забраться выше по статусной лестнице.

– И он мог передать это мировосприятие Рэйчел, – закончила за меня фразу Темплтон. – Возможно, Джек-головорез здесь не единственный, кто действует исходя из своих комплексов.

– Несомненно, – сказал я. – И интернет – идеальное место, где можно отыгаться. Когда мы выходим в сеть, мы все в какой-то степени становимся собственными аватарами. Мы каждый раз заново себя создаем. Что еще мы можем понять из их беседы?

– Он не хочет давать Рэйчел свою фотографию.

– Да, вместо этого он дает ей словесный портрет.

– Но очень абстрактный – темные волосы, карие глаза, шерстяное

пальто. Как ты сказал вчера, он не раскрывает о себе ничего. По крайней мере, ничего полезного.

– Ты пропускаешь нечто очень важное. К моменту, когда состоялась эта переписка, Рэйчел уже умирала от желания узнать, как он выглядит. Помнишь это жалобное «плиииизззз», когда она просит его прислать фото? Почему ей захотелось сохранить именно этот чат? Почему она его спрятала?

– Потому что в этом тексте – нечто похожее на его фотографию. А то, что она спрятала его, означает, что она хотела, чтобы эту переписку никто не нашел.

– Нет, она спрятала ее, потому что мистер Х научил ее замечать следы. Он наверняка настаивал, чтобы она стирала все их чаты, ссылаясь на риск, что их может обнаружить муж Рэйчел. Поэтому-то переписка и велась с рабочего компьютера. Рэйчел знала, что здесь Джейми ее никогда не найдет. Что еще у нас есть?

Темплтон опять принялась жевать губу и думать. Покачивая головой, она сказала:

– Я больше ничего не могу сказать. В отличие от тебя.

– Мне кажется интересным его манера общения.

– Если есть что-то интересное, это хорошо.

– Это хорошо, да, – подтвердил я. – Он прибегает к технике отзеркаливания. Когда Рэйчел пишет «4» вместо «ч», он делает точно так же. Она пишет «жду не дождусь», и он пользуется ее же словами в своей реплике. Сюда же все эти чмоки... Отзеркаливание – тактика, которая создает ощущение безопасности, понимания. Рэйчел чувствует, что познакомилась с человеком, который ее хорошо чувствует, чуток к ней, а в ее браке этого как раз не хватает. Маньяк так и общался с ней весь период знакомства. Четвертая строка здесь наиболее интересна: *у меня темные волосы, одет буду в длинное черное шерстяное пальто*.

– В ней нет сленга, – сказала Темплтон.

– Именно. Все слова написаны грамотно, и само предложение правильно выстроено. Даже заглавная буква стоит и точка в конце предложения. Можно сделать два вывода: маньяк образован, и ему важно, чтобы Рэйчел получила определенную информацию.

– Потому что ему нужно было, чтобы она узнала его на улице, выйдя из бара.

Я кивнул.

– Как ты относишься к взлому и незаконному проникновению в жилище? Думаю, нам нужно чуть больше узнать о жизни Рэйчел и Джейми

Моррис.

– Уинтер, ты ведь шутишь, да? – она взглянула на меня и в моей усмешке прочитала ответ на свой вопрос.

– Боже, ты не шутишь.

– Бери куртку, – сказал я. – Пойдем повеселимся.

Темплтон остановилась у тротуара и заглушила двигатель. Она уже в который раз парковалась на желтой двойной сплошной в обход всех правил. Справедливости ради надо сказать, что мы минут пять кружили в окрестностях и другого места найти не смогли. В Камдене царил дух космополитизма, богемы. Он напоминал мне нью-йоркский Гринвич-Виллидж до прихода туда больших денег и Венис-Бич в Калифорнии, пока его не заполнили туристы. Здесь чувствовалось биение жизни, воздух был пропитан вечным движением. Витрины магазинов были ярко освещены, бары – заполнены людьми, хотя было всего полчетвертого, пятница. Небо было темным как никогда, а из-за низко висящих облаков казалось, что уже поздний вечер.

Я вышел из машины, а Темплтон осталась сидеть, не снимая рук с руля.

– Мне точно не стоит в этом участвовать, – сказала она.

– Интересный выбор слов. «Точно не стоит» означает, что ты уже решилась. Может, пропустим стадию метаний и ритуальные танцы с убеждением? Какой мне смысл уговаривать тебя на то, на что ты и так решилась?

Темплтон отстегнула ремень, вышла из машины и нажала кнопку иммобилайзера. Он ответил коротким сигналом. Я зажег сигарету и протянул ей пачку. Она взяла одну, зажгла и выдула целое облако дыма.

– Меня могут уволить за это, – напряженно заметила она.

– Если тебя уволят, ты всегда сможешь работать моделью.

– Я серьезно, Уинтер.

– Я тоже.

В квартире Рэйчел и Джейми Моррис было три комнаты, окна выходили на блошинный рынок Камден. Одно это говорило о многом. У Дональда Коула было много денег, и он любил ими разбрасываться. Он хотел, чтобы люди знали о его богатстве, чтобы у его дочери было все самое лучшее. Такую квартиру он бы ей не купил. Он бы купил что-то большое, величественное, отражающее его статус. Скорее всего, это был бы дом, а не квартира, с множеством комнат для будущих детей и с садом, в котором они могли бы играть.

Так что либо Рэйчел решила не брать подачек и строить свою жизнь самостоятельно, либо Коул не одобрил ее выбор мужа и из принципа не

стал предлагать деньги. После встречи с Джейми Моррисом я склонялся ко второму варианту.

Джейми уехал к друзьям в Ислингтон, соседний район Лондона, а значит, квартира должна быть пустая. На всякий случай я позвонил с домофона в квартиру восемь, на случай если он изменил планы или просто нам наврал. Ответа не было. Я еще раз попробовал и тоже безрезультатно. В третий раз жать кнопку я не стал. Если у вас пропала жена, вы скорее всего среагируете на домофон с первого же звонка.

Домофон был стандартный, кнопочный. Для прохода внутрь нужно правильно набрать четырехзначный код. Проблема в том, что десять цифр дают десять тысяч возможных комбинаций, то есть шансов подобрать код наудачу нет никаких. Я проверил, не открыта ли дверь. Она была заперта. Тогда я взгляделся в кнопки.

Шесть из них были черными, а четыре стерлись до металла – двойка, четверка, семерка и восьмерка. Четыре цифры – это двадцать четыре комбинации. Я посмотрел направо, налево – прохожих не было. Мы находились посередине аллеи, пересекающей главную дорогу. Всего в ста метрах справа от меня шумел оживленный поток машин и людей. Изредка кто-то поворачивал голову в нашу сторону, но особого интереса не проявлял. Я попробовал 2-4-7-8 и получил в ответ красный свет.

– То есть вот он какой, твой гениальный план попадания внутрь, – сказала Темплтон. – Ты наугад будешь тыкать в кнопки, пока не получишь правильную комбинацию.

– Ничего не бывает наугад.

2-4-8-7 тоже дали красный свет.

– Выглядит вполне наугад.

– Это потому, что ты не видишь внутренней логики.

Я нажал 2-8-4-7, и зажегся зеленый свет. Замок щелкнул, и дверь открылась.

– Тебе повезло, признайся, – сказала Темплтон и проскользнула мимо.

– Я не верю в везение.

На этаже было две двери – синяя и красная. В восьмую квартиру вела синяя дверь.

– И что теперь? – спросила Темплтон. – Будем выбивать дверь?

– Зачем же так грубо.

В кармане у меня был небольшой кожаный бумажник с отмычками. В ФБР инструктор натаскивал меня до тех пор, пока я не научился открывать американский автоматический замок такого типа за двадцать секунд. Сам он справлялся с задачей за пять секунд – быстрее, чем большинство людей

открывают дверь собственным ключом.

Я вставил в замочную скважину отмычку-рычаг и легко надавил на нее, пока, по ощущениям, она не встала в нужное место. Затем я взял вторую отмычку и стал нащупывать пины. Первый поддался с тихим металлическим щелчком, вскоре я услышал и второй. Разобравшись с остальными тремя, я чуть сильнее нажал на первую отмычку, и дверь открылась. Тридцать секунд – не так уж и плохо, но и до идеала далековато.

Темплтон покачала головой.

– Я даже спрашивать тебя не буду, как ты это сделал. Что конкретно мы ищем?

– Я не знаю, но мы пойдем, как только найдем.

Темплтон закрыла входную дверь, и мы оказались в мрачном царстве серых теней. В коридор выходило четыре двери, все были закрыты. Первая вела в маленькую, но функциональную ванную, в которой помещались только унитаз, раковина и ванна. Я открыл туалетный шкафчик, но, кроме болеутоляющих, противозачаточных и бритвы Джейми Морриса, ничего интересного там не было. На подоконнике тоже ничего: только шампунь, кондиционер, пена для ванн и огромное количество всяких лосьонов и косметических средств.

Следующая дверь вела в спальню с сиреневыми стенами и фиолетовыми занавесками. В ней стояли кровать размера «кинг-сайз» и встроенный шкаф вдоль стены. На полу, как и в коридоре, лежал ламинат. В спальне было чисто – одежда по полу не валялась, везде был порядок.

– Заметила что-нибудь интересное? – спросил я.

– Постель заправлена, значит, Моррис здесь вчера не ночевал.

– Да, не ночевал. Когда у тебя похищают жену, ты уж точно не будешь заправлять постель.

– То, что жена пропала, в данном случае неважно. Я имела в виду, что еще не встречала мужчину, который умеет заправлять постель.

Я стал обходить комнату по часовой стрелке, а Темплтон – против. Мы проверили ящики и полки, шкафы, посмотрели под кровать и встретились как раз посередине шкафа.

– Ничего, – сказала Темплтон.

– Ничего, – согласился я.

Следующая дверь вела во вторую спальню. Это была многофункциональная комната – она служила и рабочим помещением, и спальным местом. По размеру немного меньше первой, она была оформлена в желтых и оранжевых тонах. Рабочий стол с тумбочкой стоял в углу, рядом располагался книжный шкаф, заполненный книгами. Диван

был разложен, посередине лежало скомканное одеяло, а подушки – с краю.

– Ну, по крайней мере, теперь мы знаем, где спал Джейми Моррис прошлой ночью, – сказала Темплтон. – Думаешь, часто он тут спал?

Я посмотрел на кучу грязного белья и прикинул, что по количеству здесь был месячный объем.

– Да, частенько, – сказал я.

Мы снова начали от двери. На этот раз я шел против часовой стрелки, а Темплтон – по часовой. Я тщательно исследовал тумбочку, достал все ящики, чтобы удостовериться, что к стенкам тумбочки ничего не приклеено, а также рассмотрел сами ящики, проверил, нет ли чего под дном. Дотошности меня научили годы работы в ФБР.

– Ничего, – сказал я.

– Ничего, – согласилась Темплтон. – Надо уходить. Если вернется Моррис, мне можно будет попрощаться с карьерой.

– Он не вернется, он у друзей.

Темплтон бросила на меня выразительный взгляд.

– Не суетись, – сказал я. – Что-нибудь найдем.

Мы обследовали гостиную, проверив все, включая заднюю поверхность висящего на стене телевизора и пол под светлым кожаным диваном. Я просунул руку между подушек и подлокотниками, но и там не нашел ничего, кроме пуха, нескольких монеток и какой-то органики сомнительного происхождения. Ничего не нашлось и на полке с DVD-дисками, и в каждом из этих дисков. Из гостиной мы прошли в кухню, но и там не было ничего интересного.

– Ладно, Уинтер, пойдем уже.

– Что-то обязательно должно быть.

– Только потому, что ты так сказал? Слушай, я пошла. Если хочешь продолжать искать, ищи, я подожду в машине.

И она направилась к коридору. Я в последний раз прошелся взглядом по кухне и пошел за Темплтон. Через гостиную в коридор проникал солнечный свет, подсвечивая ламинат. И тут мой взгляд за что-то зацепился. Присмотревшись, я увидел на полу потертости, а подняв голову, заметил, что прямо над ними располагается вход на чердак. Темплтон тем временем уже подошла к двери.

– Подожди, – прокричал я и побежал назад, на кухню, чтобы взять стул.

Темплтон ждала в коридоре, нервно отбивая по полу чечетку. Весь ее вид говорил о том, что она в крайнем нетерпении.

– Пора идти, Уинтер. У меня плохое предчувствие, Моррис будет здесь

с минуты на минуту.

Я не обратил на ее слова никакого внимания, залез на стул и посмотрел, что было над крышкой. Там стояла небольшая консервная банка квадратной формы. Я взял ее, слез со стула и поддел крышку. Внутри был мобильный телефон и выписка с банковского счета Джейми Морриса. Выписка охватывала период с первого по тридцатое ноября. Вклад был на две тысячи фунтов, и с него было сделано четыре еженедельных платежа некоему Саймону Стивенсу. Суммы платежей были каждый раз разные, но уходили они всегда по пятницам.

Мобильный телефон был дешевой модели: у него не было никаких дополнительных функций – ни полноценной клавиатуры, ни сенсорного дисплея. В списке вызовов был только один номер. За последнюю неделю Моррис набрал его восемь раз. Три из этих восьми звонков он сделал вчера утром. Темплтон пыталась подсмотреть у меня из-за спины, положив руку мне на плечо. У себя на шее я чувствовал ее дыхание. Теперь ее нетерпение сменилось удивлением. Я нажал кнопку вызова и поставил телефон на громкую связь. Через три гудка на том конце включился автоответчик: «Вы позвонили в офис Саймона Стивенса, частного детектива. Сейчас я не могу вам ответить, оставьте ваши имя и телефон, и я перезвоню вам при первой возможности».

Рэйчел думала, что ей было страшно раньше, но по сравнению с тем, что она испытывала сейчас, тот страх был лишь легкой тревогой. Она пребывала в абсолютном ужасе. Он охватил ее всю и превратил в маленького беззащитного ребенка. Она свернулась в углу и укрылась одеялом, молясь и давая самые разные обещания.

Адам сказал, что вернется, когда придумает подходящее наказание. Что это могло означать? Каким может быть наказание за попытку побега? Может, как раз сейчас он и решит покопаться у нее в мозгу? Воображение услужливо выдавало образы жужжащей электропилы и невыносимый запах горелых костей. Она представила, как Адам разрезает ей мозг. Картинка была настолько реальной, что она практически ощутила, как это будет происходить. Наверное, он накачает ее лекарствами, как в прошлый раз.

Она пыталась остановить эту мысль, не дать ей ходу, но, чем больше она старалась не думать об этом, тем сильнее правда лезла наружу. Препарат, который Адам ей вкалывал, настолько сильно обострял болевые ощущения, что ножевые порезы были эквивалентны расстрелу ее нервных окончаний огнем. Насколько сильнее будет боль, если он будет копать в ее черепе? А вдруг он поэкспериментирует с дозировкой и она сойдет с ума от боли?

Врубился свет, и Рэйчел сильнее вжалась в угол. Выпученными от ужаса глазами она уставилась в ближайшую камеру. Ее трясло, зубы стучали. Она переводила взгляд с одной камеры на другую, двигая головой против часовой стрелки. Прошла почти целая минута, но колонки молчали. Тишина нервировала ее, ожидать решения Адама было мучительно. Он манипулировал ее сознанием, и, что самое ужасное, у него это отлично получалось. Рэйчел хотелось кричать, чтобы он оставил ее в покое, но она заставила себя сидеть тихо, потому что знала, что именно этого он от нее и хотел.

Как и в прошлый раз, сервировка была на уровне – стеклянный стакан, столовое серебро и аккуратно сложенная белая салфетка. Еда была подана на фарфоровой посуде, но это опять были консервы – макаронные колечки с соусом.

При взгляде на стакан ее голова снова наполнилась черными мыслями. Она могла бы разбить его о стену и одним из осколков разрезать себе бедренную артерию по всей длине. Это был бы самый быстрый и

эффективный способ покончить с собой, она за считанные минуты умерла бы от потери крови. Побуждение было так сильно, что, глядя на ногу, она наполовину ожидала увидеть кровь, проступающую через серые спортивные штаны. Потом Рэйчел отбросила эту мысль и приказала себе собраться. Опустившись на пол, она скрестила ноги и прислонилась спиной к стене.

– Это ты, Ева?

Последовала длинная пауза, а потом Ева громко прошептала:

– Извини. Он меня заставил.

– Заставил что, Ева?

– Он заставил меня оставить защелку открытой.

Рэйчел закрыла глаза, и внутри у нее все опустилось. Как же она не догадалась! Адам хотел, чтобы она совершила попытку побега, чтобы он смог погонять ее по всему дому электрокнутом.

– Он сказал, что избьет меня, если я откажусь делать то, что он скажет.

– Ничего, Ева, я понимаю, что у тебя не было выбора.

– Я могла бы отказаться. Я могла бы сказать ему «нет».

– И тогда он что-нибудь сделал бы с тобой.

Последовала еще одна длинная пауза. Рэйчел хотела нарушить ее, но сдержалась.

– Говорят, он убил одну из девушек, – наконец сказала Ева. По ее голосу было件нятно, что она вот-вот заплачет.

– Которую из них?

– Первую, Сару. Она была такая красивая. Она разрешала мне красить ее.

Сара... Она запомнит это имя. Сара была такая же, как она. У нее была жизнь, надежды и мечты, и вот она умерла. Рэйчел было непонятно, как это случилось. Адам, безусловно, ничего хорошего из себя не представлял, но убийцей он не был. Так говорили девушки с работы. Он похищал и пытал жертв, потом делал лоботомию и отпускал. Она помнила это, потому что потом все коллеги сошлись во мнении, что лучше умереть, чем жить в таком состоянии.

Суицид в случае Сары исключался, а вот убийство из жалости было вполне вероятным вариантом. Возможно, друг или родственник завершил то, что начал Адам. А может, Сара умерла от нанесенных ей ран, просто процесс растянулся во времени.

Эта мысль заставила Рэйчел содрогнуться. Она уже знала, на что был способен Адам, и старалась не думать о том, чем может закончиться ее

история. Выжить можно было, только если решать проблемы по мере поступления. Будущее было слишком призрачно, чтобы о нем беспокоиться. Если пытаться думать обо всем сейчас, можно сразу опустить руки.

– Ева, а откуда ты знаешь, что она умерла?

– В новостях говорили.

– А ты знаешь, как она умерла?

– Я не хочу говорить об этом.

– Хорошо, Ева, мы можем о чем-то другом поговорить, – и Рэйчел замолчала, не зная, что еще сказать. – Я рада, что ты вернулась. Мне нравится с тобой говорить.

– Да? Правда?

– И я действительно искренне сказала в прошлый раз, что хотела бы подружиться с тобой.

Пауза была такая длинная, что Рэйчел подумала, что опять перестаралась.

– Я тоже хотела бы подружиться, – сказала Ева. – Могла бы я тебя нарисовать когда-нибудь?

Рэйчел улыбнулась сама себе. Именно на это она и надеялась. Стены рушились, мосты строились.

– Конечно, Ева, это отличная идея.

– У тебя ужин стынет.

От тарелки поднимался пар, и Рэйчел буквально выворачивало от запаха еды. Одна мысль о том, что с ней сделает Адам, убивала аппетит напрочь. У нее возник вопрос. Она какое-то время думала, стоит ли его задавать, но потом махнула рукой и решила спросить:

– Ева, в еду что-то подсыпано?

– Извини.

– Ладно.

Рэйчел взяла вилку и начала есть.

Офис частного детектива Саймона Стивенса представлял собой арендуемую комнату, располагавшуюся над тату-салоном на заброшенной улице в заброшенной части Тоттенхема. Я нажал на звонок и подождал. Ответа не последовало. Через десять секунд я позвонил повторно и не снимал палец со звонка с тем расчетом, что он взбесит Саймона Стивенса, если он внутри, или же разбудит его, если он заснул за столом. Ответа не было. Пришло время переходить к плану Б. Темплтон увидела, как я вытаскиваю из кармана кожаный сверток с отмычками, и что-то тихо пробормотала.

– Если хочешь, можешь подождать в машине, – сказал я.

– Да-да, прекрасная мысль.

Американский замок на входной двери отнял у меня двадцать пять секунд. Пятистопорный врезной на двери офиса оказался посерьезнее и посложнее. Сначала я вставил внутрь Т-образный поворотный затвор из нержавеющей стали, а потом отмычкой стал отодвигать стопоры.

Чтобы справиться с замком такого типа, требуются терпение, чувствительность и практика. Я заставлял себя не торопиться. Если представить себе, что ограничений во времени нет, то с таким замком можно справиться за одну-две минуты. А если торопиться, можно возиться весь день. Темплтон стояла рядом и напряженно наблюдала за мной, задержав дыхание. Наконец последний стопор поддался, и замок повернулся.

– Проще пареной репы, – сказал я.

– Ну, все, хватит, я заказываю себе домой дверь для банковского хранилища, – сказала Темплтон.

– Не поможет. Если кто-то захочет забраться к тебе, они это сделают.

– Спасибо за поддержку! И вообще, откуда ты все это знаешь?

– В ФБР часто говорят про то, что нужно знать своего врага. Они считают, что, если ты научишься думать, как преступник, поймать его будет гораздо легче.

– А где грань, за которую нельзя переступить?

– Ну, лично я кожу с живого человека не сдирал никогда, но вот свинью освежевывал.

– Ты шутишь, наверное.

Я в ответ улыбнулся, и Темплтон покачала головой.

– Знаешь, Уинтер, давай притворимся, что этого разговора никогда не было.

Офис Стивенса блестел чистотой, каждый уголок площади использовался очень грамотно. Стол перед окном был из натурального дерева, а не из ДСП. Он был старый, потертый и скорее всего подержанный. Компьютер был стационарным, но последней модели. Кресло – дешевое офисное, из искусственной кожи.

Напротив стола висели часы для отсчета оплачиваемого времени. На соседней стене – копия Пикассо. Жалюзи были полуоткрыты, чтобы пропускать свет. Сегодня солнца не было совсем, а сейчас и вовсе царила полная темнота, так что Стивенс либо ушел давно и должен был скоро вернуться, либо он уже закончил все дела на сегодня.

В углу стояла вешалка для шляп, и ее наличие говорило мне о Стивенсе больше, чем любой другой предмет в комнате. Варианта было два: либо ему было около шестидесяти, он был белый и в детстве пересмотрел низкопробных детективных сериалов, либо ему было немного за тридцать, и в своих фантазиях он в одном из этих самых сериалов жил. Судя по офису, ближе к истине был второй вариант.

Я взялся осматривать шкаф, а Темплтон включила компьютер. Шкаф был стальной, серый, высотой метр двадцать, с тремя глубокими ящиками. В первом ящике было много зеленых папок, аккуратно разложенных в алфавитном порядке и подписанных четким почерком Стивенса. Все подписи были сделаны одной и той же черной ручкой, и к своему портрету детектива я добавил дотошность.

В первом ящике были папки с буквами от А до Е. Я вытащил парочку наугад. Оба дела касались случаев супружеской измены. В первом случае изменял муж, во втором – жена. В папках лежали зернистые фотографии, сделанные через телеобъектив, и расшифровка прослушанных разговоров. Расшифровка одной интернет-переписки из папки неверного мужа меня заинтересовала. Я вернул документы на место и попытался найти папки для Джейми, Рэйчел или Моррис в ящиках с соответствующими буквами. Не нашлось ничего.

– Как успехи? – спросил я у Темплтон. Она сидела в кресле Стивенса и, зажав телефон между плечом и щекой, печатала что-то на клавиатуре. Сумати Чэттердзи давала ей экспресс-курс по взлому компьютера без стирания жесткого диска.

– Почти получилось, – ответила мне она. – Да, я в системе.

Она быстро поблагодарила Сумати и попрощалась. Я подошел к столу и присел на краю.

– Нашел что-нибудь? – спросила она.

– Нет.

Темплтон внимательно смотрела на меня своими красивыми голубыми глазами.

– Кажется, ты не слишком опечален этим фактом, – сказала она.

– Я и не ожидал никаких находок. Меньше слов, больше дела, – и я кивнул в сторону монитора.

– Здесь ты тоже ничего не ожидаешь найти?

– Давай взглянем.

Мы проверили самые очевидные места на предмет фамилии Моррис и, ничего не обнаружив, перешли к менее очевидным местам. Чтобы удостовериться, что мы ничего не пропустили, Темплтон позвонила Сумати, и та подтвердила, что больше искать негде.

В этот момент дверь внизу открылась и захлопнулась, и Темплтон подскочила с кресла так, как будто ее дернуло разрядом в две тысячи вольт. Пока она лихорадочно водила мышью во все стороны, пытаясь выключить компьютер, я сел на ее еще теплое место и стал слушать, как Стивенс поднимается по лестнице. У него либо был лишний вес, либо он очень устал после тяжелого дня.

– Расслабься, – сказал я.

– Расслабиться? – Темплтон переводила взгляд от окна к двери и обратно. – Это Стивенс. Нам надо выбираться отсюда.

– Я бы не рассматривал вариант окна. Мы на верхнем этаже. Спрыгнешь – сломаешь шею.

– Как ты можешь быть таким спокойным?

– Потому что мне надо поговорить со Стивенсом, и я рад, что теперь даже специально искать его не придется.

– Как ты не понимаешь, Уинтер, я же потеряю работу!

– Ну, в этом случае ты всегда можешь стать частным детективом.

– Сейчас не время для шуток, все серьезно. Я могу сесть в тюрьму.

– Ты не потеряешь работу. И в тюрьму не сядешь.

Я откинулся в кресле, положил ноги на стол и улыбнулся Темплтон. Она свирепо посмотрела на меня и глянула на окно так, как будто это был ее единственный выход. Стивенс тем временем поднялся на верхний этаж. Он остановился перед дверью своего офиса и через несколько секунд в замке загремел ключ. Последовала секундная пауза – видимо, он задавался вопросом, почему дверь открыта, и пытался вспомнить, не забыл ли он закрыть ее при выходе. Наконец дверь медленно открылась.

Стивенс оказался белым, мускулистым мужчиной крепкого телосложения и ростом выше меня – где-то метр девяносто. Ему было немного за тридцать. Короткая армейская стрижка делала его похожим на пограничников на мексиканской границе, но интеллектом он, правда, обижен не был. Во взгляде светло-карих глаз отражалось непрерывное тиканье хорошо соображающего мозга. Он посмотрел на меня, потом перевел глаза на Темплтон и наконец зафиксировался на мне.

– Вы кто, черт возьми, такие?

– Потенциальные клиенты, хотим вас нанять, – сказал я.

– Ну да, конечно!

– Ну, хорошо. Мне нужно видеть все, что у вас есть по Рэйчел Моррис.

– По кому?

Врал он хорошо. Я выдержал его взгляд и подождал, пока он первым отведет глаза.

– Я звоню в полицию.

– Я разве не сказал, что мы и есть полиция? – я кивнул Темплтон, и она достала свой значок. – Мне нужно все, что у вас имеется по Рэйчел Моррис.

– Где ордер?

– Оставил его в другой куртке, – пожал я плечами.

Стивенс усмехнулся.

– Вылезайте из-за моего стола и убирайтесь из моего офиса.

– А я надеялся, что у нас получится все сделать цивилизованно.

Стивенс засмеялся.

– Это что, угроза? Вы из полиции. Что вы, черт возьми, можете сделать? Приходите с ордером, тогда поговорим.

– Мне нужно увидеть все, что у вас есть по Рэйчел Моррис, – сказал я. – Я попросил трижды, попросил вежливо. Больше просить не буду.

– Идите за ордером.

Стивенс оглядел меня снизу вверх и усмехнулся. Ход его мыслей был для меня очевиден. Он был выше меня более чем на десять сантиметров и тяжелее на сорок пять килограммов. Он проиграл в голове все возможные сценарии развития событий и понял, что в любом случае окажется победителем. У него было преимущество как с юридической точки зрения, так и с физической. Стивенс открыл рот, чтобы что-то сказать, но я

предупреждающе поднял руку. Я не желал ничего этого слышать.

– Ладно, если вы хотите по-плохому, отлично. Расскажите о том, как вы шантажируете клиентов.

– Как я что? – напрягся Стивенс. В его голосе послышались неуверенные нотки.

– Вы спрятали имеющуюся у вас информацию о Рэйчел Моррис, чтобы было чем шантажировать ее мужа.

– Что за бред.

– Вот тут вы не правы, – сказал я. – Это никакой не бред. Джейми Моррис попросил вас сохранить все в тайне, и вы наверняка договорились с ним о цене. Вы ведь слышали, что Рэйчел Моррис была недавно похищена особо опасным преступником, который уже похитил и лоботомировал четырех женщин? А если мы вспомним, что отец Рэйчел Моррис – Дональд Коул, можно легко понять, как Джейми Моррис превратился в ваш личный банкомат.

– У вас нет доказательств.

– А мне они и не нужны. Я видел телохранителей Дональда Коула. Один из них на восемь сантиметров выше вас и на двадцать пять килограммов тяжелее, так что он уложит вас, даже не вспотев. А судя по внешности второго, он с большим удовольствием вырвет у вас ногти плоскогубцами. Как, по вашему мнению,отреагирует Дональд Коул на новость о том, что вы удерживаете информацию, которая может помочь найти его дочь? Думаете, он захочет сначала взглянуть на доказательства?

Стивенс побелел. Я укоризненно покачал головой и громко вздохнул.

– Как-то плохо вы все продумали, – и я повернулся к Темплтон. – Плохо он все продумал, да?

– Да, плохо, – согласилась она.

Стивенс с усилием сглотнул. Сейчас он походил на змею, проглотившую мышь.

– Я дам вам то, что вы просите, а вы ни слова не говорите Коулу.

– Я – могила.

– Как я могу вам доверять?

Я опять укоризненно покачал головой и вздохнул.

– В этом-то все и дело, что никак. Но вы можете быть уверены, что, если вы не дадите мне то, что я прошу, я пойду к Коулу.

Стивенс подошел к Пикассо и снял его со стены. В стену за картиной был вмонтирован небольшой сейф, стальная дверца которого была замаскирована штукатуркой. На дверце был дисковый комбинационный замок – сейф был несгораемым, но не взрывостойким. Стивенс дважды

повернул барабан влево и вправо, набирая комбинацию цифр. Открыв дверцу, он достал зеленую папку и маленькую флэшку и неохотно передал их мне.

На папке было написано имя Рэйчел Моррис уже знакомым мне аккуратным почерком Стивенса. Единственная разница была в том, что эта папка была тоньше, чем остальные, – скорее всего потому, что дело Рэйчел было совсем новое. Внутри были ее фотографии и несколько страниц с общей информацией. Ничего интересного.

– Вся ценная информация – на флэшке, – сказал Стивенс, читая мои мысли. – Фотографии, расшифровки – все.

– Это все, что есть? – переспросила Темплтон.

– Все, – заверил Стивенс.

Мы направились к двери.

– Не забывайте, у нас договор, – бросил Стивенс нам в спину.

– На вашем месте я бы задумался о переезде в другую страну, – ответил я. – Возможно, придется имя сменить и пластическую операцию сделать.

Мы вышли, и у меня опять заломило кости от холода. В свете уличных фонарей моя кожа выглядела болезненно-оранжевой. Овечья куртка с капюшоном нисколько не грела. В следующий раз, когда меня пригласят в Лондон, я выберу летнее время. Я еще могу вытерпеть Лондон в июне, но в декабре он меня вымораживает.

– Вот за что тебя попросили из ФБР – за такие вот фокусы, да? – спросила Темплтон. – Я уже потеряла счет преступлениям, которые мы совершили за сегодняшний день.

– На твоём счету два, – сказал я. – На моем – три. Если считать запрещенную парковку в Камдене, то тогда у тебя тоже три, и мы квиты. И, кстати, я сам ушел из ФБР, меня не уволили.

Темплтон покачала головой и расплылась в улыбке.

– Уинтер, ты невозможен.

– И это хорошо, так ведь?

– Еще не факт. У Джейми Морриса большие проблемы, – добавила она. – Не могу поверить, что он утаил это от нас. Чем он думает?

– Он подумал, что, раз жена ему изменяет, пусть ей за это достанется по полной.

– Но ее пытаются, режут заживо и, если мы не успеем, лоботомируют. Господи, Уинтер, это ненормально.

Темплтон достала мобильный.

– Я позвоню, чтобы его вызвали в отделение.

Я подумал о Саре Флайт, запертой в психбольнице. Подумал о том, как она просидит перед одним и тем же окном следующие пятьдесят лет. И о том, как Рэйчел Моррис ради хохмы режут ножом. И о том, что в моем кармане лежит визитка Дональда Коула.

– Повремени пока со звонком, – сказал я.

– Но Моррис должен нести ответственность за то, что сделал.

– Согласен. Но подумай сама: сейчас мы его вызовем, и все, что он получит, – это обвинение в отказе сотрудничать со следствием. Если он наймет мало-мальски грамотного адвоката, что он обязательно сделает, все, что ему светит, – это нагоняй. Он даже близко не подойдет к тюремной камере. А это неправильно.

Темплтон прищурилась.

– Ты ведь серьезно говорил про то, чтобы пойти к Коулу? Ты не блефовал?

– Иногда система правосудия неэффективна. Мы ловим преступников, а они находят лазейку в законе и остаются на свободе. Так происходит везде – и здесь, и в Штатах.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Я поступлю так, как посчитаю нужным, и ты сделаешь то же самое, – сказал я, кивнув на мобильный телефон.

Темплтон посмотрела на него и положила в карман.

– Это не значит, что я согласна с твоими действиями. Мне просто нужно время, чтобы решить, как поступить.

– Понятно.

У меня в кармане зазвонил телефон, это был Хэтчер.

– Где ты, черт возьми, Уинтер?

– Лучше тебе не знать.

– Где бы ты ни был, мчись в Мейденхед. Мы нашли исключенного студента-медика, который подходит под твое описание.

Фургон для наблюдения был припаркован за несколько улиц от большого, стоящего на берегу Темзы дома Уильяма Трента – достаточно далеко, чтобы не спугнуть его, когда он будет возвращаться домой, но и достаточно близко, чтобы мы могли оказаться там в течение тридцати секунд. В микроавтобусе сидели я, Темплтон и Хэтчер. Он помолодел сразу на несколько лет. На его лице все еще были заметны следы стресса и нездоровая серость, но они были гораздо менее заметны, чем раньше.

На всех нас были кевларовые бронежилеты с крупной надписью «Полиция» на груди. Более неудачного места для размещения этой надписи было просто не найти – это было все равно что написать на груди «Цель». Кевларовое волокно эффективно для большинства типов пуль, но не всех. В фургоне стоял устойчивый запах пота, кофе, фастфуда и сигарет.

На единственном мониторе транслировалось изображение, и все глаза были прикованы к нему. Картинка была почти неподвижна. Трансляция велась со скрытой камеры, установленной напротив главных ворот, служивших единственным подъездом к дому. Нам были отлично видны дорога к дому, его фасад и пустой двор.

Белые стены, терракотовая черепичная крыша, пальмовые заросли – этот дом мог бы находиться где-то в Средиземноморье: в Италии, Испании, на Французской Ривьере. Он стоял на берегу Темзы и возле дома находился собственный причал. У пирса был пришвартован быстроходный катер, но Трент вряд ли воспользуется им для побега. И даже если это случится, далеко ему не уйти.

– У Уильяма Трента – привязанность к трупам, – начал рассказывать Хэтчер. – Когда он учился в медицинском, он любил по ночам пробираться в больничный морг и расчленять трупы. В какой-то момент там установили скрытое видеонаблюдение и поймали его с поличным, но предпочли не поднимать шумиху, потому что реакция общественности обещала быть крайне негативной. Одно дело завещать тело науке, совсем другое – оставить его на расчленение психу, который получает от этого кайф. Наверняка не так много людей завещают свои тела медикам, и, если такого рода новости станут достоянием общественности, количество этих людей резко сократится.

– Что еще вы выяснили о Тренте? – спросил я.

– Он полностью соответствует твоему поисковому портрету. Он белый,

возраст – тридцать три года, из богатой семьи. У его отца была сеть супермаркетов, которую он продал сети «Tesco» за десять миллионов фунтов. Это было пятнадцать лет назад. Через три года отец и его жена погибли в автокатастрофе. Тренту-младшему досталось все.

– Ничего подозрительного не было в обстоятельствах катастрофы?

Хэтчер покачал головой:

– Нет. Он сел за руль в состоянии алкогольного опьянения. Дело открыли и закрыли. Трент превысил скорость в три раза и потерял контроль над управлением своим «мерседесом». Он съехал с дороги и врезался в дерево. Других участников ДТП не было. И несмотря на то, что у Трента-младшего явно был мотив, тормозной трос не был перерезан, и ничего подозрительного не нашли.

– Где он учился?

– При больнице Найнуэлс в Данди. Он продержался там всего два месяца, потом его выгнали. Когда его спросили, почему он делал то, что делал, он сказал, что ему нравится вонзать нож в человеческую плоть. Извращенец.

– Он женат? – спросил я.

– Да, четыре года. Жену зовут Мэрилин. Он ее бьет. Она несколько раз обращалась в полицию, но всегда забирала заявление еще до того, как дело передавали в суд. Ну, ты знаешь, как это бывает.

– Когда было последнее обращение?

Хэтчер взял в руки пачку бумаг и пролистал их.

– В июле. У нее был сломан нос, фингал под глазом, несколько сломанных ребер. Сначала она сказала, что это сделал Трент, а потом – что она поскользнулась и упала с лестницы. Сейчас в доме женщина. У нас есть ее фото, и мы уверены, что это Мэрилин Трент.

– Есть какая-то информация о том, что сейчас происходит в подвале?

– Боюсь, что нет.

– То есть Трент сейчас может быть там, внизу, с Рэйчел Моррис.

– Нет, не может, – сказала Темплтон. – Он только что подъехал к дому.

На экране черный «порше» повернул направо в сторону дома. Хэтчер отдал приказ своим людям, и в ту же секунду мы услышали рев двигателей и визг шин. В мгновение ока я выскочил из фургона, и мы с Темплтон побежали к «БМВ». Она дала по газам, шины взвизгнули одновременно с ревом мотора.

Перед нами мчались три полицейские машины с включенными мигалками и воющими сиренами. Мы встали в хвост этой колонны и практически тут же подъехали к дому, разбрасывая шинами гравий. Три

машины встали вокруг «порше» Трента, заблокировав ему выходы.

Из машин выскочило шестеро полицейских, все в бронежилетах и шлемах. Трое из них были вооружены и стояли с пистолетами, направленными на Уильяма. Он застыл перед большими двойными дверями с ключами в руке.

Все кричали одну и ту же фразу, вразнобой приказывая Тренту встать на колени и поднять руки над головой. Это был кульминационный момент. Сейчас либо все закончится хорошо, либо плохо. Напряжение было на пике, и, если хотя бы у одного полицейского сейчас дрогнет палец и он чуть сильнее нажмет на курок, Трент окажется в реанимации или морге.

Трент замер, как кролик в свете прожектора. Полицейские опять скомандовали ему сдаться, и я уже был почти уверен, что сейчас он совершит глупость. Но он встал на колени и завел руки за голову. Двое полицейских подбежали к нему, надели на него наручники и отвели в ближайшую машину.

Мы нашли Мэрилин Трент на кухне. Она стояла на коленях, прижавшись к большому двустворчатому холодильнику. В дрожащей руке она держала разделочный нож с пятнадцатисантиметровым лезвием. Она была в ужасе и выглядела ошалевшей и напряженной.

На кухне было стерильно чисто и неуютно: на потолке – десятки точечных галогеновых лампочек, пол выложен черной плиткой, столешницы – из черного мрамора, дверцы шкафов и ящиков – тоже черные. Цветовая гамма, а также обилие стальных и хромированных поверхностей делали кухню больше похожей на мужскую, чем на женскую.

Под левым глазом Мэрилин Трент красовался синяк, очевидно, полученный в последний раз, когда она упала с лестницы или ударилась о дверь. Она была в пижамном комплекте – коротких шортах и футболке. Руки и ноги ее были покрыты старыми шрамами в форме крестов. Их нанес человек, которому нравилось вонзать нож в человеческую плоть. Эти шрамы были совершенно не похожи на аккуратные параллельные шрамы, которые оставляет на себе членовредитель.

Я с Хэтчером и еще двумя полицейскими остался у двери, а Темплтон подбиралась к Мэрилин – медленно и осторожно. Операцию поручили ей, потому что она была единственной женщиной среди нас. Мэрилин была напугана до полусмерти. Она по-прежнему держала нож, и, скорее всего, приближение мужчины в этот момент стало бы для нее последней каплей. Темплтон шла, вытянув руки, чтобы показать Мэрилин, что она не вооружена и не опасна. Она тихо что-то говорила, успокаивая Мэрилин бесконечным потоком бессмысленных слов. Она говорила с ней, как с

испуганным ребенком или опасным животным. Мэрилин еще глубже забилась в угол между холодильником и стеной и казалась совсем крошечной.

– Не подходите, – прошептала она.

– Эй, все будет хорошо, – сказала Темплтон.

– Пожалуйста, не подходите.

– Положи нож, Мэрилин. Уильям тебя больше не ударит, я обещаю.

Мэрилин посмотрела на нож, и на ее лице отразилось удивление, будто она не могла понять, как он у нее оказался. Она бросила нож, и он с грохотом упал на пол. Темплтон медленно, не торопясь, продвигалась вперед. Она отбросила нож ногой, и он полетел по гладкому мраморному полу за пределы досягаемости. Затем она присела перед съежившейся женщиной и помогла ей встать. Мэрилин сначала сопротивлялась, но вскоре поддавалась мягкому тону Темплтон.

– Сэр, вы должны это увидеть!

От испуга Мэрилин застыла на месте и перевела взгляд туда, откуда слышался голос. Она смотрела вниз на пол так, как будто могла видеть сквозь итальянскую мраморную плитку. Раздался еще один крик, и на этот раз в голосе слышалась неприкрытая радость. Я убежал с кухни, Хэтчер следовал за мной по пятам. Мы нашли дверь в подвал и побежали вниз.

Короткий коридор привел в комнату, столь же ярко освещенную, как и кухня. Здесь тоже все было черным – стены, потолок, линолеум. Внутри была рама – орудие пыток «железная дева». На большой кровати «кинг-сайз» лежал черный кожаный матрас с множеством мест для крепления веревок. На вешалках висели кожаные костюмы, комплекты из винила, был костюм медсестры, горничной, костюм из красной кожи с красной маской. Целые полки занимала обширная коллекция секс-игрушек, аксессуаров и DVD-дисков. На стене висел огромный экран диагональю, по меньшей мере, полтора метра. Воздух в комнате был спертым и затхлым, как в раздевалке, – удушающая смесь пота, крови и спермы.

– Похоже, мы его нашли, – сказал Хэтчер и почти что улыбнулся.

– Доброе утро, номер пять!

Рэйчел открыла глаза и увидела улыбающегося Адама. Много в нем было ненавистно ей, но улыбка была первым номером в списке.

Вечером она заставила себя съесть все, что было на тарелке, хотя под конец ее уже тошнило. Она ела, потому что ей хотелось забыться в наркотическом сне. Ей казалось очень заманчивой перспектива сбежать из этого ада хотя бы на несколько часов, но и этому ее плану не суждено было сбыться. Лекарственный сон не был похож на настоящий, он напоминал алкогольное опьянение. Проснувшись, ощущаешь себя не отдохнувшей и свежей, а разбитой и обессиленной – еще хуже, чем до сна.

Рэйчел помнила, как забралась на тонкий запятнанный матрас, завернулась в одеяло и провалилась в забытие. Сейчас же она чувствовала себя обманутой и жалела, что доела весь ужин. В голове был туман, в руках и ногах – тяжесть. Тело было, как чужое, думать было трудно: мозг отдавал команды, но они с трудом доходили до адресатов.

– Ты, наверное, хочешь пить, номер пять.

Рэйчел кивнула, и Адам поднес к ее губам большую двухлитровую бутылку воды и жестом приказал ей пить. Ей пришло в голову, что в воду наверняка что-то подмешано, но ей было все равно. Она сделала жадный глоток, затем второй. Адам убрал бутылку.

– Номер пять, пить медленно.

Он опять поднес бутылку к ее губам, и она сделала еще один глоток, на этот раз медленно. По вкусу это была обычная вода, не чувствовалось никаких примесей, но разве можно было знать наверняка? Она слышала что-то про рогипнол, но не знала, имеет этот препарат вкус или нет. Весь ее опыт с лекарствами сводился к простейшим болеутоляющим и нескольким рецептурным наименованиям. Адам закрутил крышку бутылки и опять улыбнулся своей чарующей улыбкой.

– Я придумал, какого наказания ты заслуживаешь, – сказал он.

Рэйчел почувствовала, как у нее сводит кишки.

– Пожалуйста, не мучай меня. Я сделаю все, что скажешь.

– Я знаю, что ты сделаешь.

– Все, что угодно, – повторила она.

– Сначала ты сопротивлялась, потом злилась, сейчас пытаешься торговаться, – сказал Адам. – Ты молодец, номер пять. Остальные гораздо

быстрее дошли до этой стадии. Потом у тебя будет депрессия, которая обычно длится дольше всех остальных этапов, и наконец мы придем к принятию. Я жду не дождусь, когда ты сломаешься.

– Пожалуйста, не мучай меня.

Она ненавидела себя за эти мольбы, но ничего не могла поделать. Ей хотелось снова потерять сознание, погрузиться в темноту. Адам пришел наказать ее, и она ничего не могла сделать, чтобы помешать ему. Пришло время расплаты.

– Номер пять, сесть в кресло.

Рэйчел неуверенно встала на ноги, и комната заходила ходуном. Она протянула руку, чтобы опереться о стену и сохранить равновесие, закрыла глаза и ждала, пока пройдет головокружение. Сделав глубокий долгий вдох, она пошла к креслу. Адам смотрел, как она идет. Больше всего на свете ей хотелось повернуться и посмотреть ему в глаза. Но она пересилила себя, не желая доставлять ему это удовольствие.

Почти подойдя к креслу, Рэйчел вдруг споткнулась и упала. Она попыталась выставить вперед руки, чтобы смягчить падение, но с замедленной реакцией это было невозможно, и она упала лицом в пол. Глухой удар головы о плитку сопровождался острой болью, от которой перехватило дыхание. Перевернувшись на спину, Рэйчел увидела, что Адам сидит на корточках и озабоченно вглядывается в ее лицо. Он протянул руку, чтобы потрогать нос, и Рэйчел постаралась уклониться от прикосновения.

– Не двигайся.

Она застыла. Адам говорил не так, как обычно. Его привычное самообладание, уверенность и высокомерие куда-то делись. Он казался обеспокоенным и обращался к ней не как обычно, по номеру. С момента их встречи он впервые отнесся к ней, как к человеку. Адам протянул руку, и Рэйчел заставила себя не отвернуться. Он провел пальцами по ее носу, внимательно исследуя его от переносицы до кончика. У него были мягкие руки, как у человека, который не работал ни одного дня в жизни.

– Тебе повезло. Нос не сломан. Впредь аккуратнее, номер пять. На кресло, – скомандовал он, и к нему вернулись привычные уверенность и надменность.

С третьей попытки Рэйчел встала на ноги. Ползти она не хотела, это было делом принципа. Ей хотелось сохранить остатки гордости и чести. Осторожно переставляя ноги, она дошла до кресла. Несколько раз она почти падала, но каким-то чудом смогла дойти.

Подойдя к креслу, она упала на него. Адам застегнул ремни на ногах, руках и вокруг головы. Затем он проверил, достаточно ли туго они

затянуты, и ушел. Он вернулся с прибором для измерения давления, включил его, обернул манжету вокруг пальца и снова ушел. Писк монитора раздавался по всей комнате, пульс у Рэйчел был ровный и медленный благодаря успокоительным. Без них у нее явно уже случился бы сердечный приступ.

– Может, так было бы лучше?

Рэйчел хотела обернуться, чтобы посмотреть, кто это сказал, но ремни превращали все ее попытки в серию резких вздрагиваний. Она была уверена, что это был женский голос. Сюда пробралась Ева? Она почти что позвала ее по имени, но потом до нее дошло, что голос был не Евы, а ее собственный. Рэйчел не верилось, что она практически произнесла вслух ее имя. Тем самым она поставила бы ее в очень опасное положение. И себя тоже. Что сделает Адам, если узнает, что они общаются? Изобьет? Запретит Еве кормить ее?

Она взглянула вверх на ближайшую камеру и представила, как Адам сидит в комнате и смотрит, как она пытается вырваться из тугих ремней, как он слушает ее возгласы, пока она сходит с ума. Она глубоко вздохнула, медленно досчитала до десяти и сказала себе собраться. Время шло. Она не знала сколько. Она попыталась считать минуты и секунды, но в голове был туман, и она постоянно сбивалась.

Рэйчел услышала приближающиеся шаги Адама и стала часто моргать, чтобы убрать слезы. В горле, казалось, был песок, ей стало дурно. Адам уже шагал по комнате, и металлический лязг и скрип колес означал, что он везет тележку.

Как и в прошлый раз, Адам поставил тележку так, чтобы Рэйчел были хорошо видны все инструменты. Она старалась не смотреть туда, но глаза сами собой устремлялись в сторону шприцев, резиновых трубок, швейных игл с почерневшими кончиками, ножа, которым он резал ее в прошлый раз. С ножа была счищена кровь, и он снова сверкал в свете галогеновых ламп.

– Номер пять, убегать было нельзя.

– Мне очень жаль, – прошептала Рэйчел.

– Нет, тебе не жаль. Но ты обязательно пожалеешь.

Адам перевязал резиновой трубкой руку Рэйчел и нащупал вену. Проткнув ее и сделав укол, он снял жгут. Давление поднялось выше ста, и волна эйфории поглотила ее. На этот раз она знала, чего ожидать, и эйфория сопровождалась ужасом. Дыхание стало прерывистым и коротким, а кожа, казалось, была под высоким напряжением.

Она видела, как Адам берет нож и играет им. Он вертел его из стороны в сторону, играя отблесками света на лезвии. Улыбнувшись и покачав

головой, он осторожно вернул нож на тележку. Затем он взял швейную иглу и медленно провел черным кончиком по щеке Рэйчел. Она крепко закрыла глаза и, насколько было возможно, потянулась головой вверх. Швейная игла тоже вернулась на тележку, и Рэйчел открыла глаза.

– Возможно, в следующий раз, – сказал он.

Затем он взял инструмент, один конец которого был заострен, а другой имел плоскость для удара молотком.

– Это орбитокласт, – сказал Адам. – В свое время он нам с тобой понадобится. Я вставлю его тебе над глазами и достану до мозга. И ты в это время будешь бодрствовать. Ты будешь в крайней степени бодрствования. Я превращу тебя в женщину-невидимку.

Рэйчел смотрела на инструмент в руках Адама, и сердце ее билось как бешеное. Она знала, что Адам так и сделает. Четыре раза это уже случилось. Все, что она могла, – это оставаться в живых насколько возможно долго и надеяться, что полиция найдет ее вовремя или ей как-нибудь удастся сбежать. Другого плана у нее не было, хотя и этот был совершенно не похож на план.

Адам снова улыбнулся и вернул орбитокласт на тележку.

– Но это будет не сегодня. Сегодня у меня для тебя есть нечто особенное.

Он взял садовые ножницы и посмотрел на левую руку Рэйчел. На лице его был восторг, взгляд направлен куда-то вдаль. Рэйчел проследила за его взглядом и увидела кровавые пятна на виниловой обивке кресла.

– Нет, – сказала она.

– Да, – откликнулся Адам.

Он дважды щелкнул ножницами. Судя по звуку, Адам очень хорошо ухаживал за ними и регулярно точил. Рэйчел даже чувствовала запах масла. Она сжала руку в твердый кулак, и ногти вонзились ей в ладонь. Адам взял ее за мизинец, отогнул его и раскрыл ножницы.

– Я требую адвоката.

– А я требую виллу на Карибах и супермодель-подружку, – сказал я. – Живем не в сказке, знаешь ли.

Уильям Трент сидел за столом напротив меня, Хэтчер – слева. Камера, с которой велась видеозапись, была направлена на Трента. Мы сидели в той же самой комнате, где еще вчера разговаривали с Джейми Моррисом, и сегодня обстановка в ней веселее не стала – все тот же покоцанный стол, раздолбанные стулья и дух отчаяния. Запах сигарет вызывал у меня сильное желание покурить. Увидев, что я полез в карман, Хэтчер закашлял и покачал головой.

– Ну и что? – спросил Трент. – Будете играть в хорошего и плохого полицейского?

– Ты слишком много фильмов смотришь, – ответил я.

– Я знаю свои права. Я могу не отвечать на ваши вопросы до приезда моего адвоката.

– Повторяю: ты смотришь слишком много фильмов.

Какое-то время я сидел, пил кофе и ничего не говорил. Я смотрел на часы, следил за тем, как секундная стрелка движется по циферблату, преодолевая шесть градусов в секунду, 360 градусов в минуту, 21 600 градусов в час, 518 400 градусов в день, 189 216 000 – в невисокосный год, 189 734 400 градусов в високосный год.

– Ну, так что? – спросил Трент. – Так и будем сидеть? Давайте, попробуйте уже выудить из меня какое-нибудь признание!

Я выпил еще немного кофе и вытащил из кармана фотографии «после», которые я снял со стены диспетчерской. Я разложил их по хронологии, в том порядке, в котором женщины были похищены, и стал бросать их по одной на стол, как игральные карты, – Сара Флайт, Маргарет Смит, Кэролайн Брент, Патрисия Мэйнард. Я внимательно смотрел за реакцией Трента, но не мог поймать ровным счетом ничего, кроме незначительного любопытства. Когда последняя фотография упала на стол, Трент посмотрел на меня и усмехнулся. Он был полностью расслаблен, даже слишком: не было ни учащенного дыхания, ни резких движений, никаких других следов напряжения.

– Это ваши подружки? Какие-то они неулыбчивые. Понимаю, почему вы мечтаете о супермодели.

– По-твоему, это смешно? – спросил Хэтчер.

– Вообще, да, я думаю, это смешно, – опять усмехнулся Трент. – Знаете, когда я отсюда выйду, я подам на вас в суд за необоснованный арест, получу несколько сот тысяч фунтов за ту боль и страдания, которые вы мне принесли. У меня прекрасный адвокат, самый лучший.

Хэтчер сжал кулаки и снова разжал. Трент увидел это и развеселился еще больше.

– И что вы собираетесь делать, господин полицейский? Изобьете меня? Может, руку сломаете или ногу? Пару ребер? Эта опция будет стоить вам еще тысяч двадцать или тридцать компенсации.

– Где Рэйчел Моррис? – спросил Хэтчер.

– Это та женщина, которую похитили, да? Про которую только и говорят в новостях? Которой вырежут мозг, – Трент замолчал и посмотрел Хэтчеру прямо в глаза.

– Отвечай на вопрос. Где она?

Трент покачал головой:

– Без понятия. Я ее никогда не видел.

Я пил кофе и слушал эту словесную перепалку. Хэтчер покраснел, кулаки его сжимались и разжимались, на шее пульсировала вена. Я внимательно наблюдал за Хэтчером, чтобы вовремя вмешаться, если вдруг он потеряет контроль и кинется на Трента. Если Хэтчера отстранят от дела из-за глупого дисциплинарного нарушения, это будет катастрофа.

Я дождался подходящего момента и задал вопрос, который уже давно готов был сорваться с языка. Я задал его непринужденным тоном, как будто он касался погоды или скидочного товара в магазине.

– Так какое ощущение ты испытываешь, когда режешь по человеческой коже?

Трент повернулся и посмотрел на меня.

– А мне откуда знать?

– Есть откуда. Я знаю, почему тебя выгнали из медицинского. И я видел шрамы Мэрилин. Так что это за ощущение?

– Я не знаю.

– Кожа легко прорезается, да? А вот когда ты добираешься глубже, там уже нужно приложить усилие. А настоящее удовольствие начинается, когда добираешься до мышц. С женой, правда, не особо повеселишься, да? И тогда что остается делать? У тебя есть договоренность с похоронным бюро? Деньги у тебя есть, а за деньги можно купить все, даже свидание с трупом, если знать, к кому обратиться. А я предполагаю, что как раз этим ты в жизни и занимаешься – заводишь нужные знакомства.

Трент пристально смотрел мне в глаза, намереваясь пересмотреть меня. В его взгляде читалась озадаченность, как если бы он силился понять, откуда я взялся. Трент отвел глаза, а затем вновь посмотрел на меня. На долю секунду в его усмешке проскользнула понимающая улыбка. Глаза его зажглись, он облизал губы и опустил руки на колени. И тут же снова надел маску и вернул руки на стол.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – сказал он.

Мне все стало ясно. Трент дал мне ответ на мой вопрос. Хэтчер вышел за мной в коридор с серыми стенами и потертым линолеумом. Освещение было тусклым, потому что лампы не мыли уже неизвестно сколько времени.

– Это не он, – сказал я.

– Не может этого быть, – ответил Хэтчер.

– Это не он. Ты видел, как он возбудился, когда я начал говорить про трупы? Еще немного – и он начал бы дрочить.

– Что для меня равно признанию! Мы знаем, что Джек-головорез возбуждается, когда наносит жертвам порезы.

– Живым жертвам, – поправил его я. – А Трента заводят трупы. Безусловно, он псих, но он не наш псих.

– А как же его жена? Она вся в шрамах.

– На безрыбье и рак рыба. Жена – жалкий суррогат. Он использует ее как тренажер, пока ждет отмашки из похоронного бюро.

– Но это должен был быть он!

– Ты можешь бесконечно повторять это, Хэтчер, но от этого ничего не изменится. Уильям Трент – не тот, кого мы ищем. Ты видел, насколько он спокоен?

– Просто он социопат, – не сдавался Хэтчер.

– Он не социопат. Он извращенец с парой миллионов в банке. Это совсем другое дело.

– Ты меня не убедил.

– Ну, хорошо, где тогда Рэйчел Моррис?

– Он держит ее в другом месте. Да, может, у него с десяток таких тайников, и он ее с места на место перевозит постоянно, чтобы мы не могли ее найти. Денег у него для этого достаточно.

– Ты хватаешься за иллюзии, Хэтчер, – сказал я, покачав головой. – Нашему психу обязательно нужно держать своих жертв под боком, чтобы, как только его накроет желание, он мог пойти и развлечься с ними. То есть они должны жить у него в доме. Ты ведь весь дом Трента исследовал? Хоть один след Рэйчел Моррис ты нашел?

Хэтчер помотал головой.

– Но это не означает, что это не он.

– Ну ладно, вот тебе еще два доказательства. Во-первых, его дом – на южном берегу Темзы. А наш псих живет на северном.

– Уинтер, да ладно, это совсем уж незначительная деталь.

– Наш маньяк живет к северу от реки, – повторил я. – Во-вторых, ты заметил реакцию Трента на фотографии? Он почти не обратил на них внимания.

– Ну, значит, из него получился бы отличный игрок в покер.

– Я десятки раз проделывал этот фокус, Хэтчер. Он безотказен. Покажи серийному убийцу фотографии его жертв – и получишь реакцию в ста процентах случаев! Она может быть разной – от яростного негодования до упивания и хвастовства. Ты не согласишься, насколько некоторые из них горды сделанным. Это их шедевр, самый яркий момент их жалких никчемных жизней, и они просто не могут не гордиться им. Но я никогда не видел равнодушия. Читай по губам, Хэтчер: Уильям Трент – не тот маньяк, которого мы ищем.

– Хэтчер рвет и мечет, – сказала Темплтон, пока мы спускались в лифте в подземелье Скотланд-Ярда. – Он распинает всех направо и налево, я еле успела ретироваться. Думаю, меня уволят следующей.

– Прояви снисходительность. На нем сейчас столько всего висит, а тут еще этот прокол с Уильямом Трентом, который теперь на каждом углу кричит про необоснованный арест. Эта дополнительная головная боль ему явно сейчас не нужна.

– Я была уверена, что Трент – наша цель.

– Не ты одна.

– Но ты-то знал!

– На бумаге он выглядел хорошо.

– Это не ответ.

– Когда доходит до подозреваемых, я всегда перестраховываюсь и не питаю иллюзий. Слишком много раз приходилось разочаровываться. Я всегда сажусь и разговариваю с ними, прежде чем подтвердить их виновность, – тут я вспомнил о детоубийце из штата Мэн, который напал на полицейского и спровоцировал его на убийство, и добавил: – Если они доживают до ареста.

– Ты хочешь сказать, что можешь определить виновность или невиновность человека, просто поговорив с ним?

– Я еще ни разу не ошибся.

Темплтон засмеялась.

– С таким даром зачем нам вообще судебная система? Целое состояние сэкономим!

– Ты не хуже меня знаешь, что судебная система не имеет ничего общего с виной и невиновностью, – сказал я. – Побеждает та сторона, у которой хватило денег на лучшего адвоката.

Лифт плавно остановился, двери открылись, и мы пошли по коридору.

– Если Трент – не наш объект, значит, нам придется вернуться на исходную позицию, – сказала Темплтон. – Нужно снова проверить всю информацию. Наверняка мы где-то что-то пропустили.

– Согласен, но как бы нам за деревьями леса не пропустить, – сказал я. – Лучше всего – оставить пока все как есть.

– Это легче сказать, чем сделать.

– Кому ты это говоришь, – сказал я, выдавив улыбку.

– Может, встретимся вечером у тебя в отеле и устроим мозговой штурм?

– Давай. Лучше, правда, встретиться у меня в комнате.

Темплтон приподняла бровь и с полуулыбкой взглянула на меня.

– Чтобы было где разложить бумаги, – быстро добавил я.

– Хорошо, давай в восемь. У меня будет время заскочить домой, принять душ, переодеться и покормить кошку.

– У тебя есть кошка?

– Тебя это удивляет?

Я немного подумал и мотнул головой.

– Все правильно. Обручального кольца ты не носишь, так что скорее всего ты не замужем. Ты засиживаешься на работе допоздна, и ты амбициозна, а все это тоже не способствует гармоничным долгосрочным отношениям. Скорее всего ты живешь одна, но вместе с тем любишь компанию, так что вполне логично, что у тебя есть домашнее животное. С собаками нужно гулять, а рыбы скучны. Остаются кошки. Кошки независимы и почти не требуют ухода. Они лучше всего подходят прагматикам, а ты мне как раз такой и кажешься.

Темплтон засмеялась, качая головой.

– Говорят, женщины с Венеры, а мужчины – с Марса. А ты с какой планеты, Уинтер?

Мы подошли к кабинету компьютерщиков, Темплтон отрывисто постучала в дверь, и мы вошли. Сумати Чэттердзи сидела, уткнувшись в монитор, с одной стороны узкой комнаты, а Алекс Ирвин работал в другом ее конце. Они оба подняли головы, но на этот раз Алекс опередил Сумати. Я бросил ей флэшку, и она поймала ее двумя руками. При этом у нее был такой удивленный и шокированный вид, как будто я ей гранату бросил в руки.

– Мне нужно увидеть, что на флэшке, – сказал я. – Не думаю, что она запрограммирована на самоочистку, но будь осторожна.

– Я всегда осторожна.

Сумати вставила флэшку в порт, кликнула левой клавишей и отрывисто и грациозно застучала пальцами по клавиатуре. Алекс оттолкнулся от стола и подъехал к нам на своем кресле.

– Я открыла содержимое флэшки, – объявила Сумати. – К счастью, никаких вирусов и неприятностей не было.

– Что там? – спросила Темплтон.

– Четыре фотографии и текстовые документы. С чего начать?

– Фотографии, – сказала Темплтон.

– Пока мы смотрим фото, можешь распечатать текстовые файлы? – попросил я Алекса.

– Конечно, могу.

Судя по выражению лица Алекса, он с трудом мирился с тем, что ему поручили столь неквалифицированный труд. Вздохнув, он протянул руку и жестом поторопил Сумати. Она быстро скачала фото и отдала ему флэшку. Алекс оттолкнулся от стола и покатился назад за свой компьютер. Я слышал, как он тяжело застучал по клавиатуре, громко нажимал кнопки мыши и громко вздыхал. Принтер в углу комнаты зашумел и выплюнул несколько листов.

– Ну, что там? – спросила Темплтон.

Предвкушение в ее голосе передалось и мне. Все втроем мы прильнули к монитору. Сумати кликнула мышкой, и первая фотография появилась на экране. На ней была Рэйчел Моррис, входящая в бар «Охотник». Она была в профиль, так что нам была видна только половина ее лица, но и этого было достаточно, чтобы убедиться, что это была она. Темплтон тихо прошептала: «Господи», и этим все было сказано. Я представил себе улицу, на которой располагался бар, и стал просчитывать угол съемки.

– Это не из «Малинки» снято, – сказала Темплтон.

– Да, – согласился я. – Там чуть дальше был небольшой тайский ресторан, который, как ни странно, так и называется – «Маленький тайский ресторанчик». Думаю, он сел там, потому что, во-первых, наш маньяк опередил его и занял лучшее место в «Малинке». Правда, на тот момент Стивенс еще не знал, что это за человек. Во-вторых, Стивенс решил сделать два дела одновременно – проследить за Рэйчел Моррис и поужинать.

– А третья причина?

– Он мог выставить счет за ужин Джейми Моррису. Итак, что у нас есть интересного по фотографии? Я имею в виду, по-настоящему интересного.

Темплтон пожала плечами.

– Задам вопрос по-другому. Откуда Стивенс знал, что Рэйчел Моррис будет в «Охотнике»? Он ведь пришел сюда за ней, потому что выследил ее. Он заранее сел в хорошем ресторанчике и ждал, когда она появится.

Глаза Темплтон зажглись догадкой:

– Потому что он установил ей на компьютер шпионскую программу.

– Алекс, – сказал я, – мне как можно скорее нужны распечатки.

– Работаю над этим, – недовольно откликнулся он.

На следующем фото Рэйчел Моррис выходила из «Охотника». Она

стояла у дверей и смотрела налево. Даже в этот момент она еще не оставляла надежду на то, что у него есть уважительная причина для пропуска свидания. Он мог задержаться на работе, по дороге или у него амнезия после удара по голове. Она смотрела в направлении тайского ресторана, и на фото было видно ее лицо. Разрешение было недостаточно хорошее, чтобы по выражению лица сделать вывод о ее настроении, но поза была очень говорящей. В ней отразился весь спектр эмоций: злость, обида, разочарование.

Третья фотография расстраивала больше всего. На ней была Рэйчел и он, но они уходили в другую сторону, и были видны только их спины. Стивенс, очевидно, увидел, что Рэйчел выходит одна и подумал, что на этом его работа закончена. Он оплатил счет, вышел на улицу и тут увидел, что она уже не одна. Проблема была в том, что он оказался не с нужной стороны улицы и не мог сделать фотографию лиц.

– Бестолковое фото, – заметила Темплтон.

– Не совсем, – ответил я. – Рост Рэйчел – метр семьдесят, а он выше ее. Я бы сказал, он где-то метр семьдесят восемь. Видно, что у него среднее телосложение. Так что уже эти две вещи мы теперь знаем точно.

– Дайте секунду, и я скажу еще кое-то, – сказала Сумати. Она кликнула, набила что-то на клавиатуре, и фото стало меняться. Все стало более четким, цвета – более яркими. Наконец она кликнула мышью и сказала:

– Вот, у него темно-русые волосы.

Четвертая фотография просто злила! На ней был запечатлен уезжающий от камеры «порше», вид сзади. То, что Стивенс приложил эту фотографию к папке, означало, что машина принадлежит преступнику. Она была похожа на красную, но точно так же могла бы быть темно-красной, или темно-зеленой, или любого другого темного цвета. Но это определенно был «порше». У «порше» двигатель находится в багажнике, поэтому у машин этой марки очень узнаваемая форма кузова. Новость была хорошая, потому что она подтверждала информацию со штрафной квитанции.

– Я могу приблизить номера, – сказала Сумати.

– Не надо, мы уже пробили их, и номер фальшивый, – ответила Темплтон. – А ты можешь что-то сделать с фотографией, чтобы мы увидели, какого цвета машина?

– Не вопрос, – Сумати запустила программу улучшения изображения. Она кликнула мышкой, использовала увеличение, и через тридцать секунд у нас был ответ.

– Машина черная, – сказала она.

Тут к нам присоединился Алекс и подал мне распечатки.

– Классные шины, – сказал он.

– Мне нужно знать, какая эта модель и год выпуска, – сказал я ему. – И список владельцев таких машин, проживающих на северном берегу Темзы.

Тут я подумал о Сент-Олбансе. Все-таки он был вне нашей зоны.

– Давай увеличим зону поиска, добавим пятнадцать километров с внешней стороны шоссе M25.

– Не вопрос, – Алекс отъехал на свою часть комнаты и принялся за работу.

На первой распечатке была расшифровка переписки Рэйчел Моррис с преступником. Судя по дате, она произошла три недели назад. Рэйчел вела ее с рабочего компьютера. Шпионская программа Стивенса фиксировала только вводимый текст, поэтому мы могли видеть только текст, который набирала Рэйчел. Я мог заполнить отсутствующие реплики, но мои слова не принадлежали преступнику и не могли характеризовать его. Я прочел все страницы, что заняло менее минуты.

– Что мы имеем? – спросила Темплтон.

– Он молодец, – сказал я. – Сделал так, что Рэйчел Моррис делилась с ним самыми интимными деталями, которые она вряд ли рассказывает даже лучшей подруге. Он хорошо знал, на какие кнопки нажать, когда продолжить расспрашивать, а когда замолчать. Он не торопился и действовал очень осторожно. Встречу он организовал, дождавшись нужного момента. Ему можно мастер-класс давать по обхаживанию девушек. В первый раз бар «Охотник» был упомянут за два дня до того, как он ее похитил. Место явно было проверено им заранее, чтобы все прошло без сюрпризов. Наверняка он приходил в бар. Если бы у нас была фотография его лица, мы могли бы сопоставить ее с изображением камеры видеонаблюдения и узнать, когда он приходил. Это было совсем недавно, так что кто-нибудь из бара вполне мог бы вспомнить его. Но фотографии у нас нет, так что и говорить не о чем.

– Ему повезло, Уинтер. Признай.

– Дело не в удаче. Он очень осторожный, хорошо организованный и дотошный. Каждое его действие убивает двух зайцев. Он хочет продолжать свою игру, и он не хочет, чтобы его поймали.

– Что-то еще?

– Да, задача для Сумати.

Компьютерный гений наострила уши и повернулась ко мне.

– Они познакомились на сайте cheatinghusband.com. Подобные сайты обычно хранят протоколы переписки пользователей. Проверьте, есть ли

протоколы разговоров Рэйчел и маньяка, и, если есть, мне очень нужно увидеть его реплики.

– Как же не повезло! Если бы Стивенсу удалось сделать снимок спереди, Джек и его подружка были бы за решеткой уже к завтрашнему утру.

– Может, связаться со Стивенсом и попросить описать этого человека? – предложила Сумати.

– Хочешь съездить к нему? – спросил я Темплтон.

– Думаю, он даже не видел его лица, ведь он все время шел за ними, – предположила Темплтон. – Сначала он следовал за Рэйчел, когда она вышла из бара, и в какой-то момент между ними появился Джек, но Стивенс опять оказался у него за спиной и, получается, лица его не видел.

– И даже если бы он видел лицо, все равно нам бы это не помогло, – добавил я. – Свидетельствам очевидцев доверять невозможно. Попроси десяток людей описать какого-нибудь мужчину, и окажется, что он одновременно низкий и высокий, белый и черный, толстый и худой со светлыми волосами, которые могут быть и черными, и русыми, и даже седыми. Да что говорить, половина вообще скажет, что это была женщина, а не мужчина.

– Это было глупое предложение с моей стороны, – заметила Сумати.

– Нет, не глупое. На данном этапе глупых предложений быть не может.

– Оптимизм намекает на то, что мы продвинулись.

– Не так уж и сильно, – я повернулся к Сумати и Алексу. – Как только у вас, ребята, что-то появится – хоть что-нибудь, сразу звоните мне. И неважно, какое это будет время суток.

– Без проблем, – сказали они почти в унисон, уже затерявшись в киберпространстве и не отрываясь от экранов.

Мы вышли из комнаты и поднялись на лифте на четвертый этаж. У меня зазвонил телефон, и на экране высветилось имя Хэтчера.

– Какие новости, Хэтчер?

– Ты был прав насчет первой жертвы. С судмедэкспертами мы никакого результата не добились, так что я попросил раскопать все нераскрытые убийства, произошедшие за последние два года. Одно дело выделялось. Чарльз Бреннер, семнадцатилетний мальчик по вызову, работал в районе Кингс-Кросс. Он был похищен полтора года назад и убит молотком. Убийца явно без башни, весь череп и лицо были разбиты в бесформенную массу.

– И это преступление выделяется, потому что больше на теле никаких повреждений не было. По крайней мере, тех, которые могли бы быть

связаны с убийством.

– Как ты это узнал?

– За это ты мне и платишь большие деньги, – сказал я. – Дай догадаюсь. Из-за рода его деятельности его смерть квалифицировали как случай сексуального насилия. Ведь наверняка было множество подтверждений того, что он подвергался сексуальным домогательствам. Полиция выполнила все формальности, но очень глубоко не копала. Труп был, более-менее достоверная версия убийства была. У Бреннера не было никого, кто заставил бы полицию искать убийцу. Если бы был, то парень не занимался бы проституцией. А где нашли тело?

– В Баркинге.

– Это северный берег Темзы?

– Да. Не знаю, нашего ли маньяка рук это дело, но вроде бы все сходится.

– Это он, Хэтчер. Все сходится по месту и времени. Что есть еще?

– А кто говорит, что есть что-то еще?

– Потому что ты улыбаешься, я слышу.

– Черт тебя побери, Уинтер.

– Ты все еще улыбаешься.

Хэтчер засмеялся в голос и сказал:

– В Бристоле из музея Гленсайд при мединституте был украден орбитокласт. Это случилось прямо перед похищением Сары Флайт. Плохо то, что полиция не восприняла эту кражу всерьез. Поскольку больше ничего украдено не было, они подумали, что это шалость кого-то из студентов.

– Сколько времени займет дорога до Бристоля?

– В это время дня – пару часов. Если ехать на всех парах с мигалками – полтора часа.

Это означало потерю пяти часов, четыре из которых мы просто просидим в машине. Если повезет, вернемся к полуночи. Неэффективное использование времени.

– Мне нужен вертолет, – сказал я.

– А мне – гоночный «Макларен».

– Я серьезно, Хэтчер.

– Я не могу достать тебе вертолет, Уинтер.

– Мне он нужен всего на пару часов. Обещаю отдать, клянусь чем угодно и все такое.

– Я не могу достать тебе вертолет.

– Конечно, можешь. Ты босс. Ты – царь и бог, помнишь? Ты можешь

сделать все, что захочешь.

– В третий и последний раз повторяю, Уинтер, я не смогу достать вертолет.

– Плохо слышу тебя, ты пропадаешь! – я нажал на сброс и положил телефон в карман. – Летим в Бристоль, – сказал я Темплтон. – На вертолете.

– Круто!

Мощный рев двигателей «Eurocopter EC145» не оставлял ни малейшей возможности о чем-либо думать – даже в наушниках легко было оглохнуть. Все мое нутро вибрировало в такт с оборотами лопастей, сотрясаясь от мощных колебаний вертолета. Темные облака висели низко, и мы иногда задевали их края и попадали в турбулентность.

За штурвалом был пилот с почасовой оплатой, и комфорт пассажиров в списке его приоритетов был на последнем месте. Ему было велено как можно скорее добраться из пункта А в пункт Б, и именно этим он и занимался. Он летел жестко и быстро, словно мы направлялись в зону военных действий подбирать раненых. Ощущения от перелета были сравнимы с катанием на американских горках, только было еще на порядок веселее. Когда нас в очередной раз начало болтать, Темплтон закатила глаза и так сильно впилась руками в ремни безопасности, что костяшки ее пальцев побелели.

К больнице вертолет подлетел носом вниз, а хвостом вверх. Пилот выровнял машину, и мы еще пару секунд повисели в воздухе, после чего мягко сели на траву. Двигатели затихли, и вскоре лопасти перестали вращаться. Мне понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к тишине. По прямой от Лондона до Бристоля было 160 километров. Наш перелет от взлета до посадки занял сорок пять минут, в два раза меньше, чем если бы мы ехали сюда на автомобиле с мигалками.

Больница Гленсайд изначально была психушкой, во время войны служила военным госпиталем и тогда же перешла в собственность Университета Западной Англии. Старые здания бывшей психиатрической лечебницы соседствовали с более современными постройками, являя собой готические памятники маниям и сумасшествию.

Музей располагался в здании церкви. Рабочий день уже закончился, но от Хэтчера позвонили и предупредили о нашем визите. Темплтон постучала в старую дубовую дверь. Было темно, холодно, и я как никогда сильно захотел оказаться в Калифорнии. Чтобы немного разогнать кровообращение и согреться, я стал топтать ногами и растирать ладони. Темплтон, казалось, не замечала холода, а если и замечала, то виду не подавала.

В замке зашевелился ключ, и дверь открылась настежь. Элизабет Драйден представилась и жестом пригласила нас внутрь. Ей было далеко за

семьдесят, если не все восемьдесят. Она давно была на пенсии. Это была маленькая и хрупкая, словно птичка, женщина. Судя по тому, как медленно она двигалась, у нее был артрит. Одета она была в твидовый костюм, седые волосы забраны в тугий пучок. Очки она носила на цепочке и говорила с аристократическим акцентом, характерным для дикторов «Би-би-си» пятидесятых годов.

В здании по-прежнему пахло церковью. Каменные стены впитали ароматы ладана, воска и старого дерева. Скамейки убрали, вместо них стояли витрины, демонстрирующие историю психиатрической помощи, начиная с конца девятнадцатого века.

– Полиция не проявляла интереса к этой краже, – заметила Драйден. – Почему вдруг такая перемена?

– Мы считаем, что она может быть связана с очень важным расследованием, – ответил я.

– Раз вы прилетели сюда из Лондона, расследование действительно важное. Когда произошел этот инцидент, мы еле-еле дождались, пока к нам из местной полиции на машине кто-нибудь доедет. У вас акцент. Вы из Америки?

– Да, из Северной Калифорнии.

– А сейчас работаете на лондонскую полицию.

– Я выступаю в качестве приглашенного консультанта, помогаю по конкретному расследованию.

– Речь про тех девушек, которым лоботомию делают, да? Вы думаете, что ее делают нашим орбитокластом?

– Именно так, – сказал я.

– Я помогу, чем только смогу.

– Можете показать витрину, из которой украли орбитокласт?

– Конечно. Сюда.

Драйден провела нас по нефу и повернула направо в южный трансепт. Ключи в ее руке звенели в такт шагам. Она остановилась перед экспонатом, изображающим лежащего на столе мужчину. Широкие кожаные ремни на руках, ногах и на лбу жестко фиксировали его положение. Голова была запрокинута назад для удобства доступа к глазным впадинам. Рядом стоял человек в белом халате и маске, олицетворяющий врача и создающий иллюзию проведения медицинской процедуры. В маленьком застекленном боксе лежало необходимое оборудование. Орбитокласт торжественно располагался в самом центре.

Драйден проследила за моим взглядом и сказала:

– Как вы понимаете, это не оригинальный орбитокласт.

– Можно мне посмотреть его?

– Конечно!

Она открыла стеклянный бокс и подняла крышку. Двумя руками она взяла инструмент так бережно, как будто это была святыня, и передала мне.

Орбитокласт был легче, чем я ожидал, но вместе с тем в нем была какая-то тяжесть. Я ощущал его историю и все те ужасы, которые совершались с его помощью. За многие годы металл почернел и приобрел шероховатости. Я внимательно его изучил, рассмотрев со всех возможных ракурсов, и передал Темплтон. Ей явно не хотелось его даже в руки брать. Формально взглянув на него, она передала его Драйден так быстро, как будто он жег ей ладони. Драйден вернула орбитокласт на место и какое-то время сдвигала его в боксе то влево, то вправо, пока не нашла то самое положение, в котором он лежал до нашего прихода.

– Как все случилось? – спросил я.

– Вор подошел к экспонату и, совершенно не таясь, проломил стекло, взял орбитокласт и выбежал. Все произошло очень быстро.

– Вы что-то можете рассказать про вора? Вы помните, как он выглядел?

На морщинистом лице Драйден отобразилась озадаченность.

– Боюсь, вы меня неправильно поняли. Орбитокласт своровал не мужчина, а женщина.

Темплтон взглянула на меня, и в ее глазах отразилось радостное возбуждение. Мы сразу же решили, что это сделала сообщница нашего маньяка.

– Я заметила у вас тут камеры наблюдения, – сказала Темплтон. – Не удалось заснять момент кражи?

– Удалось. Хотите посмотреть?

– Это было бы замечательно, – сказала Темплтон.

Драйден привела нас в маленькую комнатку, в которой когда-то располагался кабинет священника, отделанный темным деревом. Повсюду были резные орнаменты и претенциозные элементы декора. На каждой стене висели выцветшие полотна религиозной тематики, а за рабочим столом размещалось большое распятие. С тех пор, как здание перестало быть церковью, в этой комнатке, похоже, ничего не изменилось. Драйден села за компьютер и открыла материалы видеосъемки.

– К сожалению, у нас только две камеры. Обычно мы храним записи в течение трех суток, но эти материалы мы решили оставить, на случай если они понадобятся для получения страховки, – сказала она и бросила взгляд в направлении Темплтон. – И мы все-таки не теряли надежды на то, что

придет время и полиция отнесется к этой краже как к полноценному преступлению, а не студенческой выходке.

– Мы бы хотели увидеть все, что у вас есть, – сказала Темплтон.

Изображение было черно-белым и зернистым. Камеры были старые, с низкой частотой съемки, и картинка дрожала, как в некачественном немом кино. Было два коротких видео, каждое не более двадцати секунд.

В первом женщина шла по нефу, лицо ее было повернуто влево, она явно отворачивалась от камеры. На ней была шляпа, ворот пальто был поднят, на лице – темные очки с широкой оправой. Либо она и впрямь была близорука, либо очки использовались с целью маскировки.

Второе видео было сделано с камеры в северном трансепте. Лицо воровки было не видно, зато было видно, что она делает. Все было так, как описала Драйден: женщина подошла к боксу, разбила стекло, схватила орбитокласт и быстро убежала.

– Она знала расположение камер, – заметил я.

– То есть либо она, либо ее сообщник бывали здесь ранее, – заключила Темплтон.

– Можно еще раз посмотреть первую запись?

– Конечно, – сказала Драйден.

Я внимательно изучал видео, стараясь выхватить детали, которые помогли бы составить более четкий портрет преступника. На третий раз я буквально приклеился к экрану и попросил нажать на паузу, когда воровка проходила мимо одной из колонн. Так я смог приблизительно высчитать ее рост.

– Нехорошо, – сказал я.

– Что? – отозвалась Темплтон.

– Либо это женщина ростом метр семьдесят семь с плотным телосложением, либо это мужчина среднего телосложения, ростом метр семьдесят семь с темными волосами. Я уже решил, на какой вариант ставлю деньги.

Рэйчел завернулась в одеяло. Боль была настолько невыносимой, что она потеряла способность здраво мыслить. Рука горела, и малейшее движение посылало тысячи стрел в нервные окончания. Больше всего болел отрезанный мизинец, хотя это казалось просто невозможным: как что-то отсутствующее может причинять такую боль?

Она закрыла глаза и попыталась представить солнечный свет, но ей это больше не удавалось. Тогда она попыталась представить рядом отца. Когда и его вспомнить не удалось, она попыталась вспомнить, как выглядит ее мать, братья, друзья, но перед мысленным взором представляли только темные маски, перекошенные от боли. Адам уже столького ее лишил, и вот теперь пришло время лишиться еще и воспоминаний.

Врубился слепящий свет. Рэйчел посмотрела на камеры и колонки, перевела взгляд на дверь, затем на кресло и опять на колонки. Она ждала инструкций. Ничего не происходило.

– Что тебе от меня надо? – попыталась закричать она, но из-за пелены слез вырвался лишь шепот.

Тишина.

– Что тебе нужно?

Рэйчел посмотрела на руку. Почерневший после прижигания обрубок сильно контрастировал с облупившимся красным лаком на других пальцах. Теперь ее рука стала уродливой. Даже если она когда-нибудь и выберется отсюда, до конца она уже никогда не освободится из плена. Каждый взгляд на руку будет напоминать об Адаме. Она теперь меченая, и все произошедшее здесь будет сопровождать ее до самой смерти.

Новый приступ боли стер все мысли. Она закрыла глаза и стала молиться о том, чтобы ей дали шанс представить себе солнце, и на этот раз ей удалось увидеть его. Она шла по золотому песчаному пляжу, держа отца за руку, а под ногами был теплый песок. Отец улыбается ей и говорит, что все будет хорошо, и на мгновение Рэйчел поверила ему.

– Мне очень жаль, – услышала она шепот.

Солнце исчезло, и Рэйчел открыла глаза. Шепот доносился из-за двери – мягкий, обеспокоенный, тревожный. Скорее всего, пришла Ева, а не Адам. Мучительная боль сменилась облегчением. Еще одного визита Адама, да еще так скоро, она бы не выдержала.

Рэйчел с трудом поднялась на ноги и пошла к двери. У кресла она

остановилась, чтобы отдышаться. Держась руками за запятнанный кровью подлокотник, она увидела свежие следы ее собственной крови, и руку снова прострелила боль. Рэйчел глубоко вздохнула и продолжила путь к двери. Там она села на пол и обернула вокруг себя одеяло, как пончо.

– Очень больно? – спросила Ева.

«Да, черт возьми, это очень больно!» – хотелось крикнуть Рэйчел, но вместо этого она закрыла глаза, глубоко вздохнула и заставила себя успокоиться. Она не хотела спугнуть Еву, как в прошлый раз.

– Да, больно, – ответила Рэйчел.

– Дать тебе какое-нибудь болеутоляющее?

– Я не хочу, чтобы из-за меня у тебя были неприятности с братом.

– Адам уехал, его долго не будет. Подожди тут, я вернусь через минуту.

Послышался шорох и звук удаляющихся шагов. «Подожди тут»! Можно подумать, Рэйчел могла куда-то уйти! Как можно было сказать такую глупость? За время их общения Рэйчел составила мнение о Еве как о не самой сообразительной девушке. Она казалась Рэйчел женской версией Джорджа из романа Стейнбека, который они читали в школе.

Накатил новый приступ боли. Рэйчел закрыла глаза и ждала, когда отступит дурнота. Лучше ей не становилось, и оставалось надеяться, что Ева скоро вернется. Время текло очень медленно.

Наконец в коридоре послышались шаги и шуршание – Ева садилась на пол. Створка двери открылась, и на пол упал шприц. Рэйчел подняла его дрожащими руками. Она ненавидела уколы и рассчитывала на болеутоляющие таблетки.

– Пощелкай пальцем по шприцу, чтобы выгнать воздух, – сказала Ева. – А потом сделай укол в руку.

Рэйчел подняла шприц иглой вверх и собрала пузырьки наверху. Нажатие поршня – и из иглы вырвалась струйка жидкости. Она посмотрела на шприц, на свою дрожащую руку и, чтобы избежать дальнейших сомнений, поскорее воткнула иглу в руку и надавила на поршень. Голова закружилась, в глазах помутнело, а в ушах странно зашумело. Каким-то чудом ей удавалось не терять сознания.

– Господи, – пробормотала она.

– Не стоит поминать Его имя всуе, это нехорошо, – сказала Ева.

– Извини, Ева. Больше не буду.

– Передай мне шприц.

Рэйчел сделала, как ей было сказано. Ева забрала шприц из ее рук, и их пальцы коснулись друг друга. Кожа у Евы была мягкая и теплая. За время ее плена это было первое прикосновение Рэйчел к живому человеку,

за исключением Адама.

– Спасибо, Ева.

– Не за что.

Рэйчел села спиной к стене и стала ждать, когда подействует болеутоляющее. Она очень рассчитывала на то, что это случится скоро, она молила об этом. Боль становилась все сильнее.

– Правда, Ева, спасибо тебе за все.

– Можно я тебе сделаю макияж?

– Конечно, можно, Ева.

Ева поднялась на ноги, открыла замок и дверь. Рэйчел подняла голову и увидела Адама.

– Привет, номер пять, – сказал Адам голосом Евы.

Хэтчер сидел в баре «Космополитана» за дальним столиком. Перед ним стоял стакан с виски. Он выглядел еще более вымотанным, чем раньше. Я сел напротив, взял виски, который он заказал для меня, поднял стакан в знак приветствия и сделал глоток.

– Если я когда-нибудь видел человека, которому не помешает немного выпить... – начал было я.

– Немного? Да мне бутылка не помешает. Меня сняли с расследования, Уинтер.

– Они не имеют права!

– Имеют, и это уже произошло.

Я отвернулся к бару и стал обдумывать эту новость. За стойкой сегодня стояла уже другая девушка, но точно такая же, как предыдущая, – молодая привлекательная блондинка.

– Темплтон бы не понравилось, если бы она увидела, на кого ты смотришь, – сказал Хэтчер. Он вызывающе улыбался, ожидая, что я начну все отрицать.

– Между мной и Темплтон ничего нет.

– А по слухам, есть.

– Слухи есть слухи.

– Разве ты с ней сегодня не встречаешься вечером? И вчера вечером не встречался?

Я не знал, как до него дошла эта информация, но и не удивился тому, что она у него была. В среде полицейских слухи распространяются быстрее пожара, и чаще всего для поджога даже сухой веточки не нужно.

– Между нами ничего нет.

– Точно? – испытующе взглянул на меня Хэтчер.

– Точно. И ничего не будет. Мы из разных миров. Больше и говорить тут не о чем. Ладно, расскажи мне, что произошло.

– Последний гвоздь в мой гроб забил Уильям Трент. Он идет в суд и, скорее всего, отсудит компенсацию, потому что его адвокат лучше наших. И я оказался крайним, потому что санкционировал арест.

– Ты сказал, последний гвоздь. А еще что тебе предъявили?

– Пресс-конференцию, – вздохнул Хэтчер. – Все поняли, что она была постановочной. Куча репортеров жаждут моей крови.

– Они все скоро забудут.

– Тебе-то легко говорить.

Тут он был прав.

– Через пару месяцев все обо всем забудут.

Хэтчер осушил свой стакан и покачал головой.

– Не забудут. Неважно, сколько успешных операций у тебя было, сколько арестов ты совершил. Все помнят только твои неудачи. Ты и сам это знаешь.

Я знал это слишком хорошо. Сколько успешных карьер было разрушено одной-единственной глупой ошибкой, раздутой до невероятных размеров!

– Зря они сняли тебя с расследования, – сказал я.

– Иди и скажи это моему боссу.

– Я пойду, если это поможет.

– Ты серьезно?

– Да я не отстал бы от комиссара, если можно было бы отменить решение. Ты превосходный полицейский, у тебя отличная интуиция. Посмотри на твое личное дело, тебе же не просто так доверили это дело, у тебя за спиной тридцать лет безупречной работы.

– Спасибо еще раз за доверие, – выдавив улыбку, сказал Хэтчер.

– Я не из вежливости это говорю. Лучше тебя на эту должность человека не найти, и говорить нечего.

– Как скажешь, – Хэтчер допил свой виски. – Повторим?

– Почему бы и нет.

Хэтчер медленно, ссутулившись, пошел к бару. Он выглядел совершенно поверженным. Такова была специфика работы в полиции – от таких поворотов не был застрахован никто, даже самые лучшие. Мне было больно видеть Хэтчера в таком состоянии. Не говоря уже о том, что мы лишались важного ресурса. Чтобы поймать сообщников, лучшие игроки должны находиться на поле, а не сидеть в запасе. Я посмотрел на часы. Было начало девятого. Из-за непредвиденной поездки в Бристоль я перенес встречу с Темплтон на час позже, на девять. Хэтчер вернулся с напитками и сел.

– Кого ставят на твое место?

– Инспектора Дэниела Филдинга. Это безопасное решение. Ему скоро на пенсию, и он не допустит никаких отклонений от правил.

– Сейчас как раз нельзя играть по правилам. Сообщники хорошо их знают, и поэтому-то ты их и не поймал, – вздохнул я. – Значит, теперь все уходит в политическую плоскость. Ненавижу, когда так происходит. Что еще можешь сказать про этого Филдинга?

– Он хорошо выглядит по ТВ, пресса его любит, – Хэтчер покачал головой и потер усталые глаза. – Филдинг будет с улыбкой выдавать нужный текст, и все проглотят его наживку. Но с точки зрения оперативной полицейской работы он некомпетентен.

– То есть ты не его бы выбрал себе на замену?

– Его? Да он последний человек, кого я бы выбрал. С Рэйчел Моррис случится то же, что и с предыдущими жертвами, – Хэтчер опять покачал головой и стал тереть руками лицо.

– Ну, и в этом месте ты должен сказать, что это ты во всем виноват.

– Я виноват, Уинтер. Я мог был сделать больше. Я должен был сделать больше, черт возьми!

– Ладно, – сказал я. – Хватит жалеть себя. Вот что ты сейчас сделаешь: ты допьешь и пойдешь домой, и сегодня больше не пей. Ты мне нужен с ясной головой завтра утром. Завтра мы найдем этого маньяка и арестуем.

– Тебе какое слово из фразы «меня сняли с дела» непонятно?

– Это просто формальность. В самом худшем случае, что они сделают, если ты продолжишь им заниматься?

– Меня могут снять и с дежурства. Вообще уволить могут.

– Ничего у них не получится, – сказал я. – И вообще, давно ли ты стал бояться потерять работу?

– Мне о пенсии надо думать, Уинтер.

– Это все не главное.

– Как же не главное! Я не сказал, что мне дали другое дело?

– Ничего, в Лондоне никто не умрет, если завтра ты не займешься парковочными штрафами. Все, иди домой, больше ничего не пей и выпишись. А завтра утром позвони на работу и сошлись на болезнь. Жду тебя здесь ровно в семь.

В отелях лучший вид – из люксов. Я стоял на балконе и смотрел на панораму города, переливающегося огнями окон, автомобилей и автобусов, фургонов и фонарей. Рождественское освещение сияло в темноте всеми цветами радуги и делало город похожим на узор калейдоскопа. В нем жили миллионы людей – хороших, плохих, а по большей части средних. В данный конкретный момент меня интересовали из этих миллионов только два человека.

Я сделал затяжку, и кончик сигареты сверкнул оранжевым огоньком. Было без пятнадцати девять. Темплтон наверняка решит опоздать на пять минут, а значит, до ее прихода – двадцать минут.

С улицы доносился непрерывный гул от автомобильного трафика, электричек, шагов снующих по своим делам людей. День заканчивался и приносил с собой тяжелое чувство в груди, которое появлялось у меня каждый раз, когда в ходе расследования наступало затишье. Мы сделали все, что могли, проделали все, что было необходимо, теперь оставалось только ждать.

Репортаж с пресс-конференции до шестичасовых вечерних новостей не продержался, но с полудня до пяти это был первый сюжет всех выпусков. За пять часов сообщники наверняка успели его увидеть. Обычно преступники трепетно смотрят новости, потому что для них это возможность получить подтверждение того, что им удалось перехитрить полицию. Это музыка для их ушей. На этом допущении строилась наша тактика.

Я попытался представить, в каком состоянии сейчас находится Рэйчел Моррис. Догадалась ли она уже, кто ее похититель? Мне казалось, что да. В новостях очень много говорили об этом деле, так что она, скорее всего, уже знает, чего ожидать – пыток, увечий и лоботомии. Я стал строить догадки о том, насколько она сильный человек, но потом решил, что на самом деле это неважно. Сколько бы сил у нее не было, рано или поздно он сломит ее дух. Если мы не успеем освободить ее до этого момента.

Я выбросил сигарету и вернулся в теплую комнату. На лэптопе играла вторая часть моцартовского концерта для кларнета с оркестром. Эта часть – мое самое любимое произведение. Грусть кларнета так берет меня за душу, что дыхание перехватывает. Моцарт написал двадцать семь концертов для фортепиано и только один для кларнета. Я думаю, он решил остановиться

на этом одном, потому что ничего лучше написать уже было нельзя.

Я уже успел принять душ и переоделся в чистую футболку с группой «Doors». Никаких дел больше не было, оставалось только ждать. Я никогда не любил ждать. Я люблю движение и действие, люблю занятость. Когда делать нечего, мой мозг продолжает работать на повышенной передаче, а такая работа вхолостую ни к чему хорошему не приводит. На часах было без пяти девять, оставалось еще десять минут.

Чтобы убить время, я решил проверить почту. Там были обычные запросы на помощь в расследованиях и несколько писем со спамом. В одном из запросов было много приложенных файлов. Любопытство восторжествовало, и я их открыл.

Запрос был от шерифа одного из неизвестных мне округов штата Алабама. Были похищены и убиты две тринадцатилетние девочки, и шериф волновался, как не допустить появления следующей жертвы. Я просмотрел отчет судмедэкспертов и криминалистические характеристики преступления, и все части мозаики сложились в голове сами собой почти сразу. Решение крылось в деталях. На первый взгляд оба убийства казались идентичными, но это было не так. Кто-то очень постарался, чтобы они выглядели одинаковыми, и этот кто-то был отчим первой жертвы.

Обе девочки получили по двадцать ножевых ранений почти в те же самые места. Первое отличие состояло в глубине ранений. У первой жертвы раны были глубже в среднем на пять сантиметров. Второе отличие было в том, что вторая жертва сначала получила удар в сердце, а значит, остальные девятнадцать ран были лишними, поскольку она уже была мертва. Убийце нужно было, чтобы она лежала неподвижно, пока он наносит остальные девятнадцать ударов в нужные места.

Первая девочка была убита в состоянии аффекта, в этом преступлении мотивы были исключительно личные. Вторую девочку убили хладнокровно, без тени той ярости, которая присутствовала в первом случае. Вторая жертва была нужна для отвода глаз, девочке просто не повезло оказаться не в то время не в том месте.

Я зашел в почтовую программу, открыл окно для ответа и начал печатать. Первым делом я написал шерифу, что преступник – отчим первой девочки. Второе – что ему не нужно волноваться о третьей жертве, потому что отчиму явно хватило двух. И в заключение я сказал, что нож он найдет под стопкой порножурналов в гараже дома первой жертвы.

Часы на экране показывали десять минут десятого, но я посмотрел и на свои наручные часы, на случай, если компьютерные сбились. Они шли верно. Я вытащил мобильный, но решил подождать еще пять минут.

Положив телефон рядом с ноутбуком, я стал ждать. Прошло пять минут, Темплтон не было. Я нашел ее номер, набрал. Через пять гудков включилась голосовая почта. Я оставил короткое и бодрое сообщение: «Привет, ты где?»

Когда опоздание составило пятнадцать минут, я снова позвонил ей на мобильный. Все повторилось, Темплтон не отвечала. Сообщение оставлять было бессмысленно, потому что никаких возможных объяснений не оставалось. Телефон не мог затеряться на дне ее сумки, она не могла его не слышать. Это было невозможно – она, девушка двадцать первого века, всегда была на связи. Без телефона она никуда не ходила, а если бы и отошла от него куда-то, то не дальше чем на три гудка. Если бы она опаздывала, она бы позвонила.

Я набрал Скотланд-Ярд, если она вдруг решила заехать на работу. Вероятность была маленькая. Если бы она вернулась туда, она бы позвонила. В полиции мне сказали, что последний раз видели ее днем. Мой собеседник экстренно опросил коллег, но никто ее не видел.

Я вышел на балкон выкурить еще одну сигарету и стал думать, кому еще звонить. Домашнего номера Темплтон у меня не было, я не был знаком с ее подругами. Я вообще ничего не знал о ее жизни вне работы. Я предполагал, что у нее есть личная жизнь, но она работала в полиции, поэтому гарантий не было никаких. Полицейский – это призвание, а не просто одна из сфер профессиональной деятельности.

Я позвонил Хэтчеру. Он ответил после первого гудка.

– Мне нужен домашний адрес и телефон Темплтон, – без предисловий сказал я.

– Что случилось? Я думал, вы сегодня должны были встретиться.

– Она не пришла.

– Я уверен, есть уважительная причина. Она просто опаздывает.

– Она не опаздывает, с ней что-то случилось.

– Ты слишком рано волнуешься, Уинтер. С ней ничего не случилось.

– Она не пришла в отель, она не на работе и она не отвечает на звонки.

Скажи мне, Хэтчер, это не похоже на то, что с ней что-то случилось?

Громкий вздох, пауза. Хэтчер принимал тяжелое для себя решение.

– Хорошо, жди. Сейчас приеду.

Темплтон жила в маленьком доме в викторианском стиле, расположенном в конце целого ряда одинаковых домиков из красного кирпича. Все они выглядели старыми, но ухоженными. Район был хороший, чистый, было видно, что здесь живет зажиточный средний класс.

Свет был включен и на первом, и на втором этаже ее дома, и это был плохой знак. Темплтон была слишком дисциплинированной, чтобы уйти и оставить свет. Хэтчер дал мне ее домашний номер, но по нему отвечал автоответчик. На мобильном теперь сразу же включалась голосовая почта – телефон либо выключили, либо сел аккумулятор. Хэтчер с трудом втиснул свой автомобиль между «джипом» и «фольксваген-мини», и мы вышли.

– У меня плохое предчувствие, Уинтер, – сказал Хэтчер, глядя на освещенные окна и придя к тем же выводам, что и я. Факты говорили сами за себя, ошибки быть не могло. Он покачал головой и потер усталые глаза. – Я должен сообщить в полицию.

– Давай сначала посмотрим, о чем именно сообщать.

– Горит свет, Темплтон не отвечает на телефон, что ты хочешь там смотреть?

– В худшем случае Темплтон мертва. В лучшем – ее похитили. В любом случае десять минут ничего не изменят.

– Господи, Уинтер, кошмар какой-то.

– Десять минут.

– Хорошо, десять минут, и я звоню, – согласился Хэтчер.

Сначала мы проверили фасад. Входная дверь была заперта, эркерное окно – цело и невредимо. Занавески были завешены, внутрь заглянуть было невозможно. Тот, кто попал внутрь, сделал это явно не с фасада. Ничего другого я и не ожидал. Мы были практически на улице, и было бы уж очень рискованно врываться в дом, когда мимо ходят прохожие и ездят машины.

Мы обошли дом. На кухне горел свет, жалюзи были подняты, свет из окна освещал маленький дворик площадью где-то шесть на шесть метров. Не земле лежали бетонные плиты, между которыми прорастал мох и кое-где трава. Это были единственные островки зелени в сером царстве. Во дворе стояло несколько пустых цветочных горшков и горный велосипед на замке. Вокруг высились заборы.

Мои предположения подтвердились, когда я увидел разбитое стекло. Чтобы свести к минимуму шум и количество обломков, преступник оклеил

скотчем маленькую форточку, разбил ее, а дальше оставалось только просунуть руку, открыть нижнюю часть окна и забраться внутрь. Задняя дверь была заперта.

Я вспомнил, как Темплтон шутила об установке дома банковской двери и как я ей ответил, что, какую дверь ни установи, желающие пробраться в дом это сделают. Впервые я был не рад, что оказался прав.

– Я должен сообщить в полицию, – сказал Хэтчер. Он достал телефон и стал искать нужный номер.

– Десять минут, – напомнил я ему.

– Это было пять минут назад.

– Отсчет начинается сейчас.

– Ну ладно, ладно. Если идем внутрь, нужно надеть это.

Хэтчер достал из кармана резиновые перчатки и бахилы. Зрелище было странное. Я все это надел и забрался на подоконник. Оттуда я просунул руку в окно, открыл его и влез внутрь. На кухонной сушке была расставлена чистая посуда, в раковине виднелись осколки разбитого стекла. В задней двери торчал ключ. Я отпер дверь и впустил Хэтчера.

– Девять минут, – сказал он.

– Девять минут, – согласился я. – Но мне нужно, чтобы ты молчал, пока я работаю.

Я подъехал сюда вечером, в темноте, потому что так работать удобнее. Но еще не поздно, вечер только начинается. Мне нужно успеть припарковаться до того, как с работы начнут возвращаться люди. Я один, потому что не знаю, сколько времени здесь пробуду. Было бы очень подозрительно, если бы моя сообщница ждала меня в машине. Кто-нибудь обязательно бы ее увидел и запомнил.

Свет в доме выключен, значит, Софи Темплтон дома нет. Я направляюсь прямо в задний дворик – иду быстро, но не слишком. Когда торопишься, это бросается в глаза. Веди себя естественно, и тогда никто никаких вопросов не задаст. Высокий забор закрывает окна первого этажа соседских домов, но окна второго этажа видны. Свет не горит ни у кого. На горизонте чисто.

Я оклеиваю форточку скотчем, разбиваю окно, забираюсь внутрь. Минуту я просто стою и привыкаю к звукам и запахам. Дом вряд ли в собственности, скорее, Темплтон его снимает. Он сдавался с частичной обстановкой – четко видна разница между вещами Темплтон и хозяйской мебелью. Я обхожу дом, захожу в каждую комнату и выбираю лучшее место для засады. Кухня не подходит: она слишком узкая и здесь слишком

много предметов, которые могут служить оружием – ножи, сковородки, всякие тяжести. Речь ведь идет о сотруднике полиции, а она отличается от всех остальных. Лишний риск мне не нужен.

Прихожая – вариант, но тогда придется ждать в другой комнате, потому что из прихожей дверь открывается прямо на улицу и прятаться негде. Ванная наверху не подходит, потому что она слишком мала. Кладовая не подходит, потому что забита всяким мусором. Я захожу в спальню.

На большой кровати трупа нет. На полу тоже нет. Запаха смерти нет.

Большой шкаф заполнен одеждой, а из комода вещи уже практически вываливаются. Под кроватью – пыль и мусор. На диване небольшой порез, подушки разбросаны в беспорядке. Вот здесь я и подожду возвращения Софи Темплтон.

Я приоткрываю окно, и в комнату врывается шум улицы. Я возвращаюсь на постель, сажусь и жду. Каждый раз, когда мимо проезжает машина, я прислушиваюсь. Когда кто-то идет мимо по тротуару, я тоже прислушиваюсь.

Я слышу шаги на дорожке около входной двери. В замке гремит ключ. Далее есть два варианта развития событий: либо она сразу же идет наверх переодеться, либо сначала заходит на кухню покормить кота. Я выхожу на лестницу, чтобы быть готовым к обоим вариантам.

Он был так близко и вместе с тем так далеко. Я смотрел на разрез на диване и думал о том, что если бы мы приехали сюда двумя часами ранее, то сейчас лицезрели бы маньяка. В стандартной 70-летней жизни 613 620 часов, так что два часа – это капля в море. В воздухе чувствовался едва заметный запах лосьона после бритья. Мы шли буквально по его пятам. Хэтчер стоял рядом, он тоже смотрел на разрез, и по его взгляду я понял, что он думал о том же, что и я.

Я четко представлял себе, как маньяк сидит на кровати. У него среднее телосложение, рост метр семьдесят семь, темно-русые волосы. Не хватало только его лица. Кот Темплтон вошел в спальню и прыгнул на кровать. Он посмотрел на нас так, как будто мы были представителями низшей формы жизни, и замаякал, выпрашивая корм. Судя по имени на ошейнике, его звали Мистер Боджанглс. Я пощекотал его под подбородком, и он довольно замурлыкал.

– Собственно похищение – самый опасный этап, – сказал я. – Могут возникать разные непредвиденные ситуации. Каким-то образом преступник

нейтрализовал Темплтон, доставил из дома до своей машины и смог проделать все это, оставшись незамеченным. Как?

– Я должен позвонить в полицию, Уинтер.

– Нет, ты должен ответить на мой вопрос. Ты уже сказал мне, что Филдинг некомпетентен. Это означает, что только мы можем вернуть Темплтон. Мы должны делать свою работу, так что сконцентрируйся. Как ему это удалось?

– Он что-то ей вколол или подсыпал.

Я покачал головой:

– А дальше что? Он несет ее от входной двери до своей машины, и никто ничего не замечает? Нет, это невозможно, Хэтчер. По крайней мере, в этом районе.

– Ну ладно, возможно, у него был пистолет или нож.

– Пистолет в данном случае бесполезен. Если он сделает хоть один выстрел, через несколько минут здесь высадится сотня полицейских. И он сам это прекрасно знает, и Темплтон. С ножом проблема в том, что его можно использовать только на близком расстоянии. А Темплтон владеет навыками самозащиты, и она догадалась бы, кто именно к ней влез. Она бы вступила в бой. Ты видишь какие-нибудь следы борьбы?

Хэтчер покачал головой.

– Тогда как ему это удалось?

– Хороший вопрос, – ответил я и снова пощекотал Мистера Боджанглса под подбородком.

Врубился свет, открылась дверь, и Рэйчел вжалась в угол. Она не верила своим глазам – Адам вел с собой женщину. Чтобы убедиться, что она не сходит с ума, она моргнула, но женщина не исчезла. Это была не галлюцинация, все происходило в реальности.

Женщина шла неуверенной походкой, голова ее качалась из стороны в сторону, как будто бы ей было сложно держать ее в вертикальном положении. Адам подвел ее к креслу и привязал. Она была примерно того же роста, что и он. У нее были длинные ноги и длинные светлые волосы. И она тоже была красива. Ее красота бросалась в глаза, несмотря на то, что у нее были всклокоченные волосы, а сама она находилась под действием наркотиков.

Рука Рэйчел пульсировала в такт сердечному ритму, и каждый удар сердца приносил новый приступ боли. Последнее, что сказал Адам перед уходом в прошлый раз, – то, что в шприце был соляной раствор. Она сделала себе укол-пустышку. Адам в очередной раз развлекся, в очередной раз поиздевался над ней.

Она смотрела на открытую дверь и мысленно прокладывала маршрут до входной двери: по коридору, вверх по лестнице, по коридору с высоким потолком, в зал, мимо лестницы и на свободу через парадную дверь. Она посмотрела на Адама и снова перевела взгляд на открытую дверь.

– И как далеко номер пять надеется убежать?

Адам даже не обернулся в ее сторону и не стал закрывать дверь. Они оба знали, что она не предпримет попытки к бегству после того, что случилось в прошлый раз. Рэйчел прислонилась к стене и накрылась одеялом.

– Номер пять думает, что не выдержит новых мучений, но она ошибается. Она сильнее остальных, намного сильнее.

– Иди к черту.

За четыре прыжка Адам покрыл расстояние до матраса. Он отставил ногу, и Рэйчел съежилась, закрыла глаза и постаралась взять себя в руки. Ничего не случилось. Открыв глаза, она увидела склонившегося над ней Адама.

– Это плохое слово, – сказал он голосом Евы и засмеялся. Затем вернулся к блондинке в кресле и пару раз ударил ее по лицу. – Давай просыпайся.

– Оставь меня в покое, – промямлила женщина. Она говорила нечетко и почти бессвязно.

– Просыпайся! – заорал он ей в лицо. Схватив ее за волосы, он стал тянуть их до тех пор, пока ее глаза не открылись и она не сфокусировала на нем свой взгляд.

– Сара Флайт не умерла, не так ли? – спросил он.

– Не знаю.

Адам обернул ее хвост вокруг своей руки и еще сильнее потянул за волосы.

– Попробуем еще раз. Сара Флайт не умерла, не так ли?

– Она умерла, – выдохнула женщина.

– Так сказали в пятичасовых новостях, это было главной новостью. А потом в шесть часов про нее ни слова. Странно, да? Мне показалось это очень странным! Поэтому я задался вопросом, как такое может быть! И, должен сказать, я пришел к неутешительным выводам. Спрашиваю в третий и последний раз: Сара Флайт не умерла?

Женщина посмотрела Адаму прямо в глаза:

– Нет.

– Ты что, думаешь, я тупой?

– Нет, я не думаю, что ты тупой.

Адам наклонился к ней.

– У меня хватило ума найти тебя, так ведь? Я с самого начала знал, где ты живешь. Я знаю, где вы все живете. Я видел вас в парке, где я выпустил номер один, я видел тебя на работе, я проследил, как ты ехала в свою жалкую лачугу, в так называемый дом, а ты даже ничего не заметила, – он снова выпрямился. – Кстати, брюнеткой тебе лучше.

Адам глубоко вздохнул и улыбнулся. Рэйчел чуть было не выкрикнула женщине, что, когда Адам так улыбался, он был максимально опасен. Но, взглянув на свой отсутствующий мизинец, она прикусила губу. Пока Адам пытал ту женщину, сама Рейчел была в безопасности. Рэйчел смотрела на свою руку, охваченная чувством вины и противоречивыми импульсами. Она не сводила глаз с руки, чтобы ей не пришлось смотреть на женщину в кресле.

– Боюсь, так дело не пойдет, – сказал Адам. – Сделаем так: я буду тебя пытаться, и ты расскажешь мне все, что я хочу знать. Все. Потом я продолжу над тобой издеваться, потому что я не люблю врунов. А потом я помучаю тебя еще – просто потому, что у меня есть такая возможность.

Он достал из кармана орбитокласт и показал его той женщине.

– Ты знаешь, зачем нужна эта штука?

– Да, – ответила женщина.

– Когда мне надоест тебя мучить, я ее использую, а потом передам тебя твоим коллегам. Чтобы впредь они дважды думали, прежде чем играть со мной.

– Если ты это сделаешь, тебе будет в два раза хуже. Ты совершил большую ошибку, похитив меня.

– Посмотрим.

Адам вышел и выключил свет.

– Ты в порядке, Рэйчел?

Рэйчел чуть было не сказала «да». Она замолчала и вдумалась в только что сказанные женщиной слова.

– Откуда вы знаете мое имя? Кто вы?

– Меня зовут Софи Темплтон. Я из полиции.

Рэйчел услышала только одно слово: полиция. Она бросила взгляд в сторону камеры и быстро переместилась к креслу.

– Здесь нужно тихо, – почти беззвучно проговорила она в ухо Софи. – Думаю, комната прослушивается. Ты работаешь под прикрытием? Кивни, если да.

Софи покачала головой.

– Как это нет? Кто-то ведь знает, что ты здесь?

Софи снова покачала головой.

– Но ведь полиция приедет? Кто-то же должен знать, что ты здесь.

– Нас найдут, Рэйчел.

Рэйчел еще плотнее завернулась в одеяло.

– То есть полиция не едет, да? Никто не приедет?

– Нас найдут. Надо верить.

– Свет в спальне был включен, – заметил я.

– И? – спросил Хэтчер.

– Это значит, что здесь он и устроил засаду. Темплтон вошла, включила свет, и он напал на нее.

– Я думал, это мы уже установили.

– Нет, мы установили, что здесь он ее ждал. Я не мог решить, где произошел сам захват – внизу или здесь, наверху. Думаю, все случилось здесь, потому что Темплтон включила свет. По-другому быть не могло. Сам он включить свет не мог, он ждал ее в темноте.

– Как ты можешь так уверенно это заявлять, Уинтер?

– Потому что, если бы свет был включен, когда она вернулась с работы, она бы заметила это с улицы, как и мы.

– Допустим, ты прав. Как он ее нейтрализовал?

– Подожди, не будем бежать впереди паровоза, – я положил кота на кровать, погладил его и получил в благодарность мурчание. – Главное действующее лицо здесь – кот. Как только Темплтон переступила порог дома, он бы сразу напрыгнул на нее, требуя еды. Она бы пошла на кухню, увидела разбитое окно, выбежала на улицу и вызвала подмогу.

Хэтчер задал вопрос, и я закрыл глаза, чтобы не отвлекаться на внешние раздражители. Хороший охотник всегда тщательно продумывает засаду. Если ты контролируешь окружающую обстановку, гораздо больше шансов добиться успеха. Преступник решил подождать Темплтон в спальне. Я был в этом уверен. Сначала я рассматривал в качестве варианта гостиную на первом этаже, но потом отказался от этой версии, потому что он не смог бы достаточно быстро спуститься вниз по лестнице. И получается, что ему пришлось бы сидеть в укрытии в тот момент, когда она увидела разбитое окно в кухне. И тогда она бы уже была в полной готовности и, возможно, вооружена. Этот вариант был нерабочий.

Вариант со спальней выглядел гораздо убедительнее. Только вот как он заманил ее наверх? Кот наверняка бы не дал ей и шагу ступить, пока она его не покормит. Так устроены кошки. Но что, если кот был не внизу?

– Кот был в спальне с маньяком, – решил я. – Темплтон пришла с работы и первое, что услышала, – кошачий крик наверху. Преступник, возможно, тянул его за хвост или заставил кричать другим способом. В любом случае, Темплтон решила, что кот захлопнул за собой дверь в одной

из спален, и побежала наверх.

Я снова закрыл глаза и стал представлять себе всю сцену от начала до конца. Я перебирал возможные сценарии до тех пор, пока не вывел рабочий.

– Он стоял за дверью, когда вошла Темплтон. Там прятаться удобнее всего. Она вошла, включила свет и увидела кота. Она пошла к коту и взяла его на руки. Она наверняка начала с ним разговаривать, ругать за то, что он запер себя в комнате. Как только она поняла, что не одна в комнате, было уже поздно. И встает наш первый вопрос: как он ее нейтрализовал?

– Мы отказались от версии пистолета и ножа, – напомнил Хэтчер.

– Ставлю на электричество.

– Электрошокер?

– Я бы предположил, что да, – кивнул я. – Он вырубает ее разрядом в пятьдесят тысяч вольт до того, как она успевает сообразить, кто перед ней.

– Но это не объясняет, как он дотащил ее до машины.

– Вероятнее всего, он ввел ей какой-нибудь наркотик, но подобрал дозу так, чтобы она не полностью вырубилась, а была способна подчиняться его командам. Действие электрошокера кратковременно, но, при условии, что он не тянет время, укол ей он сделать успеет.

– Хорошо, а дальше?

– Пока она под действием укола, он ведет ее к машине. А уже внутри он вкалывает ей серьезную дозу, которая ее вырубает. И они едут туда, где он держит своих жертв.

– На северный берег Темзы, – проговорил Хэтчер.

– На северный берег Темзы, – согласился я.

Я отпустил кота на кровать и пошел к лестнице. Хэтчер позвонил в полицию, пока мы выбирались из дома и шли по собственным следам в обратном направлении. Я снял резиновые перчатки и бахилы, свернул их и засунул в карман. Хэтчер закончил разговор и сделал то же самое.

– Нам нужно подождать здесь, – сказал он.

– Нет, нам нужно найти Темплтон. А это не получится сделать, если мы будем болтаться здесь и отвечать на череду бессмысленных вопросов. Я совершенно не хочу лично убедиться в некомпетентности Филдинга. Мне вполне достаточно твоего мнения на этот счет.

– Куда едем? – со вздохом спросил Хэтчер.

– Мой отель недалеко. Будем работать оттуда.

Мы быстро выбрались на улицу. Почти весь день прошел без осадков, но когда-то должен был пойти обещанный снег. Облака спустились ниже некуда, в воздухе висело напряжение и тяжесть. Холодная влажность

пробирала меня до костей. Я забрался в машину, пристегнулся, и через пятнадцать минут мы уже были в «Космополитан».

Пока Хэтчер парковался, я побежал в номер. Надеяться на то, что он одобрит мои методы, не приходилось. Он стал бы отговаривать меня, но я все равно сделаю то, что запланировал. Мой способ экономит время и силы. Я швырнул куртку на спинку стула, достал бумажник и нашел визитку Дональда Коула. Тот ответил после первого же гудка, как будто держал телефон в руке и только и ждал моего звонка. Наш разговор продлился менее двадцати секунд.

Когда зашел Хэтчер, я заказывал кофе в номер. Предстояла бессонная ночь, нам понадобятся лошадиные дозы кофеина. Я включил лэптоп, подключил принтер, вошел в интернет и нашел карту северной части Лондона. Я распечатал ее на четырех страницах и прикрепил кнопками на стену. Стены были гипсокартонные, и кнопки входили легко. Единственный недостаток гипсокартона заключался в том, что мы слышали, как в соседнем номере занимаются сексом.

Места, где были совершены похищения, я пометил зеленым, а где жертвы были выпущены – красным. Дом Темплтон пометили зеленым крестом, а место, где было найдено тело Чарльза Бреннера, – траурным черным. Рядом с картой я прикрепил фотографии Сары Флайт, Маргарет Смит, Кэролайн Брент и Патрисии Мэйнард, сделанные после их освобождения.

Тут нам принесли кофе – два кофейника и две чашки. Я дал чаевые девушке и попросил ее принести то же самое через час. Уровень сахара в моей крови резко понизился, поэтому я добавил в кофе сразу три пакетика и, совершив налет на мини-бар, вернулся с пачкой арахиса и шоколадным батончиком. Разорвав упаковки, я отправил в рот пригоршню арахиса и откусил от батончика.

– Ну что, с чего начнем? – спросил Хэтчер.

– Вернемся к самому началу. Факт похищения Темплтон говорит о том, что сообщники отступили от своей стандартной схемы. Это отличная новость. Это значит, что все ставки аннулируются и у нас опять чистая доска. Мы подвергаем сомнению все выдвинутые ранее гипотезы и теории и смотрим, куда нас это выведет.

– Он похитил Темплтон из-за пресс-конференции, так ведь?

Я кивнул и положил в рот еще одну пригоршню орехов.

– Она ведь уже может быть мертва, – сказал Хэтчер.

– Может, – согласился я.

– И ты не испытываешь угрызений совести по этому поводу?

– Вина не поможет нам вернуть Темплтон. А сейчас это наша главная цель. До получения доказательств обратного мы будем считать, что она жива.

– Ты знал, что так случится? Что ее похитят?

– Если ты хочешь знать, использовал ли я Темплтон как приманку, то

ответ – нет. Если бы я это сделал, я обеспечил бы ее охраной.

– Но? – продолжил Хэтчер.

– Но когда ты воздействуешь на маньяка, он может действовать непредсказуемым образом. Сейчас, задним числом, я понимаю, почему он сделал то, что сделал. Он зол на нас, потому что мы наврали ему, а на Темплтон он хочет выместить свою злость.

– Господи.

Хэтчер вдруг стих и застывшим взором стал смотреть вдаль. Я знал, что конкретно он видит – лезвие ножа, врезающееся в плоть, сочащуюся и капающую кровь, лужи крови.

– Хэтчер! – громко окликнул я его, чтобы привлечь внимание. – Самообвинения, обвинения и рассуждения в стиле «а что, если» будут позже. Сейчас единственный наш фокус – вернуть Темплтон, согласен?

– Согласен.

Мы немного помолчали, и тишина прерывалась только стонами и охами из соседней комнаты. Судя по звукам, они уже заканчивали. Я очень надеялся, что это было так. Чем меньше внешних раздражителей, тем лучше работалось. Я проглотил остатки арахиса и доел батончик. Уровень сахара в крови повысился, я чувствовал прилив сил, и головная боль, которая обычно сопровождает мои сахарные обвалы, испарилась.

Я достал новую пачку сигарет из чемодана и закурил. Хэтчер недовольно посмотрел, но ничего не сказал. Я курил, пил кофе и изо всех сил старался не думать о том, через что сейчас проходит Темплтон. Я просто положил все эти мысли в коробку и тщательно ее запечатал. Если все закончится плохо, я открою ее и буду думать об этом. Но сейчас важнее всего было вернуть Темплтон.

У Хэтчера зазвонил телефон, и я выхватил его у него из рук, прежде чем он ответил.

– Что ты делаешь, Уинтер!

Я повернул к нему экран, чтобы ему был виден номер.

– Филдинг? – спросил я.

Он кивнул головой. Я выключил телефон и бросил его Хэтчеру.

– Не существует ни одного человека на земле, с которым мне сейчас нужно поговорить. А это значит, что и тебе тоже не стоит ни с кем разговаривать. Нам нельзя отвлекаться, – сказал я.

Хэтчера это не убедило, но телефон он убрал.

– Ладно, – продолжил я. – Пока самая важная гипотеза, которая у нас есть, это то, что сообщников двое. Я по-прежнему считаю, что так оно и есть.

– Несмотря на то, что фактически есть доказательства работы только одного человека.

– Прослеживаются два разных почерка, значит, действуют два сообщника.

Я нашел черный маркер и чистый участок стены и написал крупными буквами: ДВА ПОЧЕРКА ДВА СООБЩНИКА. Хэтчер выразительно посмотрел на меня.

– А что, ты где-нибудь видишь доску? – спросил я.

Хэтчер неодобрительно пожал плечами, словно говоря: «Делай как знаешь».

– Может, у него раздвоение личности, – сказал он.

– Вряд ли. Это чаще в кино показывают и в книгах пишут, потому что так легче, прежде всего, самим писателям, но в реальной жизни раздвоение почти не встречается.

– Если у Джека-головореза есть сообщница, она себя ведет тише воды ниже травы.

– Как и свойственно всем подчиненным половинкам в подобных парах. И это приводит нас к следующему предположению: в этой паре подчиняется женщина. Вообще, в парах очень сложная динамика отношений. Обычно доминирует мужчина, но так бывает не всегда. Возьмем Уэстов. Изначально считалось, что главой там был Фред. Сейчас же известный факт, что всем заправляла Роуз. А что, если и в нашей паре руководит женщина?

– Есть ли какое-нибудь подтверждение этому? Хоть что-нибудь?

– Похищение Темплтон, – начал я рассуждать спонтанно, в режиме мозгового штурма. – В данном случае мужчина вышел из зоны комфорта. Образ действия в этот раз совсем другой. Впервые он похитил человека из его собственного дома и сделал это очень быстро. Обычно он не торопится. Он месяцами обхаживает жертв в интернете, прежде чем решиться на захват. А похищение Темплтон было спланировано и совершено буквально за несколько часов.

– И о чем это нам говорит?

– Это говорит о том, что не он правит бал, – сказал я. – Да, мы знаем, что непосредственным похитителем является он. Его обычная схема действий довольно рискованная, но то, как он похитил Темплтон, выводит фактор риска на совершенно новый уровень. Женщина, с другой стороны, не имеет понятия об имеющихся рисках, потому что она не имеет отношения к похищениям. Она сидит себе дома, в безопасности, и ждет, когда ее партнер вернется с жертвой. Она не знает, каково это – быть на

передовой, как бьется сердце, когда постоянно висит угроза ареста.

Я кивал сам себе, мне нравилось то, какая складывалась картинка.

– Если бы все решал мужчина, я не думаю, что он бы стал похищать Темплтон. Но решение было не его, а сообщницы. Вполне вероятно, что он даже пытался отговорить ее от похищения Темплтон, но с тем же успехом он мог бы разговаривать с кирпичной стеной. Она бы не стала его слушать. Ей нужна была Темплтон, и точка.

Я затушил сигарету о тарелку. На стене появилась надпись: ЖЕНЩИНА ДОМИНИРУЕТ и, соответственно, МУЖЧИНА С НИЗКОЙ САМООЦЕНКОЙ.

– И вот еще что: смена схемы действия доказывает, что партнеры катятся по наклонной и теряют самообладание.

– Что, как ты говорил, хорошо.

– И да, и нет. Да – потому что это означает, что мы скоро поймем этих мерзавцев. А нет – потому что их поведение становится все более импульсивным.

Хэтчер громко выдохнул. Казалось, все его тело обмякло вместе с вышедшим из него воздухом.

– Это может очень плохо отразиться на Темплтон.

– Забудь об этом, Хэтчер. Эти мысли только мешают. Сосредоточься на здесь и сейчас. Какие еще у нас были гипотезы?

– Мы считали, что они любовники, – ответил он.

– Хорошо. Душителю с холмов – Кеннет Бьянки и Анджело Буоно – оказались двоюродными братьями. Соответственно, в нашем случае они могут быть или двоюродными, или родными братом и сестрой, или матерью и сыном.

– Или любовниками.

– Или любовниками, – согласился я.

На стене добавились надписи: ЛЮБОВНИКИ, КУЗЕНЫ, БРАТ/СЕСТРА, МАТЬ/СЫН.

– То есть мы исключаем возможность того, что в паре – двое мужчин?

– Нет, этого не может быть. Ножом орудует мужчина, это его почерк, а в куклы играет женщина, это женский почерк.

– И ты уверен, что он живет на северном берегу Темзы?

– В этом я даже не сомневаюсь, – сказал я, кивнув на карту. – Река создает естественную границу, все похищения и освобождения происходят к северу от нее. Это его охотничьи угодья. Он действует в соответствии со своим природным инстинктом, который заложен в нас с пещерных времен. Он даже не осознает причин своих действий. Итак, что мы знаем точно?

– Что его рост – метр семьдесят семь, у него темно-русые волосы и среднее телосложение.

На стену добавились надписи: МУЖЧИНА 1,77 м, СРЕДНЕЕ ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ, ТЕМНОВОЛОСЫЙ.

– Мы знаем, что он садист, – добавил Хэтчер. – И мы знаем, что он очень осторожен и дотошен.

– Согласен, – сказал я и вписал эти характеристики на стену. – Даже во время похищения Темплтон он был очень осторожен. Наверняка криминалисты так ничего и не нашли у нее дома. Хорошо, что нам известно о женщине?

– Почти ничего. Она с тем же успехом могла бы быть привидением или невидимкой.

Я задумался на секунду и дописал на стене: ЖЕНЩИНА-НЕВИДИМКА.

– И это возвращает нас к тому, что смущает меня в этом деле с самого начала. Лоботомия. Нам нужно абстрагироваться от ужаса, заключенного в этой процедуре. Ты сколько трупов видел в жизни?

– Больше, чем хотел бы помнить, – фыркнул Хэтчер.

– Если бы в этом деле были трупы, нам было бы гораздо легче абстрагироваться, потому что мы к ним привыкли. А тот факт, что жертвы живы, – для нас как крученая подача. Когда я увидел Патрисию Мэйнард в больнице, я только и думал о том, каково же это – оказаться в ее положении. А если бы она лежала в морге, я бы совсем не впечатлился. Я бы думал только о том, как она попала в эту ситуацию и какие выводы можно сделать о сообщниках, глядя на ее труп.

– Ну, тогда представь, что она мертва. О чем бы нам сказал этот факт?

Я посмотрел на фотографию Патрисии Мэйнард и признал, что не имею ни малейшего понятия.

- Рэйчел, можешь расстегнуть ремни?
 - Не могу. Если я помогу тебе, Адам меня замучает. Извини, – отозвалась Рэйчел, глядя в темноту в направлении кресла.
 - Не извиняйся, я не должна была тебя просить, это нечестно.
 - Ладно.
 - Как ты держишься?
 - А ты как думаешь, как я держусь? Меня похитили, пытаются, палец отрезали, голову обрили.
 - Ты очень смелая.
 - Смелая? Я просто дура, – фыркнула Рэйчел и покачала головой. – Я в интернете договорилась встретиться с незнакомым мужчиной и никому не сказала, куда иду. Это был глупый поступок.
 - Ты не глупая, Рэйчел. Ты просто ошиблась. Ты ни в чем не виновата.
 - Спасибо, конечно, но это ничего не меняет. Адам так и будет меня истязать, а потом лоботомирует. Все как с остальными.
 - Мы выберемся.
 - Перестань это говорить. Этого не будет.
 - Мы выберемся отсюда, Рэйчел. Ты должна в это верить.
 - Нет, я не верю. Ты еще не знаешь, на что он способен.
- И тут Рэйчел пришла в голову мысль, от которой кровь стыла в жилах. Что, если женщина в кресле – еще одна Ева? Еще одна постановка, как телефон в холле? Вдруг Адам просто устроил очередной свой розыгрыш? Она вспомнила, что именно она говорила этой женщине, повторяя в уме слово за словом, проверяя, не сказала ли она чего лишнего. Софи все еще продолжала повторять, что они отсюда выберутся. Это тоже было частью постановки? Может, Адам сейчас подслушивает и ждет, когда она согласится с Софи, чтобы получить повод для новой порции пыток?
- Ты ведь на самом деле на его стороне, да? Ты не из полиции.
 - Я детектив полиции, Рэйчел. Ты должна мне верить.
 - Докажи.
 - Не могу, – вздохнув, ответила Софи после некоторого молчания.
 - Вот видишь, ты с ним заодно.
 - Об этом и речь – что бы я ни сказала, ты перевернешь мои слова так, чтобы они подтверждали то, что ты считаешь верным.
 - Я так и знала, что ты так скажешь.

– Я знаю, что ты испугана, но ты должна мне доверять. Я на твоей стороне.

Рэйчел снова фыркнула и, обняв колени, прижала их к груди.

– Ты ничего не знаешь, – прошептала она. – Но если ты действительно та, за которую себя выдаешь, то узнаешь.

– Надеюсь, мы выйдем отсюда до того, как мне придется узнать.

– Ну вот опять ты врешь. Не тронет тебя Адам.

– Меня зовут Софи Темплтон. Я детектив лондонской полиции. И сейчас нас ищет целая армия копов.

– Опять врешь. Если эта армия существует, почему меня до сих пор не нашли? Почему не нашли предыдущих жертв?

– Потому что я офицер полиции, и это все меняет. Когда что-то подобное происходит с одним из нас, мы безжалостны.

– Отлично, то есть для сотрудников полиции один закон, а для всех остальных – другой? Может, если бы к моему похищению отнеслись бы с большей серьезностью, я бы уже была на свободе. И у меня все еще было бы десять пальцев.

– Я не говорю, что это правильно, Рэйчел. Я просто говорю, как есть.

– Нет, ты врешь. Ты не детектив, и ты никогда не работала в полиции, и нет никакой армии копов.

Рэйчел сбросила с себя одеяло, встала и в темноте обралась к ближайшей камере:

– Я не буду больше играть в твои игры! – закричала она в темноту. – Ты меня слышишь? Перестань морочить мне голову.

Тут же врубился свет, открылась дверь, и вошел Адам. Рэйчел сползла по стене и схватилась за одеяло. Адам подошел к матрасу и с насмешкой посмотрел на нее сверху вниз. У него была трость, и он стучал ей по своей ладони – медленно и ритмично.

– Номер пять, тебе стоит контролировать свои эмоции.

Он поднял трость, и Рэйчел забилась в угол. Адам засмеялся и стал водить тростью по телу Рэйчел. Бамбук царапал кожу, цеплялся за кофту и штаны. Дойдя до стоп, Адам остановился и усмехнулся. Раздался свист трости в воздухе, Рэйчел завывала, забилась в угол и спрятала стопы под одеяло. Они горели огнем.

– Перестань, – сказала Софи.

Адам подошел к креслу. Секунду он смотрел на Софи, наклонив в сторону голову, а потом начал ее бить. Он бил ее со всей яростью по ногам, рукам и туловищу. Трость свистела в воздухе, каждый удар сопровождался плачем и визгом, которые с каждым последующим ударом становились все

тише и тише, а затем и вовсе стихли. Рэйчел хотела крикнуть, чтобы Адам перестал, но голоса не было. Она хотела подбежать и помочь той женщине, но ее парализовал страх. Она хотела закрыть глаза, но даже на это оказалась неспособна. Она могла только сидеть и беспомощно смотреть на происходящее.

Адам остановился так же резко, как и начал. Где-то вдалеке шумели трубы и скрипели деревянные половицы. Но Рэйчел слышала только свист и удары трости. В ушах до сих пор стояли крики Софи. Она посмотрела на нее, уверенная, что Адам забил ее до смерти. Софи не двигалась, глаза у нее были закрыты. Она умерла. Адам прислонил трость к креслу и достал из кармана шприц. Он сделал ей укол в ногу, и она снова застонала, придя в сознание.

– Скажи мне все, что известно обо мне полиции. Если соврешь, я узнаю, и ты обязательно будешь наказана.

Софи все ему рассказала, Адам ушел и выключил свет.

– Ну что, теперь ты мне веришь? – спросила Софи.

– Прости.

– Мы выберемся отсюда.

Рэйчел ничего не ответила, потому что сказать ей было нечего. Сейчас Софи была очень нужна надежда, она была не способна принять эту реальность. Рэйчел поняла это, потому что и сама прошла через то же самое. Она знала, что потом будет озлобление, мольбы и депрессия. То, что ей пришлось увидеть, привело ее к смирению.

Ей больше не увидеть солнце, не походить босыми ногами по горячему песку. Ее лишат всех воспоминаний, ее как будто больше и не будет. Это было хуже, чем смерть, намного хуже. Рэйчел подошла к креслу и положила руку на плечо Софи. Софи сжалась от ее прикосновения, но Рэйчел не убирала руку до того момента, пока та не расслабилась.

– Мы выберемся отсюда, – срывающимся голосом снова прошептала Софи.

– Конечно, выберемся.

Я получил смс от Алекса Ирвина о том, что он отправил мне список владельцев «порше». Я зашел в почту, загрузил список и отправил его на печать. В нем было более трех сотен имен и адресов. Хэтчер увидел список и застонал.

– По крайней мере, среди них есть он, – заметил я.

– Да, только, даже если я всех своих людей соберу, нам их не объехать. И сейчас ночь, я ни до кого не дозвонюсь.

Я налил в чашку свежий кофе, зажег сигарету и стал просматривать имена и адреса. На улице пошел снег. Пока он был слабый, но погода явно ухудшалась. В новостях говорили про метели и заносы, мотоциклистов просили не выезжать на улицы, а Шотландию и частично Северную Англию уже завалило снегом. Я смотрел на то, как попавшие на окно снежинки медленно таяли и стекали вниз.

– Нам нужно оптимизировать список. Во-первых, вычеркиваем всех женщин.

Я взял черный маркер и зачеркнул женские имена.

– Далее вычеркиваем мужчин младше тридцати и старше сорока, – список сократился на еще какое-то количество имен. – И, наконец, убираем всех, чье имя не похоже на фамилию белого европеоида.

Я посчитал оставшихся в списке и получил сорок пять строчек. Уже лучше, но не идеал.

– Что теперь? – спросил Хэтчер.

– Теперь идем за компьютер и смотрим эти адреса на спутниковой карте. Мы ищем большие, отдельно стоящие дома, жильцам которых можно не волноваться о том, что соседи услышат доносящийся из их дома шум.

Я посмотрел на список, запомнил первые десять имен и адресов и бросил список и маркер Хэтчеру. Первый адрес находился в недавно отстроенном коттеджном поселке в Барнете.

– Вычеркивай Джеймса Макинтоша. Это не он, у него слишком много соседей.

Через двадцать минут мы урезали список до восьми имен и адресов. Я отметил их на карте, обвел их синим и отошел от карты на шаг. Взглянув на зеленые кресты, обозначающие места похищения жертв, и на красные кресты – места их освобождения, я вычеркнул один из синих кругов,

находящихся в Эссексе, в отдалении от всех остальных меток. Он никак не подходил.

– Можем отправить наряды по всем семи адресам, – предложил Хэтчер. – Трудно будет собрать достаточное количество людей, но для Темплтон мы это сделаем.

Я покачал головой:

– Это слишком рискованно. Если сообщники начнут подозревать, что мы рядом, они запаникуют, а это грозит опасностью для Темплтон или Рэйчел Моррис. Нам нужно вычислить верный адрес и сделать один сильный и точный удар в нужное место. Мы должны нейтрализовать их до того, как они поймут, что произошло.

– И где же нам их искать?

Я посмотрел на карту, перевел взгляд на свои надписи и вычеркнул оттуда «кузенов». Еще немного подумав, вычеркнул «брата с сестрой» и подчеркнул «женщину-невидимку».

– Что ты задумал? – спросил Хэтчер.

Я перестал рассуждать и отдался инстинкту. Я зачеркнул надпись «любовники», подчеркнул «мать/сын» и трижды подчеркнул «женщину-невидимку».

– О чем думаешь? – опять спросил Хэтчер.

– Ты смотрел фильм «Психоз»?

– Думаешь, Джеку тоже мертвая мать говорит, что делать?

– Что-то мне подсказывает, что сообщники – мать и сын. Этот тип отношений вписывается в происходящее лучше, чем супружеский или братско-сестринский.

Я взял телефон и набрал Алекса Ирвина. Он поднял трубку после второго гудка. Был слышен шум серверов и вентиляторов, что означало, что он все еще был на работе.

– Сумати с тобой? – спросил я.

– Ушла десять минут назад.

– Позвони ей, пусть вернется. Я сейчас пришлю список имен и адресов и хочу, чтобы вы их проверили особо тщательно. Мне нужно знать, что случилось с матерями людей из списка. Ты взламывать компьютеры умеешь?

В ответ Алекс презрительно фыркнул.

– Хорошо. Мне нужно, чтобы ты влез в компьютерные базы всех поставщиков медицинского оборудования в Англии – и крупных, и мелких – и посмотрел, доставляли ли они что-нибудь по этим адресам. Неважно что, важен сам факт.

– Какой период времени берем?

– Два года. Если за этот период ничего не найдется, тогда срок давности увеличиваем. Позвони мне, как только что-то найдешь.

Поговорив, я бросил телефон на кровать, посмотрел на фото жертв и стал думать о Темплтон. Я вспомнил, какая она была, когда мы в первый раз увиделись в баре «Космополитана» – уверенная в себе, хладнокровная, надменная. Потом в голове возникла картинка другой Темплтон – мягкой и более уязвимой. Такой я ее узнал уже позже, потому что эту свою часть она прятала от Хэтчера и других коллег. А потом голова наполнилась совсем другими изображениями, которые занимали отдельное место в моей памяти.

Я не мог представить ее в ряду остальных жертв, и это было хорошо. Что бы ни случилось, она не закончит так же, как они. Я сделаю все, чтобы этого не случилось, все возможное и невозможное.

– Мы считаем, что у Адама есть сообщник – жена или девушка.

Рэйчел сухо рассмеялась. Она сидела на матрасе, накинув на плечи одеяло, и смотрела в темноте в сторону стоматологического кресла.

– Что тут смешного? – спросила Софи.

– Ничего. Адам заставил меня поверить в то, что у него есть сестра, которая ему помогает, но это оказалось просто подставой. Он говорил со мной из-за двери чужим голосом, притворялся женщиной, и я поверила. Ну, не дура ли?

– Не дура, Рэйчел.

– Дура. И вдобавок я ей стала искренне сочувствовать. Я думала, он заставляет ее помогать ему, – Рэйчел опять усмехнулась. – Я рассчитывала со временем развести ее на помощь мне, а на деле это Адам меня обвел вокруг пальца.

– Не вини себя. Адам очень умный, умеет манипулировать, плюс он садист. Его заводят такие игры разума.

– Уж лучше бы он играл с чьим-нибудь другим разумом, а не с моим, – Рэйчел поняла, что сказала, и быстро добавила: – Извини, я не имела в виду тебя.

– Не волнуйся, Рэйчел. Ты ни в чем не виновата.

– Я просто хочу домой, – прошептала Рэйчел, и по ее лицу потекли слезы.

Резко включился свет, и в глазах у Рэйчел все расплылось. Она заморгала, чтобы привыкнуть к яркому свету, вытерла слезы и посмотрела на свою изувеченную руку. Она болела, но уже не так сильно, как раньше. Самая острая боль по-прежнему была сконцентрирована в отрезанном пальце. Она посмотрела на Софи. Ее лицо было бледным и изможденным, и ее перекашивало от боли при малейшем движении. Створка для собак открылась, и на пол упали две черные кабельные стяжки.

– Номер пять, взять стяжки, – оглушительно загредел в колонках металлический голос Адама. Рэйчел посмотрела на Софи и увидела панику на ее лице. Ее глаза метались от одной колонки к другой.

– К этому не привыкнуть, – сказала ей Рэйчел. – Я думала, что привыкну, но это невозможно.

– Номер пять, взять стяжки, или будут последствия.

Рэйчел сбросила одеяло и пошла к двери. Она взяла стяжки, перевела

взгляд на ближайшую камеру и стала ждать дальнейших инструкций.

– Номер пять, развязать пленницу.

Рэйчел сняла ремни, и Софи осела в кресле, растирая запястья.

– Номер пять, перевести пленницу на матрас.

Рэйчел обхватила Софи и помогла ей встать. Вместе они, шатаясь, пошли к матрасу. Софи всем своим весом налегала на Рэйчел, волоча ноги. Когда они дошли, Рэйчел помогла ей сесть. Софи сбивчиво дышала и кусала губы от боли. Она пыталась скрыть свое состояние, но это ей не удавалось. Мучение, с которым ей дался переход от кресла к матрасу, было написано у нее на лице.

– Номер пять, связать стяжками руки и ноги пленницы. Руки – за спину. Связать туго.

Рэйчел исполнила приказ. Зафиксировав стяжки, она на всякий случай затянула их еще потуже, чтобы избежать недовольства Адама. Он сказал затянуть туго, а после того, что он сделал с Софи, варианта не подчиниться для нее уже не существовало.

– Прости, – прошептала Рэйчел. Она низко наклонилась и сказала это так тихо, чтобы Адам не услышал.

– Ничего страшного, – прошептала Софи.

– Здесь все очень страшно.

Затянув вторую стяжку на щиколотках Софи, она встала, подняла голову к ближайшей камере и стала ждать дальнейших команд.

– Номер пять, подойти к креслу и раздеться. Полностью.

Рэйчел не колебалась ни секунды. Она подошла к креслу, через голову сняла толстовку, спустила вниз штаны и трусы. Она смотрела на пол, чуть наклонив голову вправо, руки по швам. Открылась дверь, и вошел Адам с ведром и полотенцем. Через левую руку было перекинута фиолетовое платье. Оставив ведро и полотенце на полу, он аккуратно разложил платье на спинке кресла.

– Номер пять, мыться.

В мыльной воде плавала губка, а от ведра тонкими струйками поднимался пар. Вода пахла лавандой. Рэйчел взяла губку и стала мыться. Она старательно терла кожу, смывая с себя въевшуюся грязь, терла до боли.

Ножевые раны по-прежнему были красными и свежими, но все наложенные крест-накрест швы держались. Пока Рэйчел мылась, Адам подошел к матрасу и проверил стяжки, затянув их до щелчка замка. Софи застонала. Рэйчел на секунду застыла, а потом продолжила тереть себя. Еще один щелчок, еще один стон. На этот раз Рэйчел уже не прекращала мыться. Закончив, она насухо вытерлась полотенцем и стала ждать

следующей команды.

Адам указал на фиолетовое платье. На нем лежал черный бюстгальтер и трусы.

– Номер пять, одеться.

Рэйчел надела нижнее белье. Трусы были на размер меньше ее собственного, а лифчик – на размер больше. Белье было старомодным, такое носили не несколько лет, а несколько десятилетий назад. Платье тоже было старое и пахло нафталином. Когда-то оно явно было модным, но это время давно прошло. Судя по оборкам и подплечникам, оно было из восьмидесятых.

Рэйчел надела платье через голову. Оно было мало, но она влезла. Нарисовав в воздухе круг пальцем, Адам приказал ей повернуться к нему спиной. Он провел пальцем ей по шее, и она заставила себя не вздрагивать, пока он застегивал платье на спине. Он начал снизу. У него были нежные руки, он аккуратно застегивал каждый крючок. Закончив, он отступил назад, и Рэйчел вздохнула свободнее. Адам осмотрел ее и кивком показал на дверь.

– После тебя, номер пять.

Я схватил мобильный сразу же, как он зазвонил. Сумати Чэттердзи, опустив приветствия, выстрелила именем. Это было третье имя из оставшихся семи.

– Ты уверена? – спросил я.

– Абсолютно.

Она тезисно выдала мне всю основную информацию. После разговора я взял список, обвел красным маркером имя Дэррена Уэбстера и показал его Хэтчеру.

– Вот твоя цель, – сказал я.

– Это самая лучшая новость за очень долгое время, – усмехнулся Хэтчер.

Я схватил куртку и побежал к двери. Хэтчер догнал меня у лифта. Он говорил по телефону, организуя полномасштабную полицейскую операцию. Когда мы приехали вниз, он все еще отдавал команды. Я подошел к ресепшену и спросил, не оставляли ли для меня посылки. Консьерж попросил меня подождать и ушел в небольшую темную комнату. Через несколько секунд он вернулся с маленьким блестящим чемоданчиком «Самсонит» и ключами от машины. На брелоке был логотип «мазератти», а чемодан был тяжелым, как я и ожидал.

– Возьмем мою машину, – сказал я Хэтчеру.

Хэтчер зажал ладонью телефон:

– С каких пор у тебя появилась машина?

– Тридцать секунд назад. «Мазератти».

Хэтчер вытаращил на меня глаза. Я смотрел на него. Он закончил разговор и убрал телефон.

– Что происходит, Уинтер?

– Я все объясню в машине.

«Мазератти» Дональда Коула был припаркован у выезда с подземной парковки «Космополитана», и машина уже стояла капотом вперед, чтобы мы могли выехать максимально быстро. Я просил быструю машину, и Коул дал мне очень быструю. У «мазератти» был восьмицилиндровый двигатель объемом 4,2 литра, шестиступенчатая коробка передач и максимальная скорость 285 километров в час. Разгон до ста километров – за пять секунд.

Мы сели внутрь, и я бросил чемодан на колени Хэтчеру. Двигатель взревел, и мы понеслись вперед под визг шин. Через пять секунд мы уже

ехали по улице. Поначалу было очень непривычно ехать по левой стороне дороги, но постепенно я освоился. Принцип тот же, что и дома: пассажирское сиденье – ближе к тротуару, а встречный поток – со стороны водителя. Если придерживаться этого принципа, все работает.

Я вел агрессивно, то и дело переставляя ногу с тормоза на газ. Мотор ревел и затихал, передачи переключались. Сигнал был громким, стоп-фонари яркие. Я нигде не останавливался, петлял, подрезал, нагло пробираясь через вечерние пробки. Дворники работали на полную мощность, очищая стекла от снега. Телохранителей Коула нигде не наблюдалось.

– Что происходит, Уинтер?

– Открой чемодан.

Замки щелкнули один за другим, и Хэтчер выдохнул:

– Господи!

– Что за пушки?

– Два сорок пятых кольта. Подозреваю, лицензии на них нет.

– Да, они без лицензии, без истории и без следов.

Это был еще один подарок Дональда Коула.

– Машина, пистолеты. Я так понимаю, это тебе твоя крестная мать-волшебница прислала? – спросил Хэтчер.

– Дональду Коулу вряд ли бы понравилось, если бы его назвали волшебницей.

– Господи, Уинтер! Дональд Коул! Что за игры опять?! – Хэтчер глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. – Ладно, рассказывай. Я хочу знать, что происходит. И хочу знать сейчас же.

– Преступник – не Дэррен Уэбстер.

– А кто же?

Я не ответил.

– Ты же понимаешь, что я легко могу это выяснить. Один звонок Сумати или Алексу.

– Но ты его не сделаешь. Если бы хотел, уже набрал бы кого-то из них.

Я ушел в сторону, чтобы обойти такси, подрезал его и снова дал по газам. Возмущенный сигнал таксиста исчез далеко позади.

– Не вижу возможности тебе сказать. Я назвал тебе имя, и ты, как послушный бой-скаут, передал информацию Филдингу, как тебе и полагается по должности. Будем считать, что я, как любой человек, могу ошибаться, и в отеле я просто перепутал имя.

Хэтчер молчал.

– Если я тебе дам правильное имя, тебе придется передавать его

Филдингу. А это будет огромной ошибкой. Он посчитает нужным окружить преступников до того, как ворваться в дом. Он захочет хорошо подготовиться и прикрыть себя со всех сторон.

Хэтчер по-прежнему не говорил ни слова.

– И ты думаешь, наш маньяк не заметит, как вокруг дома собираются десятки полицейских? Не успеешь оглянуться, как все они окажутся вокруг дома. Оно нам надо? Плюс, не будем забывать, что Темплтон – одна из ваших. Все будут на эмоциях, включатся личные отношения. Слишком уж много рисков. А всего одна ошибка – и Темплтон светит смерть или еще что похуже.

– А для тебя это, значит, не личные отношения?

– Ты неправильно ставишь вопрос, Хэтчер. Вопрос должен быть такой: ты кому бы доверил спасти жизнь Темплтон – мне или Филдингу?

Рэйчел шла по лестнице вслед за Адамом. Ей не хотелось идти, но выбора у нее не было. В ногах была тяжесть и слабость одновременно, ей приходилось держаться за перила, чтобы не упасть, но и в руках была такая слабость, что они просто волочились по полированному дереву.

Ей было очень страшно подниматься наверх. Там были спальни. Адам уже пытал ее, бил током, отрезал палец. Теперь он собирался ее изнасиловать? Если да, она не будет сопротивляться. Будет просто лежать, ждать конца и молиться, чтобы этот конец наступил как можно скорее. Адам хочет спровоцировать ее на какую-нибудь реакцию, именно это его заводит. Страх, ненависть, отчаяние – ему подойдет любая. Поэтому лучше всего будет не реагировать совсем, не сопротивляться, не просить.

Такой у нее был план, и он был хорош, потому что давал возможность остаться в живых. Проблема была только одна – следовать ему было нереально для Рэйчел. Она знала, что, как только он дотронется до нее пальцем, она изо всех своих сил будет сопротивляться и пойдет на все, чтобы отбиться от него, – будет пихать, бить, кусать, царапать. Она понимала, что чем сильнее она будет биться, тем изощреннее будет его месть. И своей строптивостью она, скорее всего, подпишет себе смертный приговор. Несмотря ни на что, она знала, что будет сопротивляться до последнего вздоха.

Над лестницей висело отполированное до блеска зеркало в позолоченной раме. Рэйчел застыла и уставилась на собственное отражение. Она не узнавала себя. Женщина в зеркале была похожа на онкобольную: измученное, напряженное лицо, потухшие, безжизненные глаза с черными кругами. В этом платье она была похожа на ребенка, который залез в шкаф матери и надел ее вещи. А при взгляде на свою лысую голову Рэйчел чуть не заплакала.

Адам стоял рядом и довольно ухмылялся, увидев, какой ужас у Рэйчел вызвало собственное отражение. Как же ей хотелось ударить его ножом или электропогонялкой или застрелить! Она хотела отомстить ему, заставить его страдать за то, что он сделал с ней. Она очень хотела, чтобы он испытал ее боль. Но больше всего она хотела стереть эту довольную ухмылку с его лица.

– Номер пять, не останавливаться.

Поднявшись по лестнице, Адам повернул направо, и Рэйчел пошла за

ним по коридору мимо множества темных комнат за закрытыми дверями. В окна бились снежные хлопья, и было слышно, как снаружи свистит ветер.

В доме пахло апельсинами. Но за этим запахом Рэйчел уловила еще один, более слабый – такой обычно бывает в больничных палатах. И чем дальше они шли, тем сильнее он становился. В конце коридора оставалась последняя дверь, и за этой дверью горел свет.

Адам подошел к двери, тихо постучал и открыл ее. Отступив, он знаком приказал Рэйчел войти. Рэйчел замерла, не в силах сдвинуться с места. Запах больничной палаты многократно усилился и заполнил собой ее легкие и нос. Ее стало тошнить. Сглотнув желчь, Рэйчел приказала себе держаться.

– Номер пять, войти в спальню матери.

Рэйчел не двигалась.

– Номер пять, войти в спальню матери, или будут последствия.

Рэйчел вошла в комнату. Она была оформлена, как одноместная палата в частной больнице: стены пастельных тонов, ярко-розовые занавески на окнах, прочное виниловое покрытие на полу. Необычные букеты свежих цветов наполняли комнату яркими красками и жизнью.

Положение кровати регулировалось, давая возможность матери Адама не только лежать, но и сидеть. Руки ее безвольно лежали на коленях, одна на другой, и казались парализованными. У нее было изможденное лицо с запавшими глазами и обвисшими щеками, но было видно, что когда-то она была красивой женщиной. У нее были такие же, как у Адама, карие глаза и такая же стать.

На первый взгляд волосы казались натуральными. Только приглядевшись, Рэйчел заметила, что это парик. Макияж был очень легким и аккуратным. Поверх белой ночной рубашки на ней был кремовый кардиган.

На стене напротив кровати висели четыре больших телеэкрана. Каждый из них был подключен к видеокамере в подвальном помещении, на экранах транслировалось черно-зеленое изображение в режиме ночного видения. На двух экранах было видно Софи. Она металась по матрасу, отчаянно пытаясь освободить руки.

В книжном шкафу стояли DVD-диски, на корешках были даты и цифры от одного до пяти. Расположены они были в хронологическом порядке, на каждый день – свой диск. Единственный диск с маркировкой «5» был датирован днем, следующим за ее похищением. Если на нем был вчерашний день, значит, она пробыла в плену два дня.

На туалетном столике стояли манекены – две головы и рука. На одном

из манекенов был парик, второй стоял лысый. Рука стояла прямо, с раскрытой ладонью, как будто махала кому-то. На каждом пальце были надеты обручальные кольца. Кольцо Рэйчел было на мизинце. В углу комнаты стояла маленькая раскладушка. Она была аккуратно заправлена, но выглядела очень потрепанной.

– Подойди и посиди со мной, – кивнув на место рядом с собой, сказала пожилая женщина.

Рэйчел не могла заставить себя сдвинуться с места. Она смотрела на свои ступни, чтобы не смотреть на старуху. Адам легонько подтолкнул ее и вывел тем самым из ступора. Как лунатик, она подошла к кровати и села на самый край. Мать Адама кивнула на пространство между ними.

– Ближе, – сказала она хорошо поставленным и явно принадлежащим к другой эпохе голосом. Таким голосом отдают приказы, которые имеют статус беспрекословных.

Рэйчел посмотрела на Адама и подвинулась ближе. Старуха внимательно изучила Рэйчел, пройдя глазами каждый сантиметр ее лица и тела.

– Какая красивая, – сказала она. – А как ты думаешь, я красивая?

– Да.

Старуха засмеялась. Смех был очень приятным, но у Рэйчел было чувство, что он был таким же фальшивым, как и улыбка Адама, и столь же опасным.

– Когда-то я была красивой, но сейчас нет. Возраст в конце концов настигает всех. Дам тебе совет, дорогуша: не ври мне. Соврешь – я скажу Адаму, и он вырежет тебе язык, – она посмотрела на сына. – Адам любит играть с ножом. Ты уже и сама это знаешь не хуже меня.

Рэйчел смотрела на стену за кроватью и ничего не говорила.

– Знаешь, он ведь ненавидит меня. Я его родила, а он меня ненавидит. Он хочет убить меня, но у него не хватает духу. Он весь в отца. Тот тоже был безвольным. Так ведь, Адам? Ты мечтаешь задушить меня подушкой.

– Я люблю тебя, мама.

– Нет, не любишь. Ты любишь только себя, как и твой отец. – И тут она взглянула в глаза Рэйчел. – Ты веришь в рай?

Рэйчел подумала о солнце, представила теплый песок под ногами, подумала об отце.

– Я верю в справедливость, – наконец тихо сказала она.

– Ну, наконец-то правдивый ответ, – улыбнулась старуха. – А в ад? Ты веришь в ад?

Рэйчел посмотрела на черно-зеленый экран с Софи.

– Да, я верю в ад.

– Нет, не веришь. Пока еще нет. Ты думаешь, что веришь, и через какое-то время так и будет, но до этого тебе еще надо дожить. Адам, принеси мой чемодан с косметикой.

Адам пошел к туалетному столику и принес большую, отливающую золотом сумку.

– Ты знаешь, что делать.

Адам достал из сумки помаду, и Рэйчел отпрянула от него. Он взял ее за голову, чтобы она не смогла увернуться, и нанес помаду. Он не торопился, мягкими и аккуратными движениями нанося тон.

– Мой сын постоянно дает мне поводы для недовольства, – сказала старуха. – Дважды он изуродовал мое тело. В первый раз – когда я его рожала, а второй раз – когда сделал меня инвалидом. Не рожай детей, будешь жалеть до конца жизни.

Пульсометр у кровати показал учащенный пульс, девяносто ударов в минуту. И давление у нее тоже повысилось. С той же аккуратностью Адам наложил бирюзовые тени, а затем плавными круговыми движениями нанес румяна, щечоча ватным диском щеки Рэйчел.

– Я всегда хотела иметь дочь, но вместо нее родился Адам. Помнишь, Адам, как в детстве мы с тобой хорошо играли в переодевания?

– Пожалуйста, не надо, мама.

– Он такой красивый был, с длинными кудрявыми волосами, карими глазами. Ему очень шло розовое, – улыбнулась она при этих воспоминаниях. – А потом он стал взрослеть, фигура стала меняться. В общем, он все испортил, больше уже ничего у меня с ним не получалось. Как бы я ни старалась, он становился слишком похожим на мальчика. Адам, принеси парик.

Рэйчел слышала, как Адам отошел куда-то от кровати, а затем вернулся. Она смотрела на цветы, на стену, на другие предметы. Ей было все равно, на что смотреть – лишь бы не на Адама и не на его мать. Она поняла, в какую игру они играют. Когда они вернутся в подвал, все будет еще хуже, причем гораздо хуже, чем до этого. Адам был взбешен. Пока он еще держался и подавлял злость, но рано или поздно он выместит всю свою ярость на Рэйчел или Софи.

Старуха знала, что делает, она точно знала, на какие кнопки нажимать. Она специально трепала нервы Адаму, чтобы впоследствии сидеть в своей кровати и смотреть шоу на четырех широкоформатных экранах. Адам надел парик на голову Рэйчел и аккуратно поправил его.

– Ну, дорогуша, чего ты ждешь? Встань и сделай пируэт.

Рэйчел встала на ватных ногах, сделала неловкий оборот и замерла, еле дыша. Старуха смотрела на нее с каменным лицом, а затем вдруг расплылась в широкой сияющей улыбке. Рэйчел была в полной уверенности, что, если бы старуха могла двигать руками, то захлопала бы в ладоши от радости.

– Прямо как в зеркало смотрюсь, – сказала она.

Как только мы выехали на М1, я дал по газам, и двигатель показал себя во всей красе. На скорости в 140 километров в час пейзаж за окном стал расплываться. В условиях снегопада езда на автомобиле больше походила на полет в космосе, снежинки тут же превращались в кометы с белыми хвостами. Скоростная полоса принадлежала мне одному, и тех, у кого хватало глупости встать на моем пути, я бил дальним светом и сигналил до тех пор, пока они не освобождали путь.

Учитывая погодные условия, я ехал слишком быстро, но выбора у меня не было. Темплтон не подходила под описание типичной жертвы, и это беспокоило меня больше всего. План сообщников я не знал, но знал, что они исполнят его быстро. Возможно, мы уже опоздали.

На ста шестидесяти километрах в час я уже ничего не видел, кроме мелькающих прожилок снега и редких красных фонарей. Скорость была сумасшедшей, просто суицидальной. Я вел вслепую и все жал на газ.

– Скажи, как зовут Джека, – попросил Хэтчер.

– Я не могу тебе сказать, – напомнил я ему.

– Если кто-нибудь спросит, я совру. Для протокола я знаю, что Джек – это Дэррен Уэбстер, и так оно и будет до тех пор, пока ты не поймешь, что ошибся и не оповестишь меня об этом.

– Ты уверен?

– Уверен.

– Его зовут Адам Гросвенор. Я предполагал, что это он, но мне нужна была уверенность. Сумати мне ее дала.

– Почему именно он?

– Из-за местоположения. Адам живет в Уэйверли-Холл, это большой особняк на окраине Редборна. Это поселение находится рядом с девятым съездом шоссе М1, что дает ему возможность легко добираться до Лондона. И оно всего лишь в восьми километрах от Сент-Олбанса, что объясняет, почему он выпустил там Патрисию Мэйнард. Он стал ненасытным: выпустив Патрисию, уже через двадцать четыре часа он похищает Рэйчел Моррис. Ему захотелось сэкономить время, и он выпустил Патрисию недалеко от дома. К тому же из семи возможных адресов Редборн был дальше всего от того места, где нашли Чарльза Бреннера. То есть уже тогда он пытался заметать следы.

– А другие детали? Он работает один?

– Нет, он подчиняется собственной матери, Кэтрин Гросвенор. Она отдает указания.

– То есть его мать жива.

– Полужива. Два с половиной года назад она попала в автокатастрофу. За рулем был Адам. Он отделался переломом руки, а вот ей повезло гораздо меньше – перелом четвертого шейного позвонка и парализация от шеи и ниже. Почти год она лежала в больнице, ей делали галовытяжение, несколько операций и все в таком духе. Потом ее выписали домой, и Адам стал за ней ухаживать.

– Поэтому ты поручил проверить поставщиков медоборудования – оно нужно Адаму, чтобы ухаживать за матерью. Ты предполагал, что что-то подобное должно быть в истории.

– Или это, или что-то похожее, да. Должно было случиться нечто, что обездвижило ее – инсульт или болезнь двигательной системы. Отсюда необходимость лоботомии. Кэтрин Гросвенор жива, но полностью зависит от Адама. Он ее кормит, одевает, выносит судно. Она хочет, чтобы жертвы страдали так же, как она.

– Но они не осознают своего состояния, так что оно не такое же, как у нее.

– Неважно, это символ.

– Она выписалась полтора года назад. Примерно в это время был убит Чарльз Бреннер.

– Да, это событие стало спусковым крючком. Кэтрин Гросвенор почти при смерти. Ее красота увяла, а теперь и тело потеряло возможность функционировать. Она очень недобрая женщина, и вся ее злость обрушивается на Адама. Он с самого детства подвергался насилию – психологическому и физическому. Вполне вероятно, было и сексуальное насилие.

– Да, вырисовывается полная картина, – кивнул Хэтчер.

– Это еще не все. Если взять фотографию Кэтрин Гросвенор в расцвете красоты, ты увидишь темноглазую брюнетку, самоуверенную и независимую. Такую, как Сара Флайт, Маргарет Смит, Кэролайн Брент и Патрисия Мэйнард. И Рэйчел Моррис. Она вымещает злость не только на Адаме, но и на всех этих женщинах. Она видит в них все то, что безвозвратно потеряла сама: красоту, молодость, возможность свободно передвигаться. Поэтому она заставляет Адама издеваться над ними, а сама наблюдает за процессом. Еще она их наряжает, чтобы на какое-то время оказаться в прошлом, когда она была молодой и красивой.

– А кто ее муж? Он какую роль играет во всем этом?

- Никакую. Он умер, когда Адам был еще ребенком.
- Естественной смертью?
- Вскрытие показало, что у него был сердечный приступ.
- Но ты не веришь этой версии?

Я покачал головой.

– Он ей изменял, и, я уверен, она его убила. Ей каким-то образом удалось избежать наказания. Никто ничего не смог доказать, поскольку глубоко рыть не стали. Наверняка в полиции посмотрели на нее, увидели сломленную, несчастную вдову с маленьким ребенком и отвели глаза. Если копнешь глубже, ты увидишь, что я прав. Мужья всех жертв им изменяли. Это не простое совпадение. И все жертвы были обиженными женами изменяющих мужей. Это тоже не простое совпадение. Кэтрин Гросвенор снова и снова инсценирует свое прошлое, Хэтчер. Жертвы играют ее саму тридцатилетней давности.

Адам подвинул стул к кровати – медленно, не сводя глаз с Рэйчел. Ножки стула с противным звуком царапали виниловый пол. Рэйчел вздрогнула, но постаралась скрыть свою реакцию. Она смотрела на стену за ближайшим букетом цветов и говорила себе, что все будет хорошо. Пусть даже она знала, что это ложь, она повторяла и повторяла себе: все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо. Адам хотел вывести ее из себя, но она не собиралась доставлять ему это удовольствие. Он повернул стул к экранам.

– Номер пять, сесть на стул.

Рэйчел села, и он схватил ее за руки. Заведя их назад, стяжками он привязал запястья к стулу, привязал так туго, что жесткий пластик больно впился ей в кожу, а кровь циркулировала с трудом. Точно так же он поступил и с щиколотками, привязав их к ножкам стула. Рэйчел смотрела на стену. Ей хотелось сбежать в воспоминание о пляже, но оно ускользало от нее.

Адам вышел из спальни. Было слышно, как он идет по коридору, спускается по лестнице. Затем его шаги перестали быть слышны, и мертвая тишина заполнилась фоновыми звуками: гулом ветра, гуляющего по крыше, ударами снежных хлопьев по окнам, скрипами и тресками старого дома, пульсом монитора, тихим дыханием матери Адама. Поверхность экранов была темной и зеркальной, а все отражающиеся объекты были похожи на расплавленные восковые фигуры.

Рэйчел посмотрела на кровать. Старуха поймала ее взгляд и дружелюбно улыбнулась. Рэйчел тут же отвернулась и стала смотреть на экраны. Если бы они увидели друг друга в других обстоятельствах, она бы посчитала мать Адама безобидной бабушкой, коротающей закат жизни за чаем в кругу друзей, которых с каждым годом становится все меньше. Она бы даже сочувствовала ей. И насколько ошибочно было бы это ее мнение!

Отец говорил ей много раз, что о человеке надо судить не по словам, а по делам. Сколько раз в новостях она видела, как соседи и друзья какого-нибудь психа пораженно качали головой, не веря, что этот полностью адекватный, пусть и закрытый человек мог совершить то, в чем его обвиняют. Тогда Рэйчел думала: как же можно быть такими бестолковыми! Теперь она понимала как.

– Камера четыре, крупно, – сказала старуха дикторским голосом, четко

произнося каждое слово.

Картинка на правом нижнем экране увеличилась, зеленые и черные блики превратились в более четкое изображение. Рэйчел увидела, как Софи мечется по матрасу, пытаясь освободить руки.

– Камера три, крупно.

Теперь увеличилось изображение на левом нижнем экране. Софи на матрасе под другим углом – стопы крупнее, а голова мельче. Пульс на мониторе упал до семидесяти восьми ударов. Рэйчел смотрела на экраны, только чтобы не смотреть на мать Адама.

Она наблюдала за отражением его матери на экране. Судя по всему, единственной частью тела, которой она могла двигать, была голова. Все, что ниже шеи, было совершенно неподвижно. Внезапно женщина начала часто моргать, и монитор запищал чаще. Рэйчел обернулась. Глаза старухи увлажнились, и она изо всех сил пыталась сфокусировать взгляд. По покрытой румянами щеке потекла слеза. Только это была не слеза – мать Адама была не способна на слезы, не способна к любви. Ей были доступны только черные эмоции – ненависть, злость, ярость.

Рэйчел чувствовала недовольство старухи своей полной беспомощностью. Ироничность ситуации бросалась в глаза, и, несмотря ни на что, Рэйчел почувствовала вспышку злорадства. Если бы она не была привязана к стулу, то смогла бы помочь ей. Но в то же время, если бы она не была привязана к стулу, желание придушить ее подушкой затмило бы все остальные. Она не понимала, почему Адам этого не сделал давным-давно. Его жизнь с матерью казалась адом. Если бы он захотел, то легко бы смог ее убить – она была не способна даже к малейшему сопротивлению. А если на убийство смелости не хватало, можно было просто уйти – выйти из дома, уйти куда глаза глядят и никогда не возвращаться.

Но он предпочел остаться здесь. Старуха была совершенно беспомощна, но в ее руках была абсолютная власть. Рэйчел не могла понять этой ситуации. Она не была уверена, сможет ли когда-нибудь полностью понять, что здесь происходит. Их отношения были слишком извращенными для ее понимания.

Вдруг все экраны зажглись белым светом, как будто подвал стал сердцем ядерного взрыва.

– Отключить ночной режим, – сказала старуха.

Изображения стали цветными, очертания – более четкими. Софи прекратила борьбу. Она неподвижно лежала на матрасе с туго стянутыми за спиной руками и смотрела на дверь. Ее толстовка была вся мокрая от пота, она тяжело дышала. Рэйчел посмотрела на верхний левый экран. Дверь

была закрыта, собачья створка тоже. Она снова перевела взгляд на нижние экраны, на которых Софи так и смотрела на дверь – напрягшись, с широко открытыми тревожными глазами.

– Включить звук.

Спальня наполнилась дыханием Софи – прерывистыми, неглубокими и испуганными вдохами. Рэйчел посмотрела на верхний левый экран и увидела, как дверь открылась и вошел Адам. В правой руке у него были садовые щипцы, а в левой – электропогонялка. Рэйчел рассказала Софи, что с ней проделывал Адам, так что она знала, чего ждать.

Софи сейчас должна просто сходить с ума от случайных и бесполезных мыслей о боли, побеге, мести. Адам прошел мимо кресла и исчез с верхнего экрана, через пару секунд появившись на нижних. Теперь было сразу два изображения Адама – одно с левой стороны, второе – с правой.

Адам поднял щипцы, и Софи выдохнула. Многократное усиление звука превратило этот выдох в крик, ворвавшийся через колонки в спальню.

– Повернись, – сказал Адам.

– Иди к черту.

Адам поднял электропогонялку.

– Повернись, или будут последствия.

Софи с ненавистью смотрела на него, и Адам подался вперед. Он ткнул электрошокером ей в живот и держал его там, пока Софи выла от боли, гораздо дольше, чем это было нужно. Чем громче она кричала, тем шире он улыбался. Отложив электропогонялку, он схватил Софи за плечи, грубо перевернул ее на живот и уперся коленом в поясницу.

Перерезав стяжки на руках и ногах, он встал на ноги и грациозно отпрыгнул от матраса – на случай, если сотрудница полиции будет в состоянии применить силу. Софи потирала запястья и щиколотки и с ненавистью смотрела на него. Ее лицо перекосилось от боли, когда она дотронулась до живота.

– Сядь в кресло.

Софи не двинулась. Адам прижал электрошокер к ее животу и не отпускал его, пока она корчилась на матрасе. Ее вой звучал страшнее, чем прежде, – он был выше тоном, и в нем было больше отчаяния. Адам отступил, и крики стихли. Софи лежала на полу в позе эмбриона, сдерживая слезы и тяжело дыша.

– Сядь в кресло, – повторил Адам.

Софи не двигалась, и Рэйчел была уверена, что она так и будет сопротивляться. Адам стал махать электрошокером из стороны в сторону.

Софи бросила на него свирепый взгляд и пошла к креслу. Она села, и Адам пристегнул ремни.

Он вышел из подвала и вернулся с тележкой. Поставив ее рядом с креслом, он взял паяльную лампу и зажег ее. Затем взял швейную иглу и грел ее кончик, пока он не покраснел. Софи вжалась в кресло. На ее лице был страх, глаза лихорадочно двигались в поисках выхода.

– Пожалуйста, остановите его, – прошептала Рэйчел.

Старушка мило улыбнулась.

– Ты ведь сказала, что веришь в справедливость, дорогуша. Это и есть справедливость.

Когда мы доехали до нужного девятого съезда с шоссе, начался сильный снегопад. Я снизил скорость до ста десяти, но и это было слишком быстро для погодных условий. Последние несколько километров я не говорил ни слова, потому что мне требовалась вся моя концентрация, чтобы вести машину и не убить нас.

Чем дальше мы ехали, тем хуже становилась дорожная ситуация. Снега под колесами было все больше, я ехал все медленнее, но все равно несколько раз почти потерял контроль над автомобилем. Эта машина не была предназначена для подобных условий, на ней нужно было ездить по широким, открытым и прямым участкам. Сейчас мне больше подошел бы полноприводный джип, а не спортивный автомобиль.

Высокие изгороди превратили аллею, ведущую к Уэйверли-Холл, в узкий туннель, а ветер надул высокие сугробы с правой стороны. Дорога была покрыта толстым слоем снега. «Мазератти» полз на скорости пятнадцать километров в час, колеса проворачивались, пытаюсь поймать сцепление на скользком льду, скрывающемся под снегом. Стеклоочистители все еще вели безнадежную борьбу со снегом. Если снегопад не закончится, через полчаса дороги занесет, и они станут полностью непроходимыми.

Уэйверли-Холл был окружен высоким забором и скрыт за высокими елями, возвышающимися, как солдаты-призраки. Я проскочил мимо главного въезда и попытался из-за ворот осмотреть территорию. Вглядываясь в белые бесформенные очертания, я смог различить только дорогу, которая вела между деревьями и через двадцать метров резко уходила вправо. Это полностью соответствовало картинке со спутника, которую дал интернет.

Лучше всего к дому было подбираться с востока, поскольку спереди пространство было полностью открытым. Оно представляло собой покрытый гравием участок для парковки автомобилей и неухоженную лужайку. На такой пустынной площади мы стали бы слишком легкой добычей. Сзади дома ландшафт был таким же: четыре сотки поля, простирающегося до деревьев на южной границе участка. К западной стороне дома было не подобраться, поэтому оставалась только восточная.

Я подъехал к северо-восточному углу стены и остановил «мазератти» посреди дороги. Как только я открыл замки чемодана, в нос мне ударил

запах ружейного масла.

Дональд Коул полностью оправдал мои ожидания. Сорок пятый кольт был одним из моих любимых пистолетов, потому что он был надежен на сто процентов. Не на девяносто девять или на девяносто восемь процентов, а на все сто. В 1911 году американская армия протестировала несколько видов оружия, и только сорок пятый кольт на шесть тысяч очередей не дал ни одной осечки. Когда он слишком сильно нагревался, его окунали в ведро с холодной водой и продолжали стрелять. К тому же это мощное оружие удобно было носить и легко спрятать.

Я извлек магазин и проверил патроны – сорок пятый калибр с выемкой в головной части. Десятимиллиметровая пуля глубже проникает в тело, но поражающая способность сорок пятого намного больше^[4]. При попадании в плотную среду вся кинетическая энергия патрона переходит в объект поражения, а десяти миллиметровый может пройти на вылет. Говорят, пулю сорок пятого калибра можно остановить мокрым армейским одеялом. Поэтому-то я и предпочитаю оружие сорок пятого калибра десяти миллиметровому.

Я тщательно проверил пистолеты и сделал пару выстрелов при пустом патроннике. Я бы предпочел произвести несколько реальных выстрелов, но это было невозможно. Я вернул магазин на место, отвел назад кожух затвора и дослал патрон в патронник.

Конечно, я брал на себя риск совершить случайный выстрел, но это было осознанное решение. Если нужно будет стрелять, я не хочу копаться с затвором. Если все окажется настолько плохо, что мне придется применить оружие, каждая секунда будет на счету. Полная готовность может спасти жизнь.

Я сунул один из кольтов под ремень джинсов и положил запасной магазин в задний карман. Второй кольт я передал Хэтчеру. Он стоял и смотрел на него.

– Это пистолет, – сказал я.

– Я знаю, что это пистолет.

– Ты ведь умеешь стрелять из пистолета?

– Ну, конечно, я умею стрелять.

– Прицеливаешься и спускаешь курок. И делаешь так, пока не кончатся пули.

– Я знаю, как стрелять, Уинтер, черт тебя побери.

– Мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты меня прикрываешь.

Хэтчер взял кольт, и мы вышли из «мазератти». Ветер был такой силы, что у меня дыхание перехватило. Пригнув головы, мы двинулись в самую

метель. Хэтчер держался чуть позади меня, как привидение в снегу.

Дорога давалась тяжело. Я не чувствовал ни рук, ни ног, глаза щипало. Мы шли вдоль 2,5-метровой стены по восточной границе участка. На ней было уже около трех сантиметров снега. Я отсчитывал метры и, досчитав до ста пятидесяти, остановился. Если я не ошибся, мы должны были оказаться прямо напротив дома.

Хэтчер подсадил меня, и я залез на стену. Не успел я сесть на нее, как мой зад тут же промок. Я подал руку Хэтчеру, и вместе мы перемахнули через стену и приземлились в лесистой части участка, что полностью соответствовало изображениям из интернета. Благодаря деревьям у нас был шанс пробраться в дом незамеченными. Почти все деревья стояли без листьев, но было и несколько вечнозеленых. Толстые стволы спасали нас от порывов ветра, превращая его во вполне выносимый бриз. Было неожиданно вдруг оказаться в тишине, как будто кто-то щелкнул выключателем и метель закончилась. Мы пробрались через густые заросли, пытаясь не споткнуться о корни и не порвать одежду о торчащие острые ветки.

Участок с деревьями простирался метров на тридцать до стены высотой около метра восемьдесят. Я схватился руками за ее заснеженный верх, подтянулся и стал всматриваться в темноту.

Через двадцать метров от стены была дверь на кухню. Чтобы добраться до нее, нам нужно было пересечь запущенные грядки, где когда-то сажали овощи. Стены окружали этот маленький садик с трех сторон, стена дома была четвертой. На первом этаже было два маленьких окна, света в них не было. Я не мог рассмотреть никаких признаков жизни за окном, но все-таки еще несколько секунд всматривался, чтобы перестраховаться. Как только мы перелезем через эту стену, мы станем открытой мишенью. Я спрыгнул назад, за стену, и рассказал Хэтчеру об увиденном.

– Ты готов? – спросил я.

– Как никогда.

Хэтчер выглядел испуганным, но это было к лучшему. Страх обостряет все инстинкты. Мне тоже было страшно. У меня сейчас наверняка было такое же выражение лица, что и у него.

Мы перелезли через стену и побежали к дому. Хэтчер не отставал. Опять включилась кнопка со снегопадом, и, по ощущениям, он усилился раза в два. В моих легких был лед, а снег раздирал кожу. Двадцать метров казались двадцатью километрами. Я бежал, ожидая, что в любую секунду меня настигнет пуля. Она влетит в меня, а пойму я это, только когда буду

падать на землю и на снег польется кровь.

Мы добежали до дома и вжались в стену. Хэтчер тяжело дышал, но был не бледен.

– Надо почаще в спортзал ходить, – сказал он.

– Можно подумать, ты знаешь, как выглядит спортзал изнутри.

– Пошел ты, Уинтер, – на секунду улыбнулся Хэтчер.

Я повернул ручку двери, она была заперта. Ни в одном из привычных мест, где люди обычно оставляют ключи, их не было, поэтому я достал отмычки и принялся за работу. Мне потребовалось не менее двух минут, чтобы открыть старый и тяжелый, давно не знавший смазки замок застывшими от холода пальцами. Я достал кольт, направил его перед собой и последовал за ним в дом, оставляя мокрые следы на полу.

Кухня была просторная, с каменным полом и сантехникой под старину. Чистота была идеальная. Консервные банки были составлены башенками на рабочих поверхностях. На первый взгляд, они располагались в случайном порядке, но со второго взгляда я увидел логику. С одной стороны стояли супы, бобы – отдельно, макаронные кольца – отдельно, и так с каждой товарной позицией.

Каждая башенка была аккуратно выстроена, и это напомнило мне работы Энди Уорхола. Помимо банок с едой больше ничего нигде не стояло – все было убрано на свое место. В раковине не было грязной посуды, нигде не лежало никакого мусора. Пахло апельсинами и отбеливателем. Оглядевшись, я поставил диагноз: обсессивно-компульсивный синдром.

Я неподвижно стоял посреди кухни и прислушивался, пока с моего лица и одежды стекал тающий снег. Ничего необычного для такого старого дома слышно не было: бульканье в трубах, случайный скрип, шум работающего холодильника – и никаких признаков жизни.

Из кухни вела только одна дверь. Я подошел к ней, осторожно перемещая вес своего тела с одной ноги на другую и оставляя после себя мокрые следы. Хэтчер передвигался совершенно бесшумно, и только по его дыханию я мог понять, что он здесь. Мы подошли к двери и замерли, услышав донесшийся сверху звук.

– Ты знаешь, что это? – спросил Хэтчер.

Я помотал головой, приложил палец к губам, осторожно повернул ручку и медленно открыл дверь. Я вышел в коридор, водя рукой с пистолетом слева направо, вверх и вниз, покрывая все углы, как раньше в Куантико. Хэтчер шел прямо за мной, тоже выставив вперед пистолет. Я остановился и прислушался, надеясь понять, что происходит наверху.

Оттуда снова донесся звук, и на этот раз у нас уже не было сомнений в

его происхождении. Крик пробирает тебя до костей, как никакой другой звук. Кричала женщина, крик был длинный, протяжный, полный боли.

Мы побежали, среагировав на этот вопль, как на стартовый выстрел. Кому-то было очень больно, и мы должны были положить этому конец. Мы выбежали в большой парадный холл и через две ступеньки побежали вверх по лестнице. На втором этаже мы повернули направо и побежали по коридору.

В дальнем конце коридора за одной из дверей горел свет. Чем ближе мы приближались, тем сильнее пахло больницей. Дверь была приоткрыта, и я ударил в нее плечом, с размаху открыв ее так, что она ударилась о стену. Я ввалился в комнату, размахивая пистолетом во все стороны. Адреналин зашкаливал, я чувствовал давление пальца на курок. Я мгновенно отсканировал комнату, считывая всю возможную информацию.

Изумленное лицо Кэтрин Гросвенор, ее округлившийся рот. Пять обручальных колец на манекене. Рэйчел Моррис, привязанная к стулу, живая, тяжело дышащая, без одного пальца. Телеэкраны.

На одном из экранов я увидел Темплтон. Она была раздета по пояс и привязана к деревянному стулу. Ее толстовка, порванная в клочья, лежала на полу. Рядом с ней стоял Адам с длинным охотничьим ножом. Темплтон была в очень плохом состоянии. По рубцам было видно, где ее били. Струйки крови стекали от свежей ножевой восьмисантиметровой раны на груди к пупку. Она была в сознании, но не более того.

– Включить микрофон, – сказала Кэтрин Гросвенор. – Адам, здесь полиция. Ты знаешь, что делать.

Адам подошел к одной из камер и посмотрел в нее. Его лицо было взято крупным планом. Казалось, он смотрит прямо на меня. Я смотрел на него. У него было красивое, вызывающее доверие лицо. Добрые глаза. Он не был похож на убийцу, но и мой отец не был на него похож, как и многие другие серийные убийцы.

Я посмотрел на Кэтрин Гросвенор.

– Скажите ему положить нож.

– Положить нож, а то что? – донесся голос Адама из колонок. Звук был таким громким, что голос казался искаженным.

– Положи нож, а то я убью твою мать.

– Можно подумать, вы это сделаете, – засмеялся Адам.

Я нажал на курок.

В два прыжка я оказался у кровати, закрыл рукой рот Кэтрин Гросвенор и снял пластиковый манжет с ее руки. Датчик пульса выдал непрерывный жалобный писк – самый узнаваемый в мире сигнал смерти. В подушке в сантиметре от головы Кэтрин Гросвенор зияла дырка, а рассыпавшиеся перья плавно приземлялись на кровать. В ушах звенело от выстрела. Запах пороха заполнил комнату и мои ноздри.

Кэтрин Гросвенор пристально смотрела на меня и мотала головой из стороны в сторону. Больше она ничем двигать не могла. За мою жизнь многие люди хотели моей смерти, но никто не желал этого так страстно, как она в эту секунду. Сил у нее было, как у перышка, и я с легкостью ее удерживал. Я захватил ее так, чтобы остановить движение крови в сонную артерию, и держал, пока ее голова бессильно не повисла.

Все это случилось за секунды – настолько быстро, что Адам не успел понять, что он только что услышал. Он услышал выстрел, а через долю секунды – монотонный писк монитора. Он мог бы легко догадаться, что произошло на самом деле, но шок и горе должны были лишить его возможности думать.

– Что вы наделали, – прошептал Адам. А потом заорал – громко и яростно: – Что вы наделали!

Я подошел вплотную к Хэтчеру – настолько близко, что мои губы касались его уха, и за три секунды изложил ему свой план, надеясь, что этого будет достаточно. Время поджимало.

– Мы только что оказали тебе самую большую услугу в твоей жизни, Адам, – сказал Хэтчер. – Тебе больше не придется выполнять ее команды.

– Зачем вы застрелили маму?

Я не ожидал такого ответа. Как Адам мог спутать мой голос и голос Хэтчера? У нас были совершенно разные голоса. Видимо, убитый горем человек не способен соображать.

– Тебе больше не придется выполнять ее команды, – еще раз повторил Хэтчер.

Я подбежал к тележке, нашел ножницы и пластырь. Я бросил пластырь Хэтчеру, чтобы он заклеил рот Кэтрин Гросвенор. Я ожидал, что она пробудет без сознания еще около двадцати секунд, а затем начнет кричать. А нам нужно было, чтобы Адам верил, что она мертва. Нужно было, чтобы он пребывал в состоянии шока и неверия, сбитый с толку и

неспособный думать. Это был единственный шанс спасти Темплтон. Орбитокласт находился на тележке в подвале, и я уже знал, как мастерски обходился с ним Адам.

Я подошел к Рэйчел Моррис и прижал палец к ее губам: молчи! Я перерезал стяжки, помог ей подняться, и мы вышли в коридор. За моей спиной Хэтчер доводил Адама до невменяемого состояния. Он отлично знал, что делать. Он сохранял Адама включенным в разговор и где только возможно называл его по имени. Он обещал ему целый мир, который теперь откроется перед ним. Все как по учебнику.

– Расскажи мне, где тебя держал Адам, – попросил я Рэйчел, как только мы удалились от микрофонов на безопасное расстояние.

Рэйчел начала говорить и закончила, только когда мы подошли к двери в подвал. Я изумился тому, насколько собранной она была, насколько сконцентрированной. Она не задавала вопросов, не сыпала упреками, не жалела себя, а только четко отвечала на мои вопросы. Дональд Коул мог гордиться своей дочерью.

Я спустился вниз один и добежал до нужной двери. Выключатель и собачья створка находились ровно там, где описала Рэйчел. Я лег на пол так, чтобы моя голова оказалась у створки для собак. Пластик усиливал звук, и я должен был слышать все происходящее за дверью.

Голос Хэтчера звучал по-другому – он был похож на голос злобного робота. Стало понятно, почему Адам не смог уловить разницу между нашими голосами. А настоящий голос Адама был тише, более естественным.

Я заставил себя выждать, послушать и понять, что происходит за дверью. Это было непросто. Адреналин зашкаливал, из меня рвалась энергия. В голосе Адама я услышал насмешку, которая мне совершенно не понравилась, а в голосе Хэтчера – просящие интонации, которые нравились мне еще меньше. Наступал критический момент.

Я толкнул дверь и вошел в подвал. Свет слепил. Он отражался от белых плиток и сверкающих металлических деталей стоматологического кресла. Адам стоял у кресла, используя Темплтон в качестве щита. Он крепко держал ее левой рукой, а правой прижимал к ее горлу охотничий нож. Свою голову он прятал за головой Темплтон. Куда бы я ни целился, в него попасть было невозможно.

Темплтон была без сознания. Она сохраняла вертикальное положение только потому, что Адам держал ее. Из раны на животе текла кровь, но это была поверхностная, не угрожающая жизни рана, которая выглядела серьезнее, чем была на самом деле. Я отошел влево, и Адам отзеркалил мое

движение, повернувшись так, что Темплтон снова оказалась между нами.

– Брось нож, Адам.

– Это ты брось пистолет.

Я уверенно держал пистолет правой рукой, опираясь на левую. Пистолет всегда оказывался направлен на Темплтон. Куда бы я ни перемещался, она уже была там. Я сказал себе, что я на стрельбище в Куантико, и передо мной – картонная мишень, а не плоть и кровь. Я давал себе команду успокоиться и пытался сбить пульс поближе к норме.

– Этого не случится.

– Брось пистолет, или я ее убью.

– Если я брошу пистолет, ты ее убьешь в любом случае, а потом попытаешься убить меня.

– Брось пистолет.

– Зачем ты это делал, Адам? – я пытался выиграть время, чтобы подумать. Я уже проиграл в голове все сценарии, все до последнего. И, что бы я ни сделал, при любом раскладе Темплтон погибала.

– Зачем я делал что?

– Зачем ты делал лоботомию своим жертвам? Ведь убить их было бы настолько проще.

– Мать не разрешала мне убивать их.

– Но ведь идея делать лоботомию была твоя?

Мой мозг закипал. Должен же быть какой-то выход, какой-то способ разрулить эту ситуацию так, чтобы Темплтон осталась в живых. Всегда есть выход. Всегда.

– Это то, что я люблю больше всего, – улыбаясь, проговорил Адам. – Вот у них в голове еще горит свет, а через секунду – все. Это так странно. Они все еще похожи на людей, но они уже не люди – они как привидения.

– Но ведь не поэтому же ты любишь это больше всего?

– А почему же тогда?

– Есть ведь другая причина, разве нет?

– Я так полагаю, сейчас ты меня просветишь.

– Тебе больше не надо их пытаться, – сказал я. – Ты ведь на самом деле не хотел их мучить, так ведь, Адам? Ты это делал, потому что тебя заставляла мать. Она доводила тебя до бешенства, и тебе нужно было на ком-то это бешенство выместить.

– Не знаю, о чем ты.

По голосу я понял, что попал в точку. И я также понял, что нашему разговору пришел конец. На долю секунды земной шар перестал вращаться, и время остановилось. Все замерло. Адам сжал руками рукоятку

ножа. В любой момент он был готов провести лезвием по горлу Темплтон, перерезать сонную артерию, и она умерла бы через несколько секунд. После этого он бросит ее тело на пол и будет ждать, что я его застрелю. Я уже видел это раньше, такой вариант выбирают большинство преступников.

Решение снизошло на меня, как внезапное озарение. Я так далеко вышел за пределы шаблонных схем, что они вообще перестали существовать. Я снова и снова проигрывал найденный вариант в голове, желая убедиться, что нигде нет никакой ошибки. Это просто стрельбище, напомнил я себе.

Я ощутил под пальцем курок и вспомнил про Сару Флайт, которая проведет следующие пятьдесят лет на стуле перед окном. Я подумал о том, кем она могла бы стать и кем никогда не станет, об огромном потерянном потенциале. Я подумал о ее матери, которая каждый день будет приходить к ней, о том, как она постареет и как однажды больше не придет. Я подумал о том, как близко к такой же судьбе подошла Темплтон.

Как на стрельбище, сказал себе я. Картон, а не плоть и кровь. Жить всегда лучше, чем умереть.

Первая пуля попала Темплтон в плечо. К тому моменту, когда она долетела до тела, ее скорость была около трехсот метров в секунду. Я целился в кость и попал в кость, то есть Темплтон поглотила большую часть энергии пули, она взяла на себя сильный удар, который заставил ее тело содрогнуться и упасть на пол. Остаток этой энергии предназначался Адаму. Ему достался удар гораздо менее сильный, чем Темплтон, но этого было достаточно, чтобы он расслабил руку с ножом. Металл застучал по полу, его лязг заглушил удар кольца.

Я упал на колени и отсчитал полторы секунды. За это время Адам повернулся на сто восемьдесят градусов, как я и рассчитывал. Но, что самое главное, он отлетел от Темплтон. Образно говоря, произошло то же, что и при столкновении двух бильярдных шаров. Закон Ньютона в действии.

Вторая пуля прошла через тоненькую кость в затылке Адама. Из-за угла входа пуля попала в переднелобную кость, самую толстую часть черепа, и рикошетом прошла по ломаной траектории внутри мозга, разрушив префронтальную кору – ту самую область, которую он своими руками разрушал с помощью лоботомии. Адам камнем рухнул вниз и был мертв еще до того, как ударился о пол.

Я закрыл чемодан и перенес его к двери. Мой вылет был через четыре часа, но я ожидал неизбежного переноса рейса из-за погодных условий. Взлетные полосы уже очистили, но за время снегопада скопилось много задержанных рейсов. При любом раскладе у меня оставалась уйма времени, чтобы добраться до аэропорта, зарегистрироваться и пройти через все формальности, введенные после террористической атаки на нью-йоркские башни-близнецы.

Прошло два дня с тех пор, как я убил Адама. Трофеи были аккуратно сложены в ряд, все задницы прикрыты, и я мог, как и планировал, сбежать в солнечное место. Неблагоприятные ветра еще, конечно, подуют некоторое время, прежде чем полностью выдохнутся, но это уже были проблемы Хэтчера, а не мои. Ублюдка подстрелили. В тюрьме он или мертв – для меня не имело никакого значения. Бессонница меня не мучила.

Я вышел на балкон, чтобы напоследок выкурить сигарету и подумать о следующем расследовании. Так было всегда. Как только удавалось схватить преступника, он переставал меня интересовать. Интерес вызывали те, которые еще были на свободе. И их количество не убывало.

Кто-то постучал в дверь. Стук был не такой уверенный, какой обычно бывает у уборщиц или службы доставки. Тот, кто стучал, словно спрашивал разрешения войти, а не требовал его впустить, потому что так было написано в должностной инструкции. Я открыл дверь и увидел улыбающуюся своей лучезарной улыбкой Темплтон с перевязанной и зафиксированной поперек груди рукой. Операция прошла успешно, но ей так и придется до конца жизни звенеть, проходя сквозь металлодетекторы в аэропортах. Она посмотрела на чемодан за моей спиной.

– Едешь куда-то?

Я отошел в сторону и пропустил ее.

– Ты разве не должна быть в больнице?

Она подошла к дивану и неловко села. Было очевидно, что любое движение причиняло ей боль.

– Очень больно? – спросил я.

Жестом здоровой руки она показала «так себе».

– Сейчас обезболивающие действуют, так что более-менее нормально.

А где-то через полтора часа будет плохо.

– Тебя ведь только завтра выписывают.

– Я сбежала, пока медсестры не видели, – она замолчала, посерьезнела и отвернулась. А когда повернулась вновь, серьезное выражение лица исчезло, и на смену ему пришла неуверенность. Она не очень шла Темплтон. – Я не хотела, чтобы ты помнил меня лежащей в больнице. Это было бы неправильно, – она снова замолчала и криво усмехнулась. – Я хотела попрощаться так, как нужно.

– И? – продолжил за нее я.

– И я подумала, может, нам стоит поговорить о том, что произошло. Чтобы не оставалось недосказанностей.

Я молчал. Это всегда лучшая тактика в ситуациях, когда женщина говорит, что хочет поговорить.

– В отчете Хэтчер написал, что Адам Гросвенор спровоцировал нападение полицейского, в результате которого был убит.

Темплтон внимательно наблюдала за мной с серьезным выражением лица. Сейчас я уже молчал, потому что мы ступили на минное поле. Хэтчер присылал мне текст финального отчета перед отправкой руководству. Этот отчет стал итоговым протоколом дела. Все остались им довольны. Руководство Хэтчера было довольным, потому что преступников поймали, а это положительно сказалось на их репутации. Представители прессы тоже были довольны, потому что у них появилось, о чем писать. Родственники жертв были довольны, насколько это возможно, потому что случилось нечто, напоминающее справедливость.

Единственной недовольной осталась Кэтрин Гросвенор, которая всем и каждому рассказывала, что ее сына убили, но никто ее не слушал. Ее слово было против слова Хэтчера.

Конечно, все было не совсем так, как описал в своем отчете Хэтчер. По большей части он предоставил правдивое описание событий, за исключением пары вещей. Во-первых, он написал, что кольты мы нашли в доме Адама. Во-вторых, он сказал, что я предупредил Адама Гросвенора, прежде чем нажать на курок. Все это было наглой ложью с единственной целью прикрыть мой зад.

Я не собирался сильно волноваться по этому поводу. Как бы там ни было, все закончилось хорошо. Адам должен был умереть, а Темплтон должна была жить. Вот и все. Судя по взгляду Темплтон, ее мучили сомнения, но, поскольку она была без сознания, ничего большего, чем сомнения, у нее не было. Она кивнула сама себе, что означало, что она пришла к какому-то выводу. Потом ее взгляд смягчился, серьезность улетучилась, и она вновь стала той Темплтон, которую я знал.

– Я рада, что он мертв, – сказала она, и напряжение между нами

исчезло.

– А я рад, что ты жива.

– Благодаря тебе. А тебе на самом деле было так необходимо стрелять в меня?

Я сморщился.

– Поверь мне, я был бы только рад, если бы был другой выход.

Темплтон засмеялась.

– Расслабься ты, я же просто шучу. В конце концов, ты сделал то, что должен был.

– Ну, если ты так говоришь...

– Да, говорю. Если бы не ты, меня бы сейчас здесь не было. Спасибо за то, что спас мне жизнь.

– Всегда пожалуйста, – сказал я и сразу же пожалел об этом. В голове эти слова звучат гораздо менее пафосно, а когда их произносишь, чувствуешь себя по-идиотски. Какое-то время мы молчали. Темплтон сказала все, что хотела, и теперь, когда мы обсудили все серьезные вещи, никто из нас не знал, о чем говорить дальше.

– Можно тебя уговорить остаться еще на пару дней? – спросила Темплтон, прервав тишину. – Хотя бы до Рождества. Можешь остановиться у меня. Никто не должен отмечать Рождество в одиночестве.

– Я и не буду в одиночестве.

– Персонал следующего отеля не считается.

Это была хорошая шутка.

– Я не большой любитель Рождества. Это семейный праздник, а я предпочитаю не вспоминать о своей семье. Лучше займусь делом.

– Не буду настаивать, Уинтер, но если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

– Спасибо.

Мы спустились вниз, и я попросил консьержа заказать два такси. Он сделал звонок, а затем попросил меня подождать минуту и исчез в задней комнате. Серебряный «Самсонайт», с которым он вернулся, был той же модели, что и тот, в которых были кольты. Вся разница состояла в том, что на этот раз чемодан был больше и тяжелее. Я передал его Темплтон.

– Это тебе, – сказал я. – Будем считать, что это мой прощальный подарок.

– Что это?

– Открой и увидишь.

Темплтон отошла к столику и положила на него чемодан. Открыв его, она порывисто вздохнула и округлила глаза. Выругавшись, она захлопнула

крышку. Это было искушение. Всего лишь на секунду, но она ему поддалась.

– Миллион фунтов? – спросил я.

– Не знаю, миллион или нет, но там огромное количество налички. Купюры не новые.

– Там миллион. Это награда за освобождение Рэйчел Моррис. Можешь пустить его на ипотеку, новую машину купить. Съезди отдохнуть.

– Я не могу взять эти деньги, они от Дональда Коула. Я должна их сдать.

– Сдашь, и система их проглотит, – сказал я. – Ты же знаешь, как это работает. Лучше всего – разделить их на четыре части и анонимно отдать родственникам жертв Гросвенора. Им понадобятся эти деньги. Это ты ведь сможешь сделать, да?

– Да, это смогу.

Консьерж подал нам знак, что наши такси подъехали. Мы вышли из вращающихся дверей и обнялись на краю тротуара. На долю секунды я подумал, что это объятие может превратиться во что-то большее. Я надеялся, что это произойдет, но, будучи реалистом, знал, что не превратится. Девушки из команды поддержки и отличники никогда не будут вместе. Наши отношения закончились, когда я в нее выстрелил.

Через мгновение Темплтон села в такси. Она в последний раз улыбнулась мне, отъезжая от гостиницы. Такси чуть притормозило, мигнув красными фонарями, а затем повернуло направо, и Темплтон исчезла.

Я забросил чемодан в багажник, сел на заднее сиденье и сказал водителю, что мне нужно в аэропорт. Меня ждал самолет.

Благодарности

От души благодарю своего агента, Камиллу Рэй. Рождение Джефферсона Уинтера состоялось во многом благодаря ее энтузиазму, профессионализму и вниманию к деталям. Мне очень повезло, что у меня лучший агент в мире.

Я также благодарю Кэтрин Армстронг из «Faber» за редакторскую правку. Ее чувство юмора и любовь к чтению поистине заразительны, с ней очень приятно работать.

Мой дорогой друг Ник Табби оказал мне неоценимую помощь. Он не только сделал полезные критические замечания к первым вариантам рукописи, но и отвечал на мои бесконечные вопросы обо всем, что касалось пистолетов, техники и веб-сайтов.

Также хочу поблагодарить Клэр Уоллес и Мэри Дарби из «Агентства Дарли Андерсон», сержанта Габриэля Кристала из лондонской полиции, Кейт О'Хэрн, Кей Си О'Хэрн, Роузи Гудвин, Рут Джексон и, конечно же, неугомонного Уэйна Брукса.

И наконец, с чувством любви и благодарности обращаюсь к Кэрен, Найаму и Финну. Вы наполняете смыслом все в моей жизни.

notes

Примечания

«Змеи и лестницы» – настольная игра с игровым полем, фишками и кубиком. Цель игры – первым добраться до финиша. Если фишка остановилась на ячейке с лестницей, игрок передвигает фишку вверх до конца лестницы, становясь ближе к финишу. Если же фишка остановилась на ячейке с головой змеи, фишка спускается до хвоста и игрок теряет позиции.

Образ действия (*лат.*).

3

Услуга за услугу (*лат.*).

4

Пуля сорок пятого калибра имеет диаметр 11,42 мм (0,45 дюйма).